

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского,
протокол №3 от 15 апреля 2019 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Яценко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 15.04.2019. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 25,4. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2019 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82-311.4

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «БОЯРЩИНА» КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Александрова И. В., Кравченко Е. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
e-mail: iva-510@mail.ru; kravchenco_e_v@mail.ru

В статье анализируются основные принципы пространственной и временной организации художественного мира романа А. Ф. Писемского «Боярщина». Пространственно-временные отношения рассматриваются как один из способов экспликации авторской точки зрения на героев и события. Выявляется контраст открытых и замкнутых пространств, социального (усадебного) и природного миров. Особое внимание уделяется воссозданию художественного пространства посредством детализации (предметы интерьера, реалии пейзажной сферы). Функционально-смысловой потенциал деталей подтверждается характеристиками, которые получают герои на протяжении романа. Предпринимается попытка интерпретации знаковых временных координат и топонимов, выполняющих в романе две функции: они задают композиционную связанность тексту и являются призмой для авторского восприятия персонажей и их отношений. Хронотоп дороги рассматривается как место встречи и соприкосновения персонажей с различными ценностными установками и мотивациями. Делается вывод, что пространственно-временные координаты создают уникальный художественный мир романа Писемского и одновременно служат характеристике персонажей и обстоятельств. В статье доказывается, что хронотоп произведения представляет собой сложно организованную, разветвленную, многогранную структуру, а изображаемый автором усадебный мир расходится с идеалом, сложившимся в русской литературе середины XIX века (в частности, в романах И. С. Тургенева и И. А. Гончарова).
Ключевые слова: пространственно-временная организация, художественный мир, хронотоп, локус, художественное пространство, деталь, авторская позиция.

ВВЕДЕНИЕ

Категории времени и пространства в художественном тексте неразрывно связаны между собой и отражают определенную модель мира конкретного автора. «Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234], в трудах М. М. Бахтина получила название «хронотопа». По наблюдению ученого, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1, с. 406]. Опора на идеи М. М. Бахтина побуждает рассматривать хронотоп как формально-содержательную

категорию, создающую образ человека в литературе на пересечении пространственных и временных координат [1, с. 234].

По мнению Н. В. Рожкова, хронотоп не является сам по себе самодостаточной величиной, он занимает важное место в иерархии художественно-изобразительных средств и служит средством экспликации авторского миропонимания [21, с. 671]. И. Б. Роднянская характеризует данную категорию как важнейшую составляющую художественного образа, способствующую целостному восприятию художественной реальности [20, стлб. 772].

Хронотопными координатами выступают время и место разворачивания сюжета. Пространство художественного текста как воображаемая семиотическая реальность заполняется образами и персонажами согласно авторской модели миропонимания и потому является ключом к интерпретации авторской точки зрения. Художественное время также связано с авторским субъективным видением мира.

Целью статьи является изучение особенностей организации художественного времени и пространства в романе А. Ф. Писемского «Боярщина» (1858) и их роли в воплощении авторской позиции.

Ранними критиками и исследователями творчества писателя (А. М. Скабичевским, С. А. Венгеровым, К. Ф. Головиным-Орловским, И. И. Ивановым и др. [18; 2; 5; 9]) «Боярщина» была признана образцовым романом критического реализма, написанным в соответствии со сложившимися канонами «натуральной школы». С середины XX века в работах литературоведов, изучающих творческое наследие Писемского (А. П. Могиланский, С. Н. Плеханов, П. Г. Пустовойт, Л. М. Лотман и др. [14; 17; 19; 12]), особое внимание уделялось характеристике сюжетных линий и образа главного героя Валериана Эльчанинова. Е. В. Павлова исследовала роман в контексте поэтики «натуральной школы» [15], С. В. Звягиной были обнаружены интертекстуальные связи «Боярщины» с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина и произведениями Жорж Санд [8].

Пространственно-временная организация «Боярщины» не становилась еще предметом специального литературоведческого исследования. Между тем, она может быть рассмотрена как один из способов реализации авторской точки зрения в

романе. В этой связи показательно, что топоним вынесен Писемским в название и композиционно действие строится на перемещении главного героя из одного локуса в другой, что вносит дополнительные смысловые коннотации в его характеристику. **Актуальность** настоящего исследования, таким образом, связана с необходимостью выявления особенностей соотношения времени и пространства в романе А. Ф. Писемского, что позволит глубоко проникнуть в творческий замысел писателя и получить максимально адекватное представление о воплощенной в романе позиции автора.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Развивая бахтинскую теорию хронотопа, Ю. М. Лотман замечает, что под хронотопом следует понимать «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [13, с. 252–253]. Художественное пространство определяет композиционное единство произведения и авторское отношение к реальной действительности. Также хронотоп выполняет характерологическую функцию. Для каждого героя художественного произведения мир делится на внешнее пространство (разомкнутое и враждебное) и внутреннее (закрытое, интимное) [23, с. 56]. Соответственно, пространство, в котором находится и действует герой, позволяет раскрыть особенности его внутреннего мира. Таким образом, пространственная организация текста воплощает специфику индивидуальной картины мира автора и его восприятие человека в этом мире.

Роман Писемского открывается характеристикой Боярщины – волости, находящейся в одной из северных губерний. Заглавный топоним можно рассматривать в нескольких значениях. С одной стороны – это наименование определенной местности, с другой – слово рождает звуковые ассоциации с понятием «барщина», что добавляет семантику повинности, обязанности; с третьей же – в слове подчеркнута связь с прежними временами, когда так называли имения, принадлежащие боярам, и «период правления влиятельных бояр» [7]. Существительное «боярщина» образовано от лексемы «боярин», значение которой словарь В. И. Даля объясняет как «жалованный сан: вельможа, знатнейшее сословие

в государстве» [6, с. 123]. Ко времени создания романа Писемского прежнее боярство вырождается, а его наследники, дворяне, разоряются и нравственно мельчают, утрачивается исконная связь слова «боярин» с понятиями знатности и благородства. Боярщина в романе становится образом, характеризующим провинциальное бездуховное дворянство. Так, плутоватый владимирец-разносчик в разговоре с повествователем характеризует Боярщину следующим образом: «Такое уж там для нас место притоманное» [16, с. 53]. В. В. Виноградов, рассматривая этимологию слова «притоманный», отмечает, что в «Толковом словаре» В. И. Даля оно объясняется как «истинный, истый, правый, настоящий, подлинный, сущий; коренной, основной, родовой» [6, с. 453], а у Писемского употреблено с окраской «простонародности» [3]. Значения данного слова и контекст его употребления, включающий лексемы «плут», «плутовал» [16, с. 53], позволяют заключить: Боярщина представляется средоточием подлинного плутовства, мелкого обмана, хитрости, истинного лицемерия, интриг и нечестивости. Коренные обитатели Боярщины подтверждают эту характеристику на протяжении всего произведения. При соотнесении топонима с персонажной системой наблюдается процесс метонимизации. Таким образом, под «Боярщиной» Писемский имеет в виду не только географическое наименование местности, но и собирательный образ общества, ее населяющего: «вся боярщина собиралась в доме у губернского предводителя» [16, с. 60], «Боярщина еще чаще стала ездить в Кочарево» [16, с. 210]. Так происходит расширение семантических границ образа, который воспринимается теперь как воплощение злобы, алчности, лживости, антигуманности, провинциальной косности.

Боярщина – место действия циклического бытового времени, что позволяет увидеть в событиях, разворачивающихся в данной волости, – явления обычные, тривиальные, происходящие повсеместно.

Действие романа развивается в пяти усадебных локусах (имения Могилки – Кочарево – Ярцово – Каменки – Коровино), представленных относительно самостоятельными мирами, с определенной организацией пространственно-временных координат. Попутно уточним, что в современном филологическом

дискурсе локус соотносится с конкретным закрытым пространственным образом, а топос с открытым местом разворачивания смыслов [18, с. 88]).

Могилки – родовое владение Задор-Мановских. Само его название связано с семантикой умирания, смерти, конца жизни. Описание окрестностей создает мрачное, тягостное впечатление. Усадьба «как-то резко отличалась от прочих небольшими окнами, господский дом был выкрашен серою краскою; от самых почти окон начинал тянуться огромный пруд, берега которого густо были обсажены соснами, разросшимися в огромные деревья, которые вместе с домом, отражаясь в тинистой и непрозрачной воде, делали пруд похожим на пропасть; далее за ним следовал темный и заглохший сад, в котором, кажется, никто и никогда не гулял... При самом почти въезде в усадьбу, на правой руке, стояла полуразвалившаяся часовня, около которой возвышалось несколько бугров, напоминавших о некогда бывшем тут кладбище. Одним словом – все как-то было серо и мрачно и наводило на вас грустное и неприятное чувство» [16, с. 54]. Выстраиваемый автором образный ряд несет семантику смерти, мрака, опасности, безысходности. Аукториальный повествователь подмечает «необыкновенное сходство» усадьбы «с раскольничьим кладбищем» [16, с. 54].

Имение Задор-Мановских – это замкнутое, ограниченное пространство, скрытое от посторонних глаз. Прочный забор вокруг дома символически выражает стремление хозяев усадьбы к обособленности, изоляции от постороннего вмешательства. И действительно, Мановский-старший живет отшельником («он ни к кому не ездил, и у него никто не бывал» [16, с. 54]), а впоследствии никто не посещает в усадьбе и его сына; даже Эльчанинову, готовому на все, чтобы добиться Анны Павловны, не удастся переступить эту границу, он ни разу не появляется в доме. Мир Михаила Егоровича, как и мир его отца, вполне материален, груб и жесток, далек от фантазий и идилличности; герой подавлен и внутренне одинок, не понят окружающими, остро переживает свою «трагедию» – крах надежд на выгодный брак. Преобладание серого цвета и темных тонов в усадебном пейзаже символизирует тоску и безнадежность. Цветовая палитра становится знаком тревоги, грусти и бессилия обитателей дома. Непрозрачная, мутная вода в пруду несет семантику

неподвижности, застоя, затхлости; водная бездна, сравниваемая с пропастью, олицетворяет опасность и становится метафорой смерти. Образы заглохшего сада и полуразрушенной часовни также приобретают символические коннотации: Писемский подчеркивает отсутствие в коренных обитателях имения духовности и внутреннего света. Именно в этот мир волею обстоятельств попадает чистая и чувствительная Анна Павловна, но противопоставляет ему свой собственный, рожденный ее воображением: «не видя ничего в будущем, отторгнутая в настоящем от всего, что ей было дорого, сосредоточилась на прошедшем и с помощью мечтательного характера составила из него целый мирок» [16, с. 81]. Ее мир – это мир прошлого, наполненный светлой грустью и воспоминаниями о былом счастье, он воплощает идеалистические представления героини о жизни и поглощает ее без остатка. Таким образом, живя под одной крышей, супруги находятся в совершенно разных мирах. Повествователь постоянно подчеркивает дистанцию между ними: «села в некотором отдалении» [16, с. 59], «проговорила <...> отодвигаясь на другой конец дивана» [16, с. 59]. И муж, и жена раздавлены жизненными обстоятельствами, но продолжают совместно существовать, примирившись с безысходностью. Пространственно-временные показатели объясняют настроения и поступки Задор-Мановского и Анны Павловны, тщетно стремящихся выйти из замкнутого круга.

Характеризует Михаила Егоровича и его излюбленное место в доме – гостиная. Это частное, интимное пространство лишено всякого уюта: «самая большая и холодная комната в целом доме. Стены ее были голы; кожаная старинная мебель составляла единственное ее убранство» [16, с. 81]; «в комнате, по причине растворенных окон, был страшный холод» [16, с. 82]. Повторяющийся мотив холода очень значим для понимания характера хозяина усадьбы, человека, лишённого малейшего душевного тепла. Отсутствие картин на стенах, какого бы то ни было декора выдает в обитателе комнаты натуру черствую, «железную», «закаленную в нужде» [16, с. 55], но лишённую всяческих эстетических запросов и духовных потребностей.

Повествователь знакомит читателя с роскошной усадьбой графа Юрия Сапеги, которая располагается на самом возвышенном месте [16, с. 82], что указывает на

особое положение хозяина, ввиду чего имение становится «главнейшим пунктом внимания окружающих дворян...» [16, с. 82]. Дом представителя дворянской элиты монументален, а его описание отчетливо структурировано. Название данной местности – Каменки – содержит непосредственную авторскую оценку, вполне очевидную в контексте акцентируемых деталей и соответствующего образного ряда: «огромный каменный дом <...> в виде четырехугольника английский сад с своими подстриженными деревьями» [16, с. 82], «сад был охвачен чугунной решеткой. Прочие усадебные строения и службы были тоже каменные» [16, с. 82]. Данный локус представляет собой замкнутую устойчивую структуру, это четко организованный материальный мир роскоши и комфорта. Здесь нет места красотам природы, равно как и искренним душевным движениям. Каменные строения ассоциируются с крепостью, прочностью и незыблемостью [10, с. 236], а в общем контексте романа несут коннотативный признак окаменелости души, отсутствия у хозяина духовной составляющей. Симптоматично, что именно граф – ключевая фигура в жизни Эльчанинова и Анны Павловны, он становится виновником смерти героини, которая обречена на гибель в его доме.

В Сапеге, при всей конкретности и реалистичности образа, акцентируется «темное» начало, и автор обнажает его в том числе с помощью знаковой временной координаты. Граф приходит к Анне Павловне, чтобы сообщить о вероломном поступке Эльчанинова, не просто ночью, а «когда пробило на часах двенадцать» [16, с. 220]. Этому странному обстоятельству дается вполне реалистическое объяснение: весь день разговору препятствует Савелий, находящийся неотлучно у постели больной. Однако полночь, как известно, имеет и символическую семантику: это время активизации дьявольских сил, господства деструктивных начал. И действительно, после рассказа Сапеге Анна Павловна теряет рассудок и вскоре умирает. В приведенном эпизоде временная характеристика дополняется деталью, имеющей отношение к пространственной сфере: «Ночная лампада слабо освещала комнату, и только ярко блестел золотой оклад старинной иконы» [16, с. 220]. Симптоматична поведенческая реакция Сапеге: «Граф невольно отвернул глаза от образа...» [16, с. 220]. Данный контекст актуализирует «демонические» коннотации.

Восприятие читателем хозяина Каменки как искусителя обеспечивается и сценой, где он соблазняет Эльчанинова перспективами жизни в столице («Сапега с намерением будил в нем давно уснувшее честолюбие» [16, с. 139]). Таким образом, граф является олицетворением пагубных человеческих страстей и пороков.

Важной деталью в интерьере дома Сапеги становится зеркало. Традиционно оно отражает скрытые смыслы внешнего вещного мира, показывает лица, спрятанные за масками, раскрывает двойственность человеческого облика [10, с. 209]. В романе автор при помощи зеркала обличает лицемерие и лживость героев. Так, Клеопатра Николаевна имитирует обморок («Она ясно видела, что граф хочет от нее отделаться, и решила на последнее средство – притвориться страстно влюбленной и поразить старика драматическими эффектами» [16, с. 194]), Сапега же наблюдает за этой сценой через зеркало и смеется, когда фальшь раскрывается. Писемский, таким образом, показывает, что светское общество не способно жить «живой жизнью», каждый день здесь исполняются роли в спектакле, где истинные чувства и лица скрыты за масками равнодушия.

Своеобразную характеристику получает усадьба главного героя романа Эльчанинова Коровино. Он живет в большом, но «очень ветхом доме» [16, с. 120]. Излюбленная его комната – гостиная – имеет «странный вид»: «Вместо церемонности и чистоты, которыми обыкновенно отличаются гостиные в семейных помещичьих домах, она представляла страшный беспорядок: на столе и на диванах валялись разные книги, из которых одни были раскрыты, другие совершенно лишены переплета... На круглом столе стояла матовая лампа; на полу и на окне были целые кучи табачного пепла и валялось несколько недокуренных сигар. На столе, под зеркалом, стоял очень хороший мраморный бюст Вальтер-Скотта. За рамкой портрета отца был заткнут портрет Щепкина. Рядом с портретом матери висела гравюра какой-то полуобнаженной женщины. Словом, тут было все, что бывает обыкновенно в грязных и холодных номерах, занимаемых студентами» [16, с. 120]. Описание данного локуса содержит имплицитную характеристику героя: в его натуре доминируют беспорядочность и нравственная нечистоплотность. Акцентная деталь – соседство портрета матери с пошлой гравюрой – обнажает цинизм Эльчанинова, его

духовную нищету, способность соединять высокое, святое с дурным, низменным. В жизни Эльчанинова, как и в его доме, царит хаос. Преследуя единственную цель – достижение богатства, «жизни в столице» [16, с. 148], – он мечется между желаемым и необходимым, не замечая на своем пути никаких препятствий, растрачивая себя, не испытывая чувства вины за низкие поступки.

Пространство жилища героя, таким образом, конкретизируется посредством развернутой детализации. Особого внимания заслуживают упоминаемые в описании интерьера книги: «По большей части это были прошлогодние журналы, переводные сочинения и несколько французских романов; большим почтением, казалось, пользовались: Шекспир в переводе Кетчера и полные сочинения Гете на немецком языке» [16, с. 120]. Круг чтения – традиционный в литературе XIX века прием, выполняющий характерологическую функцию. Шекспир и Гете – бесспорные авторитеты у романтиков, равно как и Вальтер Скотт. Эльчанинов – человек, моделирующий свою жизнь по литературным образцам, примеряющий роли романских персонажей. Так, на свидание с Анной Павловной он является верхом на лошади, «завернувшись в широкий черный плащ» [16, с. 86], подобно байроническому герою; в гостиной предводителя старается «принять несколько изысканное положение» [16, с. 63]. Валериан Александрович постоянно толкует об одолевающей его скуке, подражая разочарованным персонажам онегинского типа, «лишним людям». Образчики его речи тоже выдают в нем склонность к эффектным жизнетворческим позам и броским фразам: «Анна! – вскричал в исступлении Эльчанинов. – Сам Бог вырвал тебя из рук злодея и отдал мне. Ты навеки моя...» [16, с. 132], «О женщины! Ничтожество вам имя! – проговорил Эльчанинов мысленно, – все вы равны...» [16, с. 102] (о функционально-смысловом потенциале цитат в речи героя см.: 11, с. 189). Эльчанинов – хорошо образованный молодой человек, не чуждый, на первый взгляд, благих порывов, но низменные страсти полностью поглощают его, вытесняя из сердца все добрые чувства. «Целые кучи табачного пепла» на окне призваны напомнить читателю другого героя, гоголевского Манилова с его горками «выбитой из трубки золы» [4, с. 32] на подоконнике, не менее мечтательного, велеречивого и столь же бездуховного. «Уединенная и однообразная

жизнь» [16, с. 160] невыносима для Эльчанинова, потому тихая и спокойная любовь Анны Павловны быстро ему надоедает. Его воззрения на жизнь эгоистичны, а все стремления и интересы связаны со сферой сугубо материальной: «Жизнь в столице, – обширное поле деятельности, наконец, богатство и почти несомненная надежда достигнуть всего этого через покровительство знатного человека, – вот что занимало его теперь. Любовь, не представлявшая ничего рельефного, ничего выпуклого, что обыкновенно действует на характеры впечатлительные, но не глубокие, не могла уже увлекать Эльчанинова» [16, с. 148]. Чужая загубленная жизнь ничего ему не стоит, его волнует только собственное благополучие. Поэтому Эльчанинов – пошлый светский франт, пустой фразер – проигрывает робкому и немногословному Савелию, необразованному, бедному, но честному дворянину.

В изображении скромной обители Савелия в Ярцово вполне очевидна симпатия автора по отношению к данному персонажу. Здесь не случайны уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые передают не только размеры: «флигелек его разделялся на две половины, в одной из них жил его мужик с семейством и пускались по зимам коровы и овцы, а другую занимал он сам. Последняя была, в свою очередь, разгорожена на две комнатки – на прихожую и спальню, в которой он поместил больную» [16, с. 207]. Это ветхое, но уютное жилище, согретое душевным теплом его хозяина, становится последним пристанищем бедной Анны Павловны, которой в последний миг жизни даровано озарение: «Бог судил ей в последний раз прийти в себя и посмотреть на истинно любящего ее человека» [16, с. 208]. Героиня находит успокоение от мирской суеты и несправедливости в этой внешне убогой обители.

Важнейший локус, в который перемещает читателя повествователь, – дом губернского предводителя в усадьбе Кочарево. Данная локация дается без детального описания, но читатель по скудным деталям («Предводитель сидел в вольтеровских креслах...» [16, с. 99]; «кресла, которые обыкновенно в количестве полутора дюжин расставляются по обеим сторонам дивана» [15, с. 61]; «Возвратившаяся хозяйка принимала гостей по большей части в диванной, которую она в последнее время полюбила перед прочими комнатами, потому что меблировала ее привезенною из Петербурга премиленькой мебелью» [16, с. 210] и т. п.) может легко восстановить

целостную картину роскошной гостиной, где собираются для светского общения и пересудов самые яркие выразители взглядов и жизненного уклада Боярщины. Слабая детализация, как представляется, связана с тем, что здесь существеннее не бытовая сторона жизни, а события, разворачивающиеся в усадьбе и влекущие за собой изменения в судьбах героев. Именно в Кочареве происходит завязка сюжета романа (встреча Анны Павловны и Эльчанинова). В финале вместо разъяснения событий, произошедших после смерти Анны Павловны, автор передает диалог жены предводителя и знатных боярщинцев, которые спустя год после случившегося собираются в ее доме в Кочарево. Из разговора в гостиной становится известно, как сложилась судьба всех героев. Граф Сапега и Задор-Мановский предстают в финале романа физически сломленными, что является проекцией их внутреннего разлада: Сапега «постарел очень, узнать нельзя, говорит, что как приехал из деревни, все хворает: простудился» [16, с. 211], а Мановский «из этакого сильного мужчины сделался какой-то малый ребенок» [16, с. 211]. Изворотливая Клеопатра Николаевна с присущей ей беспечностью выходит из щекотливой ситуации совершенно спокойно и принимается для отвода чужих глаз воспитывать дочь «что называется и строго, и ласково, как следует матери» [16, с. 212]. Общество, виновное в гибели чистой души, укоряет во всех произошедших изменениях Анну Павловну, которая «умерла решительно от любви» [16, с. 212], воспринимаемой толпой как нечто легкомысленное и недостойное, будоражащее умы и сердца, вносящее хаос в устоявшийся порядок. Потому в глазах боярщинцев смерть Анны Павловны – закономерный исход, не вызывающий сострадания.

Пространства, воссоздаваемые в романе, благодаря детализирующему слою воспринимаются как вполне конкретные. Пространственная конкретика дополняется временной. Время действия фиксируется замечаниями повествователя: «Спустя месяц после описанного нами происшествия» [16, с. 60]; «На другой день, часу в двенадцатом» [16, с. 91]; «в воскресенье, часу в третьем пополудни...» [16, с. 96]; «в воздвиженьев день» [16, с. 192] (т. е. 14 (27) сентября, в церковный праздник Воздвижения Христа Господня); «прошел год» [16, с. 212] и т. п. Обращение к календарному, циклическому времени подчеркивает обыденность событий, их

типический характер. Писемский в основном соблюдает хронологический принцип изложения, лишь изредка прибегая к ретроспекции (предыстория Эльчанинова, Анны Павловны, упоминание о жизни Мановского-старшего), выполняющей функцию объяснения характеров героев и мотивировки событий настоящего обстоятельствами прошлого. Посредством ретроспективной сферы, усложняющей структуру хронотопа, автор устанавливает дистанцию между минувшим и настоящим, порой противопоставляя их (как в случае с Анной Павловной, жизнь которой в девичестве резко контрастирует с ее горькой судьбой замужней женщины).

Завершенность художественного времени в романе Писемского выражается завершением сюжета, исчерпанностью конфликта: умирает Анна Павловна, ее мужа разбивает паралич, Сапега и Эльчанинов бегут в Петербург, Савелий, не вынеся утраты любимой, отправляется на Кавказ. Временная завершенность поддерживается пространственной: события заканчиваются там же, где начались, – в Кочареве, имении дворянского предводителя. Автор, таким образом, закольцовывает, замыкает действие обращением к одной и той же пространственной координате, что позволяет ему акцентировать важную мысль: невзирая на трагические события, в боярщинском обществе ничего принципиально не изменилось, здесь царят все те же сплетни, жестокость, ложь и безнравственность.

Важную роль в романе играет хронотоп дороги. Он связывает все локусы и обеспечивает единство изображаемого писателем мира. Дорога является также местом встречи героев, точкой их самоопределения, пунктом дальнейшего фабульного развития. Так, неожиданная встреча Эльчанинова и Анны Павловны с Иваном Александровичем во многом определит дальнейшее движение сюжета, а разговор Эльчанинова с Савелием по дороге в Ярцово обнажит сущность отношения каждого из них к жизни.

Дорога Анны Павловны из Петербурга в деревню становится для героини неким разрывом с реальной действительностью, погружает в иллюзорный мир воспоминаний: «она всю дорогу обливалась слезами, думая об нем. Ни театры, ни вечера не развлекали ее. Почти с восторгом поехала она с отцом в деревню, рассчитывая мечтать об Эльчанинове целые дни, никем и ничем не развлекаемая»

[16, с. 80]. С этого момента начинается медленное угасание «живой жизни», героиня вынуждена подчиняться обстоятельствам и в итоге, сломленная, утрачивает способность действовать самостоятельно. Автор подчеркивает ее статичность и пассивность, покорность судьбе. Все ее передвижения в пространстве обуславливаются динамикой окружающих ее героев: «Двое лакеев несли бесчувственную Анну Павловну на руках; сзади их шел мальчик с чемоданом» [16, с. 130]; «Савелий <...> выскочил с нею в окно в сад, провел по захолустной аллее в ржаное поле» [16, с. 164]; «Анну Павловну перенесли и уложили в постель, две горничные поставлены были на бессменное дежурство к ней» [16, с. 184]; «Савелий позвал двух горничных, приподнял ее, надел на нее все, какое только было, теплое платье, обернул сверх того в ваточное одеяло и вынес на руках» [16, с. 184]. Таким образом, судьба героини как бы заранее предначертана, даже такое сильное чувство, как любовь, не способно пробудить ее к жизни. Анна Павловна предстает жертвой гнетущих общественных порядков, заложницей уродливых социальных отношений.

Хронотоп дороги значим и для характеристики Эльчанинова, который постоянно перемещается, посещая различные имения, и каждый раз его поведение определяется той сферой, в которую он попадает. Как замечает Ю. М. Лотман, «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся <...> переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [13, с. 278]. Эльчанинов по-светски галантен в Кочареве у предводителя, развязен и нагл у местной «львицы» Клеопатры Николаевны в Ярцово, заискивает перед Сапегой в Каменке, и лишь у себя дома выказывает свою истинную сущность. Приезжая из Петербурга в Боярщину, он вторгается в чуждое для него пространство и тем самым нарушает привычный размеренный ритм жизни местного общества. Финальное возвращение героя в Петербург замыкает круг его перемещений в пространственно-временных координатах. При всей внешней активности и мобильности Эльчанинов внутренне статичен: на протяжении повествования он не претерпевает никаких изменений, а его сердце оказывается неподвластным ни любви, ни состраданию.

Закрытое усадебное пространство (искусственно созданное руками человека) в романе противопоставляется открытому – природному (не подвластному воле людей).

Подлинную свободу и легкость Анна Павловна чувствует лишь за границами усадебного мира – в открытом поле и лесу. Спокойствие и решительность она обретает именно тогда, когда идет через поле на свидание с Эльчаниновым. Встреча, назначенная в лесу, обеспечивает введение хронотопа, синонимичного сказочному: «Глубокое молчание царствовало в лесу, только шум его (Эльчанинова. – *И. А., Е. К.*) шагов да по временам взмах поднявшеюся из-под куста тетерева нарушал тишину. Огромные сосны, поросшие мохом, часто заслоняли ему дорогу своими длинными ветвями <...> С приближением в середину лес становился чаще и темнее» [16, с. 86]. Функция данного топоса сходна с его значением в фольклорной традиции – преодоление героем препятствия. Здесь Писемский впервые обнажает истинную сущность Эльчанинова. Лес становится пограничным миром, он безлюден и безмолвно отражает настроение главного героя. Лес – это царство природы, естественная среда, но это и враждебная человеку пространственная сфера, неподвластная его воле, поэтому человек, попадая в густой и непроходимый лес, чувствует себя в опасности, беспомощен и одинок в мире всемогущей природы [10, с. 289]. Соприкасаясь с лесным пространством и пытаясь победить природные силы, Эльчанинов выглядит мелким и каким-то жалким на фоне деревьев-великанов: «Преодоление этих небольших препятствий несколько отвлекло моего героя от главного предмета его мыслей; вместе с физическим утомлением уменьшалась в нем и решительность. Мысли его приняли печальное и несколько боязливое направление» [16, с. 86]. Как и многие вечнозеленые растения, сосна в национальном культурном контексте ассоциируется с бессмертием [10, с. 487], но в данном случае упомянуты заросшие мхом деревья, что по смыслу синонимично забвению и смерти. Символично, что путь влюбленному преграждают сухие сучья и «толстые колоды упавших сухих дерев» [16, с. 87]: природа как будто противостоит герою. Сухое дерево упоминается автором среди природных реалий и во время второй поездки Эльчанинова в рощу, в эпизоде неудавшегося свидания. Писатель словно

предсказывает нежизнеспособность, бесперспективность отношений героев. Драматическое развитие событий предвещают и тяжелые серые тучи, которые «гигантскими массами плыли с севера» [16, с. 97].

Второй раз Анна Павловна оказывается в поле не по своей воле: ее спасает от разгневанного мужа Савелий. Пространственные перемещения героев описываются следующим образом: «Савелий выскочил с нею в окно в сад, провел по захолустной аллее в ржаное поле, где оба они, наклонившись, чтобы не было видно голов, дошли до лугов; Савелий посадил Анну Павловну в стог сена, обложил ее так, что ей только что можно было дышать, а сам опять подполз ржаным полем к усадьбе и стал наблюдать, что там делается. Видя, что Мановский уехал совсем, он сбегал за Анной Павловной и привел ее в усадьбу» [16, с. 164]. Автор сгущает хромотопные элементы: разомкнутое пространство (окно – сад – аллея – поле – луга) сменяется замкнутым (стог сена – усадьба), тем самым акцентируется мысль о неспособности героини вырваться за пределы обозначенных для нее границ. Окно, представляя собой отверстие и выражая идею проникновения [10, с. 348], символизирует границу перехода из замкнутого пространства – комнаты – в открытый мир – сад. Перемещение героев через аллеи в поле и далее в луга в смысловом отношении синонимично освобождению от сложившихся обстоятельств и преодолению препятствий, однако героиня пребывает в состоянии забытья, и потому ее передвижение в этом направлении обнуляется. Савелий прячет Анну Павловну в стог сена, укрывает скошенной (мертвой) травой, что символически сопоставимо со смертью – в этой детали прочитывается и предупреждение, и фатальный итог, к которому приближается героиня. Возвращение Мановской в усадьбу Эльчанинова, куда ее приводит Савелий, – бег по заданному замкнутому кругу, из которого героиня не в состоянии выйти.

Поле как воплощение свободы становится знаковым местом и для Эльчанинова, покидающего Боярщину: «...коляска с шумом выехала в поле. Эльчанинову стало легче; как бы тяжелое бремя спало у него с души; минута расставанья была скорей досадна ему, чем тяжела» [16, с. 180]. Автор, бесспорно, осуждает эгоистический поступок героя. Однако данная пространственная характеристика имеет и другое

значение: поле – открытое природное пространство – противопоставляется Боярщине, пространству социальному, – месту гибели человеческой души, все обитатели которого, зараженные общей болезнью, обречены на страдания и смерть. Поэтому данный локус покидают Савелий и граф Сапега, а Эльчанинов, уезжающий в Петербург, чувствует себя освобожденным от тисков нездоровых общественных отношений.

ВЫВОДЫ

Анализ художественного времени и пространства романа А. Ф. Писемского «Боярщина» позволяет сделать вывод о разветвленности и сложности структуры его пространственно-временного континуума. Совокупность пространственно-временных отношений в романе служит не только для связи элементов текста, но и является одним из средств реализации авторской точки зрения на героев и изображаемые обстоятельства.

Календарное, циклическое время, постоянно фиксируемое персонифицированным повествователем, дает возможность автору показать обыденность, типичность описываемых ситуаций и вместе с тем обозначить масштабность обозначенных в романе проблем. Структура хронотопа усложняется посредством введения ретроспективных элементов, призванных пояснить характеры и мотивы поведения героев. Пространственные параметры то сужаются до размеров комнаты, то расширяются, включая в себя природные массивы. В центре внимания автора оказываются пять усадебных локусов, связь между которыми обеспечивается хронотопом дороги, воспринимаемым как место встречи и взаимодействия героев с различной ценностной ориентацией.

Тип пространства служит способом характеристики персонажей и авторского отношения к ним. Замкнутые пространства (усадьбы помещиков Боярщины, их дома) и открытые, разомкнутые (лес, поле, роща, сад) противопоставлены друг другу как искусственное и естественное. В романе значима оппозиция «человек естественный – человек, зараженный социальными предрассудками», «природа – социум», воплощаемая с помощью противопоставления образов усадьбы и природных

пространств (поля, леса, рощи). Социальная сфера связывается с алчностью, злобой, лживостью, безнравственностью, искажает характеры людей, губит тех, кто не может противостоять давлению уродливых общественных норм. Сфера естественного, природного соотносится с добротой, человечностью, честностью, самоотверженностью, открытостью.

Ряд топонимов – названий поместий – содержит авторскую оценку характеров и обстоятельств. Особенно очевидной ее делают детали, акцентируемые в описании усадеб, интерьеров их комнат. Смысловое наполнение деталей находит соответствие в характеристиках, которые получают герои на протяжении развертывания сюжета.

Усадебный мир Писемского резко контрастирует с воплощением его в романах И. С. Тургенева и И. А. Гончарова – в «Боярщине» он лишен идилличности. Боярщина олицетворяет затхлую атмосферу, отсталый жизненный уклад, становится символом безжалостной силы, подавляющей человека. Это проекция провинциального мира, в котором действуют и правят невежественные, грубые, ограниченные люди. Лейтмотивом произведения становится скорбь автора о нравственном разложении дворянского мира, мифологемы усадебного хронотопа в романе разрушаются и низводятся. Автор диагностирует духовный распад русского помещичьего дворянства.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–408.
2. Венгеров, С. А. Очерки по истории русской литературы [Текст] / С. А. Венгеров. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1907. – 492 с.
3. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с. – Режим доступа: <http://wordhist.narod.ru/pritomannij.html>
4. Гоголь, Н. В. Мертвые души [Текст] / Н. В. Гоголь // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 23 т. – Т. 7. – М : Наука, 2012. – С. 5–233.

5. Головин-Орловский, К. Ф. Русский роман и русское общество [Текст] / К. Ф. Головин-Орловский. – СПб. : тип. А. Ф. Маркса, 1904. – 502 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Русский язык, 2004. – 640 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: в 2 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Т. 1. – М. : Русский язык, 2000. – 1209 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova?letter=б>
8. Звягина, С. В. Художественный мир А. Ф. Писемского в контексте магистральных сюжетов русской литературы / С. В. Звягина – [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2016. – Режим доступа: <http://diss.unn.ru/files/2016/648/autoref-648.pdf>
9. Иванов, И. И. Писемский (Критико-биографический очерк) [Текст] / И. И. Иванов. – СПб. : Изд-е журн. «Мир Божий», 1898. – 226 с.
10. Керлот, Х. Э. Словарь символов [Текст] / Х. Э. Керлот. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.
11. Кравченко, Е. В. Русские и зарубежные писатели в интертекстуальном поле романов А. Ф. Писемского [Текст] / Е. В. Кравченко // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2017. – С. 185–191.
12. Лотман, Л. М. Писемский-романист [Текст] / Л. М. Лотман // История русского романа : в 2 т. – Т. 2. – М.; Л. : Наука, 1964. – С. 121–148.
13. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С. 251–293.
14. Могиланский, А. П. Писемский: жизнь и творчество [Текст] / А. П. Могиланский. – Л. : Наука, 1991. – 160 с.
15. Павлова, Е. В. Рассказ А. Ф. Писемского «Нина» и повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель»: литературный контекст [Электронный ресурс] / Е. В. Павлова // Художественный текст и культура. – Владимир, 2006. – С. 29–35.

– Режим доступа: <http://phil.vlsu.ru/fileadmin/doc/KNhudozhestvennyitekstikulturaVI-2006.pdf>

16. Писемский, А. Ф. Боярщина [Текст] / А. Ф. Писемский // Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 1. – М. : Правда, 1959. – С. 53–214.
17. Плеханов, С. Н. Писемский [Текст] / С. Н. Плеханов. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 287 с.
18. Прокофьева, В. Ю. Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы [Электронный ресурс] / В. Ю. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – № 11. – 2005. – С. 87–94. – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2005_11/12.pdf
19. Пустовойт, П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа [Текст] / П. Г. Пустовойт. – М. : Изд-во моск. ун-та, 1969. – 272 с.
20. Роднянская, И. Б. Художественное время и художественное пространство [Текст] / И. Б. Роднянская // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – Т. 9. – М. : Современная энциклопедия, 1978. – Стлб. 772–780.
21. Рожков, Н. В. Художественно-функциональная специфика хронотопа в прозе Германа Гессе [Текст] / Н. В. Рожков // Книжная культура и искусство книги. – № 6 (18). – 2013. – С. 665–672. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-funktsionalnaya-spetsifika-hronotopa-v-proze-germana-gesse>
22. Скабичевский, А. М. А. Ф. Писемский. Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А. М. Скабичевский. – СПб. : Общественная польза, 1894. – 96 с.
23. Фаликова, Н. Э. Хронотоп как категория исторической поэтики [Электронный ресурс] / Н. Э. Фаликова // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1992. – С. 45–57. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-kak-kategoriya-istoricheskoy-poetiki-1>

References

1. Bakhtin M. M. *Formy Vremeni i Khronotopa v Romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. M. M. Bakhtin *Voprosy Literatury i Estetiki. Issledovaniya Raznykh Let*. Moscow: Hudozhestvennaya Literature Publ., 1975. pp. 234–408.
2. Vengerov S. A. *Ocherki po Istorii Russkoi Literatury* [Essays on the History of Russian Literature]. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva Obshchestvennaya Pol'za Publ., 1907. 492 p.
3. Vinogradov V. V. *Istoriya Slova* [Word History]. Moscow: Institut Russkogo Yazyka Imeni V. V. Vinogradova RAN Publ., 1999. 1142 p. Available at: <http://wordhist.narod.ru/pritomannij.html>. (accessed 23 may 2019).
4. Gogol' N. V. *Mertvye Dushi* [Dead Souls]. N. V. Gogol'. Complete works. Vol. 7. Moscow: Nauka Publ., 2012. pp. 5–233.
5. Golovin-Orlovskii K. F. *Russkii Roman i Russkoe Obshchestvo* [Russian Novel and Russian Society]. Petersburg: Tipografiya A. F. Marksa Publ., 1904. 502 p.
6. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 2004. 640 p.
7. Efremova T. F. *Novyi Slovar' Russkogo Yazyka* [New Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 2000. 1209 p. Available at: <https://gufo.me/dict/efremova?letter=b>
8. Zvyagina S. V. *Hudozhestvennyi Mir A. F. Pisemskogo v Kontekste Magistral'nykh Syuzhetov Russkoi Literatury: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The Artistic World of A. F. Pisemsky in the Context of the Main Subjects of Russian Literature]. Nizhny Novgorod, 2016. Available at: <http://diss.unn.ru/files/2016/648/autoref-648.pdf>.
9. Ivanov I. I. *Pisemskii (Kritiko-Biograficheskii Ocherk)* [Pisemsky (Critical Biographical Sketch)]. Petersburg: Izdanie Mir Bozhii Publ., 1898. 226 p.
10. Kerlot H. Ye. *Slovar' Simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: REFL-book Publ., 1994. 608 p.
11. Kravchenko E. V. *Russkie i Zarubezhnye Pisateli v Intertekstual'nom Pole Romanov A. F. Pisemskogo* [Russian and Foreign Writers in the Intertextual Field of Novels by

- Pisemsky]. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo Publ., 2017. pp. 185–191.
12. Lotman L. M. Pisemskii-Romanist [Pisemsky-Novelist]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1964. pp. 121–148.
 13. Lotman Yu. M. Hudozhestvennoe Prostranstvo v Proze Gogolya [Art Space in Gogol's Prose]. Lotman Yu. M. V Shkole Poeticheskogo Slova : Pushkin. Lermontov. Gogol' Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1988. pp. 251–293.
 14. Mogilyanskii A. P. Pisemskii: Zhizn' i Tvorchestvo [Pisemsky: Life and Work]. Leningrad: Nauka Publ., 1991. 160 p.
 15. Pavlova E. V. Rasskaz A. F. Pisemskogo Nina i povest' A. S. Pushkina Stantsionnyi Smotritel': Literaturnyi Kontekst [The Story by Pisemsky Nina and the story by Pushkin The Stationmaster: literary context]. Khudozhestvennyi Tekst i Kul'tura. Vladimir, 2006. pp. 29–35. – Available at: <http://phil.vlsu.ru/fileadmin/doc/KHudozhestvennyitekstikulturaVI-2006.pdf>.
 16. Pisemskii A. F. Boyarshchina [Boyarschina]. Pisemskii A. F. Sobranie Sochinenii. Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1959. pp. 53–214.
 17. Plekhanov S. N. Pisemskii [Pisemsky]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ, 1987. 287 p.
 18. Prokof'yeva V. Yu. Kategoriya Prostranstvo v Hudozhestvennom Prelomlenii: Lokusy i Toposy [The Category of Space in the Artistic Sense: the Locus and Topos]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, no 11, pp. 87–94. Available at: http://vestnik.osu.ru/2005_11/12.pdf.
 19. Pustovoi P. G. A. F. Pisemskii v Istorii Russkogo Romana [Pisemsky in the History of the Russian Novel]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1969. 272 p.
 20. Rodnyanskaya I. B. Hudozhestvennoe Vremya i Hudozhestvennoe Prostranstvo [Art Time and Art Space]. Kratkaya Literaturnaya Entsiklopediya. Vol. 9. Moscow: Sovremennaya Jenciklopediya Publ., 1978. Stb. 772–780.
 21. Rozhkov N. V. Khudozhestvenno-Funkcional'naya Spetsifika Khronotopa v Proze Germana Gesse [The Artistic and Functional Specificity of the Chronotope in Prose of Hermann Hesse]. Knizhnaya Kul'tura i Iskusstvo Knigi, 2013, no 6 (18), pp. 665–672.

Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-funktsionalnaya-spetsifika-hronotopa-v-proze-germana-gesse>

22. Skabichevskii A. M. A. F. Pisemskii. Yego Zhizn' i Literaturnaya Deyatel'nost' [Pisemsky. His Life and Literary Activity]. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Publ., 1894. 96 p.
23. Falikova N. Je. Khronotop kak Kategoriya Istoricheskoi Poetiki [Chronotop as a Category of Historical Poetics]. Problemy Istoricheskoi Poetiki. Petrozavodsk, 1992. pp. 45–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-kak-kategoriya-istoricheskoy-poetiki-1>

**SPATIO-TEMPORAL ORGANIZATION OF THE NOVEL “BOYARSHCHINA”
BY A.F. PIEMSKY AS A WAY OF CONVEYING THE AUTHOR’S POSITION**

Aleksandrova I. V., Kravchenko E. V.

The article analyzes the basic principles of the spatial and temporal organization of the artistic world of the novel “Boyarshchina” by A. F. Pisemsky as a way of conveying the author’s position. It reveals the contrast of open and closed spaces, the social (estate) and the natural worlds. Particular attention is paid to the reconstruction of artistic space through details (interior items, the realities of the landscape sphere). The functional and semantic potential of the details is confirmed by the characteristics that the heroes receive throughout the novel. An attempt is made to interpret significant temporal coordinates and toponyms that perform two functions in the novel: they provide the compositional coherence of the text and are the prism for the author's perception of the characters and their relationships. The chronotope of the road is considered as a meeting place of characters with different values, attitudes and motivations. It is concluded that the space-time coordinates create a unique artistic world of Pisemsky’s novel meanwhile serving as characteristics of the characters and circumstances. The article proves that the chronotope of the novel is a complexly organized, branched, multifaceted structure, and the estate world depicted by the author diverges from the ideal prevailing in Russian literature of the mid-19th century (in particular in the novels of I. S. Turgenev and I. A. Goncharov).

Keywords: space-time organization, art world, chronotope, locus, art space, detail, author's position.

УДК 821.161.1

МОТИВЫ СНА И УВЯДАНИЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX-XX ВВ.

Иванова Н. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

В статье с помощью метода мотивного анализа исследуются средства реализации мотивов сна и увядания в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. В ходе исследования выдвигается гипотеза о том, что такого рода текстовое образование может рассматриваться в качестве топического сверхтекста, сформированного на основе значимого в русской культуре топоса Бахчисарая благодаря моделирующей функции указанных мотивов, обладающих такими свойствами, как повторяемость и вариативность. Инвариантным значением мотива увядания является утрата былой красоты и величия, а мотива сна – мечта, греза, воспоминание, некое пограничное, межмиренное состояние человеческой души. Последнее значение, будучи реализованным в Бахчисарайском тексте, восходит к романтической философии двоемирия и стремлению преодолеть характерную для романтиков бинарную оппозицию «мечта – реальность». В ходе экспликации указанного топоса происходит процесс его мифологизации, осуществляющийся под влиянием интертекстуальных связей с поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: созданные посредством мотива сна романтические картины оказывают воздействие на сознание воспринимающего субъекта, вытесняя из него продиктованный реальностью мотив увядания, определяя отношение к окружающему миру и желание отыскать черты мира мечты в реальности. Последовательная реализация обозначенных мотивов Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. обеспечивает его концептуальное единство.

Ключевые слова: мотив, мотивная структура, топический сверхтекст, Бахчисарайский текст, топос, оппозиция «мечта – реальность».

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на более чем вековую историю функционирования, метод мотивного анализа остается актуальным и для современного литературоведения. Как известно, еще в конце XIX А. Н. Веселовский в труде «Историческая поэтика» использовал по сути своей интермедиаальный термин «мотив», понимая его как «простейшую повествовательную единицу» [4]. Затем этим понятием оперировали такие известные литературоведы, как А. И. Белецкий, А. К. Бем, В. Я. Пропп, Б. В. Томашевский, Б. М. Гаспаров, И. В. Силантьев, В. И. Тюпа и др. При всем многообразии его определений исследователи указывают на такие свойства мотива, как повторяемость, вариативность, но при этом наличие инварианта. Именно эти свойства определяют текстообразующую функцию указанной категории: «мотивы репрезентируют

смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство» [17, с. 56]. Таким образом создается своего рода сверхтекст – «некоторое множество текстов, отличающееся высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостно-единое словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование» [9, с. 100]. Благодаря этой моделирующей функции лейтмотива сверхтекст и приобретает свою концептуальную завершенность, а анализ его мотивной структуры – особую актуальность.

Классифицируя такого рода текстовые образования, современные исследователи (Л. М. Гаврилина, С. О. Курьянов, А. Г. Лошаков, Н. Н. Старыгина) выделяют локальные сверхтексты – «смыслорождающие структуры, конструируемые исследователем... на основе инвариантных характеристик социокультурного пространства» [18, с. 131] и топические, являющиеся результатом концептуализации и мифологизации их пространственных составляющих. На характеристику топического сверхтекста указывает С. О. Курьянов, говоря то том, что его формирует «миф, явленный в контексте нескольких произведений» [8, с. 113].

В связи с вышесказанным представляется возможным высказать предположение о существовании Бахчисарайского текста (по аналогии с Петербургским, Московским, Лондонским, Итальянским и пр. текстами). Безусловно, он уступает перечисленным структурам в масштабности, но его референтное пространство совершенно отчетливо организуется вокруг определенного ценностно значимого для культуры локуса (в данном случае, скорее, топоса), и его организующим началом является миф.

Значимым для русской культуры топосом Бахчисарай стал с выходом в свет в 1824 году поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В течение менее чем двадцати лет после этого события в литературе (работы В. А. Жуковского и Г. П. Данилевского, стихотворения В. Г. Бенедиктова и П. А. Вяземского) сформировался и устойчиво закрепился миф об этом городе, по сей день воспринимаемом сквозь призму пушкинского романтического произведения. Это еще один аргумент в пользу существования Бахчисарайского текста, так как, согласно заключению А. Г. Лошакова, любой сверхтекст строится благодаря

«процессам смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных межтекстовых связей, с другой – центробежных интертекстуальных связей, ориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверттекста...» [9, с. 7].

Благодаря пушкинскому претексту в отечественном культурном пространстве Бахчисарай воспринимался и воспринимается как ожившая легенда, место, где разгораются романтические страсти в антураже абсолютной красоты. Не зря А. А. Ахматова в стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» и Леся Украинка в стихотворении «Бахчисарай» рифмуют указанный топоним со словом «рай». Однако это не соответствовало действительности уже в момент посещения Ханского дворца А. С. Пушкиным. Доказательством служит известная дневниковая запись поэта: «В Бахчисарай приехал я больной... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода» [15, Т. 7, с. 280-281]. Но на основе традиционной для романтиков философии двоемирия в художественном мире пушкинской лирики был создан тот Бахчисарай, который по своему воздействию на читательское мировосприятие оказался гораздо сильнее реального. И здесь чрезвычайно интересное наблюдение сделал В. О. Пигулевский, утверждающий, что при такого рода «удвоении мира» функции посредника между двумя мирами принимает на себя «сон», который и сам по себе может в этом случае становиться иной, особой реальностью [13, с. 95]. О сходстве природы сна и мифа, сна и мечты, сна и творческого процесса писали многие как отечественные, так и зарубежные исследователи (К. Абрагам, В. В. Ванслов, А. К. Жолковский, Л. М. Ельницкая, Ю. М. Лотман, В. М. Марковач, Д. А. Нечаенко, Н. А. Тархова, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Э. Фромм, Т. В. Цивьян и др.). Так, по мнению Э. Фромма, «миф, как и сон, предлагает историю, происходящую в пространстве и во времени, историю, которая языком символов выражает религиозные и философские идеи, опыт души, в которой лежит реальное значение мифа» [21, с. 195]. В. О. Пигулевский справедливо полагает, что таким образом в художественном мире писателя или поэта создается «высшая реальность, открывающаяся при вспышках озарения, описывается понятиями мечта, грёза, сон. В

этой реальности осуществляются желания, не реализованные в действительности» [13, с. 96]. В Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX – XX вв. последовательно эксплицируется мотив сна как отзвук существования иной, пушкинской, реальности, как отголосок мифа о Бахчисарае и мотив увядания как слепок реального мира. В совокупности эти мотивы реализуют традиционную для романтического мировосприятия бинарную оппозицию «мечта – реальность» и, как правило, являются взаимообусловленными и взаимодополняющими, следовательно, цель проводимого исследования – анализ их роли в формировании Бахчисарайского текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Мотив сна возникает уже в самой поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», в финальной части которой поэт пишет: «Я посетил Бахчисарая / В забвенье дремлющий дворец» [15, Т. 3, с. 156]. На первый взгляд, происходит соединение мотивов сна и увядания, однако это не совсем так. В. М. Маркович указывает на то, что «сон ассоциируется с мечтой, надеждой, любовью, творчеством, воспоминанием, предчувствием, выступающими в романтическом ореоле – как переживания высшего порядка» [10, с. 8]. Дремота дворца становится средством реализации иного мира, возможно, давно ушедшего («татарин буйный пировал», «вздыхали жены в тишине»), а возможно, созданного мечтой и воображением поэта, но границ между этим миром и реальностью явно не существует, и прошедшее время сменяется настоящим: «Еще поныне дышит нега / В пустых покоях и садах; / Играют воды, рдеют розы, / И выются виноградны лозы, / И злато блещет на стенах» [15, Т. 3, с. 156-157].

С античных времен выстраивались параллели сна и смерти, пробуждения и воскрешения, и в финале пушкинской поэмы мотив сна, как представляется, эксплицирован также в изображении ханского кладбища, где также стерта граница между ушедшим и существующим: «Сии надгробные столбы, / Венчанны мраморной чалмою, / Казалось мне, завет судьбы / Гласили внятную молвою» [15, Т. 3, с. 157]. И поэт видит в опустевшем гареме тень Марии или Заремы и говорит о своем желании

вновь увидеть «брега веселые Салгира». Таким образом реализуется механизм мифологизации Бахчисарая: эксплицированные посредством мотива сна романтические картины оказывают влияние на сознание воспринимающего субъекта, вытесняя из него продиктованный реальностью мотив увядания, определяя отношение к окружающему миру и желание отыскать черты мира мечты в реальности: «Приду на склон приморских гор, / Воспоминаний тайных полный, – / И вновь таврические волны / Обрадуют мой жадный взор. / Волшебный край! очей отрада! / Все живо там: холмы, леса, / Янтарь и яхонт винограда, / Долин уютная краса, / И струй и тополей прохлада...» [15, Т. 3, с. 158].

И далее на протяжении двух веков этот механизм мифологизации будет последовательно реализовываться в процессе создания Бахчисарайского текста. Всего через год после выхода в свет пушкинской поэмы в сонете А. Мицкевича «Бахчисарай» дана отсылка к ней и эксплицирован мотив увядания: «Величествен и пуст дворец, где жил Гирей. / Роскошной жизни след заткала паутина... / Разросся дикий плющ в пролетах галерей / И чертит письма... Унылая картина! / То Валтасара знак таинственный «РУИНА» / Природа нанесла на все дела людей» [11, с. 100]. Этот мотив приобретает черты общечеловеческого приговора, а разрушающийся Бахчисарайский дворец становится моделью мироздания, однако надежда на спасение есть, пока жив пушкинский фонтан: «Один фонтан журчит, как прежде, в полдень синий. / Роня жемчуг слез над чашею резной, / Разносит голос он в безжизненной пустыне: / О слава, власть, любовь, что здесь текли рекой! / Исыкли скоро вы, а я струюсь донныне, / Тревожа – о позор! – безмолвия покой» [11, с. 100]. Таким образом утверждается незыблемая связь времен: все, что, казалось бы, безвозвратно ушло, находит свой отзвук в настоящем и, думается, найдет в будущем.

Другой современник А. С. Пушкина – П. П. Гнедич – в стихотворении «Бахчисарай» также реализует мотив увядания: «...Все в запустеньи! Сын востока / Забросил чудный уголок – / И захирел в венке пророка / Блиставший некогда цветок» [7]. Описывает он и «царское кладбище», которое «на солнце дремлет у дворца», эксплицируя при этом мотив сна, или, как пишет П. А. Гнедич, «царственного покоя», не нарушаемого ничем, кроме «вечного плеска фонтана». Таким образом

категория «прошлое» трансформируется в «вечное», сон семантизируется благодаря отсылке к сюжету пушкинской поэмы.

Повторяемость мотива сна в Бахчисарайском тексте приводит к тому, что этот город зачатую изображается в ночное время. Так происходит и в стихотворении Г. П. Данилевского «Бахчисарайская ночь»: 1) «На террасах розы / В сон погружены...»; 2) «Вязов-великанов / Сонный ряд стоит...» [7]. Здесь также есть упоминание о ханском кладбище, полном призраков, что указывает на присутствие элементов ушедшего мира в реальном. Представляется, что влияние пушкинской поэмы привело к тому, что большинство поэтов, описывая Бахчисарай, упоминают об одном фонтане, как А. Мицкевич и П. П. Гнедич, хотя всего в Бахчисарае было около 150 фонтанов во дворах и на перекрестках, так как восточное представление о рае – Иреме – неразрывно связано с образом сада и плещущих в нем фонтанов. Из них два десятка украшали дворцовый комплекс, и в этом смысле Г. П. Данилевский следует исторической правде: «Тихий плеск фонтанов / От дворцов летит» [7]. Как известно, предание гласит о том, что воспетый А. С. Пушкиным фонтан слез был построен в память о рано ушедшей любимой жене хана Крым-Гирея Диляре-Бикеч (Диноре Хионис) у входа в ее усыпальницу, и его устройство связано с этим печальным событием. Однако следует сказать и о том, что восточные фонтаны, как правило, утроены так, что вода из них течет по каплям, так как люди этого края с трудом добывают воду и с почтением к ней относятся. В связи с чем понятна причина описания Г. П. Данилевским Бахчисарая в финале стихотворения: «И молчат утесы, / И сады молчат... / И одни лишь слезы / В тишине звучат [7]. Таким образом смысловым и эмоциональным наполнением фонтана слез оказывается окрашен весь город.

В стихотворении В. Г. Бенедиктова «Бахчисарай» (1843 г.) также описан ночной город и множество фонтанов, однако на фонтан слез поэт указывает как на «тот фонтан» и отсылает нас к тексту пушкинской поэмы: «Вот тот фонтан!.. Когда о нем, / Гремя, вещал орган России, / Сей мрамор плакал в честь Марии, / Он бил слезами в водоем» [3, с. 139].

А в стихотворении Леси Украинки «Бахчисарайский дворец» предпочтение отдано реальности и ведущим является мотив увядания: дворец дважды назван руиной, описаны развалины гарема, поэтесса также говорит о множестве фонтанов, которыми «себе оплакує оселя ся чудова». Отсылка к пушкинскому тексту здесь не угадывается ни на сюжетном, ни на эмоциональном уровне. Мотив увядания эксплицирован и в стихотворении «Бахчисарайская гробница», где Леся Украинка упоминает сюжет «Бахчисарайского фонтана» лишь для того, чтоб сделать этот мотив всеобъемлющим и утвердить господство реальности: «Ні, тута не лежить краса гарема, / Марія смутна чи палка Зарема, – / Тут спочива бахчисарайська слава!» [20, Т. 1, с. 107]. Однако в стихотворении «Бахчисарай» реализован скорее мир мечты, упоминается лишь один фонтан, присутствует семантика райского сада и последовательно эксплицирован мотив сна в описании ночного города: «Мов зачарований, стоїть Бахчисарай. / Шле місяць з неба промені злотисті, / Блищать, мов срібні, білі стіни в місті, / Спить ціле місто, мов заклятий край. / Скрізь мінарети й дерева сріблесті / Мов стережуть сей тихий сонний рай; / У темряві та в винограднім листі / Таємно плеще тихий водограй. / Повітря дише чарівним спокоєм, Над сонним містом легкокрилим роєм / Витають красні мрії, давні сни. [20, Т. 1, с. 107]. Образ райского сада создан обилием сверкающих красок, сны соединяются с мечтами, хранят память о прошлом – таким образом актуализируются воспоминания «про давні часи», настоящее вновь переключается с прошлым, а сиюминутное – с вечным.

В художественном мире А. А. Ахматовой также семантика райского сада является непременным атрибутом мира мечты, воплощенного посредством реализации мотива сна: «Вновь подарен мне дремотой / Наш последний звездный рай – / Город чистых водометов, / Золотой Бахчисарай» [1, с. 72]. Здесь угадываются и отголоски мифа о Небесном граде из Откровения Иоанна Богослова. Однако реальность вторгается в мир мечты и биографическими фактами, и эмоциональным фоном, и мотивом увядания, внесенным осенним пейзажем: «Осень смуглая в подоле / Красных листьев принесла» [1, с. 72].

Сходное с пушкинским восприятие Бахчисарая предстает перед нами в поэме В. В. Набокова «Крым» (1920 г.). Город вновь описан в ночное время, реализован мотив

увядания, однако наряду с ним эксплицирована и семантика райского сада, а благодаря образам фонтана слез и самого А. С. Пушкина временное вновь приобретает черты вечного: «И посетил я по дороге / чертог увядший. Лунный луч / белел на каменном пороге. / В сенях воздушных капал ключ / очарованья, ключ, печали, / и сказки вечные журчали / в ночной прозрачной тишине, / и звезды сыпались над садом. / Вдруг Пушкин встал со мною рядом / и ясно улыбнулся мне...» [12, с.235].

Пушкинский текст и пушкинский миф о Бахчисарае позволяют В. В. Набокову преодолеть антиномию мечты и реальности, временного и вечного и смягчить трагизм расставания (поэму он написал, уже находясь в эмиграции). А другой поэт, также перед расставанием с родиной посетивший Бахчисарай, Н. Н. Тuroверов, сознательно пытается найти эмоциональную поддержку, придя во дворец и обращаясь к культурной памяти. Однако безуспешность этой попытки делают мотив увядания главенствующим, а оппозиции «мечта – реальность» и «временное – вечное» непреодолимыми: «На юг, на юг. Всему конец. / В незабываемом волнении, / Я посетил тогда дворец / В его печальном запустении. / И увидал я ветхий зал, / Мерцала тускло позолота, - / С трудом стихи я вспоминал, / В пустом дворце искал кого-то» [19].

В стихотворении А. Нивина «Бахчисарай» мотив сна является ведущим. Он вновь эксплицирует семантику райского сада и, видимо, отсылает к сюжету пушкинской поэмы: «Кофейни дремлют... По камням / Простукал всадник... Здесь и там, / В садах таинственны и немые, / Под говор оживленных вод, / Мерцают сонные гаремы... / Чу! Словно крик!.. И вновь плывет / Бесшумно тень...» Нерушимость этого промежуточного состояния между реальностью и миром грез утверждается и в финале произведения: «И снова - тишь, и сон, и зной!..» [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мотивы сна и увядания, последовательно реализуясь в Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. и наделяя его признаками топического сверткста, эксплицируют константные представления (термин

С. О. Курьянова) об этом топосе, а также бинарную оппозицию «мечта – реальность». Мотив увядания возникает, когда поэты изображают реальное состояние современного им города. Воплощая же мотив сна при описании Бахчисарая, они получают возможность преодолеть указанную антиномию, и внешне утративший былую красоту и величие (инвариантное значение мотива увядания) город наделяется семантикой райского сада. Такого рода трансформация семантики указанного топоса происходит или может происходить в результате процесса его мифологизации, осуществляющейся под влиянием «центробежных интертекстуальных связей» с поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Характерная для романтиков философия двоemiрия, основанная на противопоставлении реального мира миру мечты, порождает инвариантное значение мотива сна: мечта, греза, воспоминание, некое пограничное, межмиренное состояние человеческой души. Последовательная реализация обозначенных мотивов Бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. обеспечивает его концептуальное единство на основе «центростремительных межтекстовых связей».

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Собрание сочинений. В 6 т. [Текст] / А. А. Ахматова. – Москва: Эллис Лак, 2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Белецкий, А. И. В мастерской художника слова [Текст] / А.И. Белецкий. – М.: Высш. шк., 1969. – 169 с.
3. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1939. – 376 с.
4. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов [Текст] / А. Н. Веселовский. – Л.: Худож. лит., 1940. – 649 с.
5. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука; Восточная лит., 1993. – 304 с.
6. Краснов, Г. В. Мотив в структуре прозаического произведения: К постановке вопроса [Текст] / Г. В. Краснов // Вопросы сюжета и композиции. – Горький: Изд-во ГГУ, 1980. – Вып. 4. – С. 69-81.

7. Крым в русской поэзии: Бахчисарай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.russianplanet.ru/poetry/saray.htm>. – (Дата обращения:10.09.2017).
8. Курьянов, С. О. О Крымском тексте и формировании сверхтекста [Текст] / С. О. Курьянов // Современная картина мира: крымский контекст. – Симферополь, 2017. – С. 90-113.
9. Лошаков, А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования [Текст] / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2008. – № 66. – С.100-109.
10. Маркович, В. М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» [Текст] / В. М. Маркович // Болдинские чтения. – Горький, 1980. – С. 25-47.
11. Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / А. Мицкевич. – М.: Художественная литература, 1968. – 144 с.
12. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 576 с.
13. Пигулевский, В. О. Романтический универсум, сюр- и гиперреальность и историко-теоретические проблемы искусства [Текст] / В. О. Пигулевский. – Кишинёв, 1987. – С. 95-96.
14. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
15. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 томах [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.
16. Русанова, О. Н. Мотив в аспекте исторической поэтики [Текст] / О. Н. Русанова // Вестник ТГПУ. 2006. – Вып. 8 (59). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 120-126.
17. Силантьев, И. В. Поэтика мотива [Текст] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
18. Старыгина, Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы [Текст] / Н. Н. Старыгина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2017. – № 3-2 (95). – С. 129-136.

19. Туроверов, Н. Н. Бахчисарай [Электронный ресурс] / Н. Н. Туроверов. – Режим доступа: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. – (Дата обращения: 01.03.2018).
20. Українка, Л. Зібрання творів у 12 тт. [Текст] / Л. Українка. – К. : Наукова думка, 1975.
21. Фромм, Э. Забытый язык [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.

References

1. Akhmatova A. A. *Sobranie Sochinenii. V 6 Tomakh.* [Collected Works. In 6 Vol.]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2002; Vol. 7. 2004.
2. Beletsky A. I. *V Masterskoi Khudozhnika Slova* [In the Artist's Workshop of the Word]. M.: Higher School Publ., 1969. 169 p.
3. Benedictov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. L.: Soviet Writer Publ., 1939. 376 p.
4. Veselovsky A. N. *Poetika Syuzhetov* [Poetics of Plots]. *Historical poetics.* L: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1940. 649 p.
5. Gasparov B. M. *Literaturnye Leitmotivy. Ocherki po Russkoi Literature XX Veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. M.: Science; Eastern Literature Publ., 1993. 304 p.
6. Krasnov G.V. *Motiv v Strukture Prozaicheskogo Proizvedeniya: K Postanovke Voprosa* [Motive in the Structure of the Prose Work: Towards the Posing of the Question]. *Questions of the Plot and Composition.* Gorky: Publishing House of the State University, 1980. Vol. 4. Pp. 69-81.
7. *Krym v Russkoy Poezii: Bakhchisarai* [Crimea in Russian Poetry: Bakhchisarai]. Available at: <http://crimea.russianplanet.ru/poetry/saray.htm>. (accessed: 09.10.2017).
8. Kuryanov S. O. *O Krymskom Tekste i Formirovanii Sverkhteksta* [About the Crimean Text and the Formation of the Supertext]. *Modern Picture of the World: Crimean Context.* Simferopol, 2017. Pp. 90-113.
9. Loshakov A. G. *Sverkhtekst: Problema Tselostnosti, Printsipy Modelirovaniya* [Supertext: the Problem of Integrity, Principles of Modeling]. Proceedings of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. SPb, 2008. No. 66. Pp. 100-109.

10. Markovich V. M. *Son Tat'yany v Poeticheskoi Strukture «Yevgeniya Onegina»* [Sleep of Tatiana in the Poetic Structure of *Evgenii Onegin*]. *Boldino Readings*. Gorky, 1980. Pp. 25-47.
11. Mickiewicz A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. A. Mickiewicz. M.: Fiction Publ., 1968. 144 p.
12. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniya i Poemy* [Poems] / V. V. Nabokov. M.: Sovremennik Publ., 1991. 576 p.
13. Pigulevsky V. O. *Romanticheskii Universum, Syur- i Giperreal'nost' i Istoriko-Teoreticheskie Problemy Iskusstva* [Romantic Universum, Sur- and Hyper-Reality and Historical-Theoretical Problems of Art]. Chisinau, 1987. Pp. 95-96.
14. Propp V. Ya. *Istoricheskie Kornia Volshebnoi Skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. L.: Leningrad State University Publ., 1986. 364 p.
15. Pushkin A. S. *Sobraniye Sochinenii v 10 Tomakh* [Collected Works in 10 Vol.]. M.: GIKHL Publ., 1959-1962.
16. Rusanova O. N. *Motiv v Aspekte Istoricheskoi Poetiki* [Motive in the Aspect of Historical Poetics]. *Bulletin of TSPU*. 2006. Vol. 8 (59). Series: Humanities (Philology). Pp. 120-126.
17. Silantyev I. V. *Poetika Motiva* [Poetics of Motive]. M.: Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 296 p.
18. Starygina N. N. *Sistema Lokal'nykh Sverkh tekstov Russkoy Literatury* [The System of Local Supertexts of Russian Literature]. *Bulletin of I. Ya. Yakovlev Chuvashia State Pedagogical University*. Cheboksary, 2017. № 3-2 (95). Pp. 129-136.
19. Turoverov N. N. *Bakhchisarai* [Bakhchisarai]. Available at: http://tavrida_liter.chat.ru/klas/bahchi.htm. (accessed 03.01.2018).
20. Ukrainka L. *Zibrannya Tvoriv u 12 Tomakh* [Collected Works in 12 Vol.]. K.: Naukova Dumka Publ., 1975.
21. Fromm E. *Zabytyi Yazyk* [The Forgotten Language]. M.: AST Publ., 2017. 320 p.

**THE MOTIFS OF DREAM AND WILTING IN BAKHCHISARAI TEXT OF
RUSSIAN POETS
OF THE 19TH -20TH CENTURIES**

Ivanova N. P.

In the article, using the method of motif analysis, the means of realizing the motifs of dream and wilting in the Bakhchisarai text of Russian poets of the XIX-XX centuries are investigated. In the course of the study, it is hypothesized that this kind of textual formation can be considered as a topical supertext, formed on the basis of Bakhchisarai's significant in Russian culture, due to the modeling function of these motifs with such properties as repeatability and variability. The invariant meaning of the motif of wilting is the loss of past beauty and grandeur, and the motif of dream is a dream, a memory, a kind of borderline, interworldly state of the human soul. The latter meaning, being realized in the Bakhchisarai text, goes back to romantic philosophy of double world and the desire to overcome the binary opposition "dream - reality" characteristic of romanticism. During the explication of this topos, the process of its mythologization takes place, influenced by intertextual links with the poem by A. S. Pushkin *The Fountain of Bakhchisarai*: romantic pictures created by the motif of dream influence the consciousness of the perceiving subject, displacing the motif of wilting dictated by reality, defining the attitude to the world around us and the desire to find the features of the world of dreams in reality. Consistent implementation of the designated motifs of the Bakhchisarai text of Russian poets of the XIX-XX centuries ensures its conceptual unity.

Keywords: motive, motive structure, topical supertext, Bakhchisarai text, topos, opposition "dream - relation".

УДК 821.161.1

**НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА А. С. ГРИНА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «НОЧЬЮ И ДНЕМ»)**

Курьянов С. О., Лосинец Д. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: so_k@inbox.ru, evalecont@gmail.com

Цель данной статьи – показать своеобразие неомифологического мышления автора, явленное в рассказе А. С. Грина «Ночью и днем».

В постархаическую эпоху, когда традиционный миф утратил свое сакральное значение и новое сознание перестало создавать мифы в их традиционной форме, литература взяла на себя некоторые функции мифотворчества, что способствовало становлению неомифа.

Современное литературоведение видит в концепции неомифа особую форму знания. А поскольку миф рассматривается как культурно-эстетическая система, тесно связанная с типом художественного мышления, это предопределяет специфическую трактовку мифологических сюжетов, символов и образов, которые воспроизводятся и пересовоссоздаются в сюжете. Так возникают новые соответствующие запросам современности мифологические структуры.

В рассказе «Ночью и днем» А. С. Грином заимствуются древние мифологические мотивы, такие, как мотив оборотничества и мотив двойничества. Заимствование не является прямым, писатель трансформирует традиционную модель, наделяя ее новыми смыслами. В присущей ему манере А. С. Грин мастерски маскирует проявления мифологического времени, совмещая реальное и ирреальное. Все эти компоненты способствуют уяснению авторского мифологического сознания, особой гриновской картины мира, включающей в себя отдельные мифологические и мифологизированные элементы мировой литературы.

Ключевые слова: миф, неомиф, мифологическое мышление, авторское мышление, неомифологический сюжет

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В постархаическую эпоху, когда традиционный миф утратил свое сакральное значение, а новое сознание перестало создавать мифы в традиционной форме, некоторые функции мифопорождения взяла на себя литература, что способствовало возникновению неомифа.

Современная литература испытывает интерес к концепции неомифа как особой формы знания. Миф рассматривается как культурно-эстетическая система, тесно сопряженная с типом художественного мышления, что предопределяет специфическую трактовку мифологических сюжетов, символов и образов, которые воспроизводятся и пересовоссоздаются в сюжете. Так порождаются соотносимые с

современностью и ею востребованные новые мифологические структуры. Сегодня неомифологические формы исследуются учеными разных гуманитарных специальностей. Основой исследований часто является попытка определить механизмы происхождения мифологических сюжетов как в произведениях отдельного автора, так и в контексте литературы разных народов. На этом сосредоточивали своё внимание такие ученые, как С. П. Батракова, И. А. Дябкин, А. А. Забияко, Е. М. Метелинский, П. Н. Барышников, В. П. Руднев и др. Всё это указывает на актуальность поднимаемой проблемы.

Опираясь на работы исследователей-предшественников, можно отметить, что в художественной литературе неомифологические элементы нарастают благодаря:

- ассимиляции литературой мифологических традиций, как отдаленных, так и близлежащих;
- художественной трансформации в литературе устойчивых мифологических сюжетов под влиянием трансформационных процессов, происходящих в массовом сознании;
- актуализации мифов, созданных культурой XX – начала XXI веков.
- А в качестве основных неизменных примет явленного в литературных произведениях художественного неомифологизма исследователями указываются такие, как:
 - творческое заимствование и переработка древних мифологических сюжетов;
 - подражание художественного языка мифологическому языку с его полисемическими и ассоциативными элементами;
 - создание собственных, авторских, построенных мифологически миров и образов в них.

Цель данной статьи – на примере рассказа А. С. Грина «Ночью и днем» показать своеобразие неомифологического мышления автора.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Рассказ А. С. Грина «Ночью и днем» является примером неомифологического взгляда на действительность. Повествование в нем (как, впрочем, и в других

подобных произведениях писателя) строится на аллюзивном обращении к предшествующим мифологическим образам и литературным мотивам. Поэтому для неомифологизма Грина характерны следующие черты:

Происходящие с героями рассказа фантастические события воспринимаются в качестве реально происходивших. Время действия особое, рубежное: вечер (рубеж дня и ночи), ночь (где рубеж подчеркивается границами мглы и лунного света), полночь (граница прошедших и наступающих суток).

Схожесть сюжетной линии рассказа с сюжетными линиями иных фантастических произведений предшествующего мирового литературного процесса, в которых превалирует усложненность коллизий, неясность, таинственность, неожиданность.

В основе рассказа А. С. Грина «Ночью и днём» – своеобразной модели свойственного писателю мифологического мышления – два мифа: миф об оборотничестве и миф о двойничестве. Последний – характерный для литературы XX века миф, явленный в данном случае через акт поиска «человека в человеке».

«Двойник прорывается к сути человека, – пишет В. К. Кантор, – пытается подменить ее, а порой и подменяет. Он существует, строго говоря, в волнах мифологического бытия. Надо подчеркнуть, что двойничество – это не феномен, рожденный в Новое время. Двойники были, например, в язычестве. ...в славянском язычестве двойник... во всем похож на человека, но своего лица не имеет и по безличью носит маску того, кем хочет показаться. Испокон веков существовало поверье, что явление двойника – проделки дьявола, который назло Богу создает точную копию Его творения» [10, с. 107]. Тема двойничества в более поздние эпохи – тема христианской культуры. Первые возникшие в ней двойники – это Христос и Антихрист. Антихрист подменяет собой Спасителя, стремясь выступить и выступая в глазах прельщенных людей в качестве лучшего Христа.

В традиции мировой литературы двойник – это тот персонаж, который полностью копирует если не внешность, то идеи героя, искажая их, подставляет главного героя, паразитирует на его внешности, его благородстве, его происхождении и т. п.

Двойник у А. С. Грина – это вместилище двух душ в одном теле. Один правит днем, другой – ночью. Так, ночью «*в его лице не было ничего человеческого, оно сияло убийством*», тогда как днем человек был человеком. В финале повествования автор словами одного из своих героев напрямую заговорит о двоедушии: «*Так лучше, пожалуй, – сказал он, смотря на мертвого. – Он умер, чувствуя себя Чербелем. Иное “я” потрясло бы его*» [11, с. 462].

Двоедушие персонажа являет собой трансформированную разновидность мифа о двойничестве, характерное для фантастической литературы замыкание двойственности в одном теле. Мифологические основы двойничества восходят к древнему мифу, который занимал особое место в древних легендах, рассказах, а затем и в книгах авторов мировой литературы. *Doppelgänger* – немецкое слово, означающее и двойника, и в то же время призрака, видение; оно не отбрасывает тени и является точной копией живого человека. Часто для профанного сознания такой двойник являлся предзнаменованием неудачи, горя, скорой смерти. Тема двойничества, будучи распространенным явлением в мировой литературе, в близком А. С. Грину варианте встречается, например, в рассказе Э. А. По «Вильям Вильсон» (1839), в сказке Ганса Христиана Андерсена «Тень» (1847), где персонажам не дают покоя их злые подобию.

Мотив двойничества в рассказе Грина поддерживается мотивом оборотничества: в ключевые моменты повествования герои нередко приобретают пугающие животные черты: «*Ярко блестели зубы, серебрились усы, тень козырька падала на искры зрачков, вспыхивающих, как у рыси*» [11, с. 458].

Оборотничество также восходит к древним поверьям, которые встречались в фольклоре, мифологии, а в дальнейшем и в литературе. Оно было представлено в мифологических представлениях античности, перешло в общественное сознание средневековья и сохранялось вплоть до нового времени. Причем в европейской традиции было особенно распространено представление о превращении человека в волка, хотя встречались рассказы и о других оборотнях. Более поздние верования были уже тесно связаны с литературной традицией.

В XIX веке на пике популярности готических произведений мотив оборотничества опирается уже на литературный вымысел. Известность получили «Вервольф Хьюго» (1838) Сазерленда Мензиса, «Предводитель волков» (1857) Александра Дюма-отца, «Легенда об Уленшпигеле» (1867) Шарля де Костера. В классическом повествовании оборотничество – следствие сделки человека с дьяволом. В XX веке этот мотив становится одним из заметных в произведениях писателей Великобритании и Соединенных Штатов (произведения Джеймса Кейбелла, Гая Эндора, Клайва Льюиса и др.). Нередко они имеют оккультный характер. А с другой стороны, происходит литературное переосмысление мистического персонажа: писатели пересматривают отрицательный подход к нему, стремятся изобразить мир не с точки зрения человека, переживающего встречу с оборотнем, а с точки зрения оборотня, живущего среди людей (в той или иной мере это заметно в произведениях Джека Уильямсона, Энтони Бучера, Терри Пратчетта и др.). С развитием жанра фэнтези на рубеже XX–XXI веков внимание к оборотничеству у писателей не ослабевает, а напротив нарастает (см. книги Стивена Кинга, Лизы Джейн Смит, Глена Дункана, Стефани Майер и др.).

Грин внешне продолжает традицию XIX века. Однако у него оборотничество ярко не выражено, не подчеркнуто непосредственным изображением истинного оборотня, превращением человека в животное. Для писателя важно изобразить, с одной стороны, искривления психики человека, которого ночь превращает в убийцу, с другой – психологические процессы потенциальной жертвы – человека, который самым ходом событий, связанных с загадочными исчезновениями людей в ночную пору, внутренне готов жертвой стать. На последнем персонаже, на его переживаниях сосредоточивает внимание автор. Поэтому все художественные средства произведения нацелены на то, чтобы передать состояние тревоги, постепенно перерастающей в ужас.

Для романтического сознания Грина ночь является особым временем – часом психологической неясности и неустойчивости, мистики, страха. Причём она поворачивается к его героям не только своей мистической, но главным образом враждебной стороной, что подчеркивается всей художественно-образной системой и

лексическим строем – эпитетами, сравнениями: «*От теней, рушивших искристые просветы листвы, от засыпающего ручья и задумчивости спокойного неба повеяло холодной угрозой*» [11, с. 454]; «*Временно, пока сумерки не перешли в мрак, стало как бы просторнее и чище в бессолнечной чаще. Взгляд проникал свободнее за пределы опушки, где было тихо, как в склепе, безлюдно и мрачно. Язык страха еще не шептал Муру бессвязных слов, заставляющих томиться и холодеть, но вслушивался и смотрел он подобно зверю, вышедшему к опасным местам, владениям человека.*» [11, с. 457].

При этом окружающее пространство у писателя является своего рода фикцией, поскольку герой находится в плену собственного помутненного или панически настроенного разума и не отличает реальности от иллюзорности. Автор с помощью манипуляции временными моделями показывает, как сложно найти выход герою из замкнутого пространства (подчеркнем, что замкнутым становится не столько то пространство, в котором главный герой вынужден находиться по долгу службы, сколько то, которое он психологически выстраивает вокруг себя).

«*В восьмом часу вечера, на закате лесного солнца, часовой Мур сменил часового Лиды на том самом посту, откуда не возвращались*» [11, с. 451], – так начинается рассказ «Ночью и днем». Главный герой его Мур находится среди волшебного и одновременно враждебного ему леса, наполненного типичными, традиционными для ночного леса шорохами и запахами, которые в сознании персонажа приобретают резко отрицательную семантику. Автором выпукло выписано изменение пространства с наступлением темноты: «*Ему мерещились белые перерезанные шеи; трупы на дне ручья; длинные, как у тени в закате, волосатые руки, тянущиеся из-за стволов к затылку цепенеющего солдата; западни, волчьи ямы; он слышал струнный полет стрелы, отравленной молочайниками или ядом паука сса, похожего на абажурный каркас. Хоровод лиц, мучимых страхом, кружился в его глазах*» [11, с. 454]. Заметно, как переплетаются два пространства, в которых находится и перемещается герой. При этом как герою в произведении, так и воспринимающему сознанию сложно (или даже невозможно) разграничить реальное и фантастическое – настолько тесно восприятие реальности персонажем, с одно

стороны, и его внутренние переживания, и страхи, с другой, переплелись в повествовании.

Часто границы повествования нечетки – особый повествовательный прием, характерный для короткого рассказа. Поэтому череда описываемых событий происходит в пограничное время, когда освещение приглушено, неярко, что характерно, например, для сумерек, а если действие происходит ночью, то на помощь приходит лунный свет, который дает возможность различить очертания, понять, с кем или с чем имеет дело герой, но также не дает четкости в восприятии предмета, явления, персонажа: *«Тем временем угас воздушный ток света, падавший из пылающих в вечерней синеве облаков, и деревья медленно запахлоли на только что перед тем озаренной стороне прозрачные плащи сумерек. От теней, рушивших искристые просветы листвы, от засыпающего ручья и задумчивости спокойного неба повеяло холодной угрозой, тяжелой, как взгляд исподлобья, пойманный обернувшимся человеком»* [11, с. 455].

Для подчеркивания внутренних возможностей героя писатель сталкивает его с необъяснимым. Автор искусно смешивает приметы реального мира с приметами мира фантастического, вымышленного, созданного воображением. Вместе с тем происходит смешение внешнего мира с внутренним миром героя, что дополнительно подчеркивает зыбкость очертаний окружающей действительности, приводит к её искажению в сознании персонажа как следствию его психологического состояния.

Этому способствует авторское нагнетание атмосферы таинственности, которая помогает передавать и поддерживать параноидальное состояние персонажей. Они постоянно находятся в состоянии внутренней борьбы, связанной с ощущением угрозы их существованию, хотя внешне для этого, казалось бы, нет оснований.

Короткая форма повествования побуждает читателя быть внимательным к каждому слову, каждому знаку. Лексика, используемая для описания таинственности и ужасных событий, – яркая, красочная, значительная, глубокая: метафоры сменяют эпитеты, символы – аллегории: *«Мрак наступал, отходя перед судорожным напряжением глаз Мура, и снова наваливался, когда, бессильный одолеть невольные слезы, заволакивающие зрачки, солдат протирал глаза. Наконец одолел*

мрак. Мур видел свои руки, ружье, но ничего более. Волнуясь, принялся он ходить взад и вперед, сжимая потными руками ружье. Шаги его были почти бесшумны, за исключением одного, когда под упором ноги треснул сучок; резкий в звонкой тишине звук этот приковал Мура к месту» [11, с. 459].

Художественная передача эффекта тревоги, а затем и паники в рассказе поддерживается его новеллистической формой, для которой характерна прежде всего неожиданность, мгновенность сюжетной развязки. Отсюда типичное для большинства рассказов А.С. Грина либо очень короткое вступление (как в данном рассказе), либо вовсе его отсутствие: писатель помещает читателя в событие сразу, мгновенно. «Мур сменил часового Лиды на том самом посту, откуда не возвращались»; «гибельные часы – восемь – двенадцать – падали на него»; «Здесь очень страшно, Мур, у этого сказочного ручья. <...> Очень тихо»; «в мягкой тишине зарослей, прорезанных светлым, бесшумно торопливым ручьем, таилась неуловимая вкрадчивость, баюкающая ласка опасности, прикинувшейся безмятежным голубым вечером, лесом и прозрачной водой» [11, с. 451–452], – эти краткие описания вступительной части отчетливо демонстрируют мгновенное создание автором в воспринимающем сознании эффекта погружения в тревожную и интригующую атмосферу рассказа. События построены по пролептическому принципу: поскольку наличие страшной тайны того места, где заступил на дежурство Мур, не подлежит сомнению, персонаж словно прозревает свой трагический конец (который по счастливой случайности не стался, но вполне мог бы быть), а автор, описывая это, пробуждает и поддерживает в читателе тревогу, загадку, смутное ощущение что вот-вот откроется некая темная тайна, за которой последует неожиданное окончание событий: «...соответственно настроенный ум его, рискуя впасть в суеверие, стал рисовать кошмарные сцены тайных исчезновений, без удержки мчась дорогой большого страха к обрывам фантазии» [11, с. 453].

Повествование строится путем синтеза контрастных описаний, в которых смешиваются разные сферы: день и ночь, свет и тьма, внешнее и внутреннее, реальное и фантастическое. Отчетливо видно, что автор использует описание особого психологического всепоглощающего ужаса субъекта повествования как

необходимый для воспринимающего сознания фон, стремится создать в душе читателя дискомфорт, раскрывая перед ним глубины человеческой психики, показывая страхи, строящиеся на подозрительности, недоверии к миру, неуверенности в себе. Неотвратимость грядущей гибели охватывает Мура, и ощущение это благодаря авторскому мастерству передается читателю: *«Главное, над чем работало теперь его пылающее воображение – было пространство сзади его. Оно не могло исчезнуть. Как бы часто ни поворачивался он, – всегда за его спиной оставалась недостижимая зрению, предательская пустота мрака. У него не было глаз на затылке для борьбы с этим. Сзади было везде, как везде было спереди для существа, имеющего одно лицо и одну спину. За спиной была смерть»* [11, с 454].

Тайна и в то же время логический мир подчеркиваются в истории отсутствием конкретизации времени действия, отображаемого названием рассказа, в котором присутствует и антитеза дня и ночи, и одновременно смешение дня и ночи. В текстах фигурируют узнаваемые временные отрезки, но в то же время действие происходит в неопределенном остановившемся времени – «где-то», «когда-то», что одновременно воспринимается и как «здесь» и «сейчас». Подчеркивается это традиционными, ежедневными для Земли событиями, которые никто, кроме Бога, не в силах отменить. Таковы, например, смена дня и ночи, сумерки, солнечный свет, восход луны и под.: *«Поднималась луна. Лунное утро высветило зелень пахучих сводов уложив черные ряды теней... воздухе под голубым небом царствовало холодное томление света. <...> Мур благодарно улыбнулся ночному солнцу»* [11, с. 459].

То есть реальное время-пространство равно времени и пространству сновидений, что являет собой фактическое отсутствие времени и пространства, а это свойственно именно мифологическому мышлению. Однако писатель использует структуру архаических повествовательных форм только как инструмент сюжетного приёма, а собственно мифологические представления проявляются как бессознательные внутренние хаотичные диалоги, мысли: *«Трудность задачи усиливалась смутной догадкой Рена – одной из тех навязчивых темных мыслей, что делают одержимого*

ими яростным маньяком. Когда Рен пробовал допустить бесповоротную истинность этой догадки, или, вернее, предположения, его тошнило от ужаса; надеясь, что ошибется, он предоставил наконец событиям решить тайну леса и замер в позе охотника, подкарауливающего чуткую дичь» [11, с. 462]. При этом, как уже отмечалось выше, основной акцент А. С. Грин делает на передаче внутреннего состояния, хаоса души, показывая, что основной источник страха находится в человеке.

ВЫВОДЫ

Еще Клод Леви-Стросс, обращаясь к мифам и сосредоточив внимание на их формальных свойствах, свёл структурные элементы мифов к бинарным оппозициям. Он утверждал, что человеческий мозг организует восприятие мира по принципу контрастных противопоставлений и пришел к выводу, что некоторые противопоставления являются универсальными. Учёный выступал за толкование мифов как культурно-специфических преобразований этих универсальных структур.

В основе архаического мифа лежит такая глобальная универсалия, как борьба добра со злом. Но неомиф, восприняв эту особенность, трансформирует ее. Оппозиция добро / зло по-прежнему остаётся основной, но если в архаическом мифе превалировало добро, то в неомифе зло пытается доминировать и нередко побеждает. На этом и строится мифологизированное повествование А. С. Грина. В рассказе «Ночью и днем» им заимствуются древние мифологические мотивы, такие, как мотив оборотничества и мотив двойничества. Заимствование не является прямым, писатель трансформирует традиционную модель, наделяя ее новыми смыслами. В присущей ему манере А. С. Грин мастерски маскирует проявления мифологического времени, совмещая реальное и ирреальное, оперируя оппозицией день / ночь. Все эти компоненты способствуют уяснению авторского мифологического сознания, особой гриновской картины мира, включающей в себя отдельные мифологические и / или мифологизированные элементы мировой литературы. Таким образом, создаются новые варианты мифологической системы, зависимой от конкретных авторских представлений.

Список литературы

1. Геллер Л. Утопия звериности. Репрезентации животных в русской культуре. / Л. Геллер. – Дрогобыч: Коло, 2005. – 216 с.
2. Бауэр В. Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмоц, С. Головин. – М.: Крон-Пресс, 1995. – 512 с.
3. Большакова Н.В. Фантастика: современный миф и массовое сознание / Н. В. Большакова. – М.: «КРЕДО», 1997. – 332 с.
4. Лосев А.Ф. Фантастика: современный миф и массовое сознание / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1991. – 527 с.
5. Мелетинский Е.М. Мифологические теории XX века на Западе / Е. М. Мелетинский // Вопросы философии. – 1982. – № 7. – С.124-135.
6. Топоров В. Н. Мифы народов мира / В.Н. Топоров // Сов. энциклопедия. – 1982. —Т.2. – С.329-331. -Т. 2. С.- 329-331.
7. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина: биография отдельного лица- Литературный материал / В. Е. Ковский. – М.: Наука, 1969. – 295 с.
8. Бритиков, А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман: сборник биографической информации / А. Ф. Бритиков ; отв. ред. Е. П. Брандис ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука, 1970. – 447, 1 с. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Библиогр.: с. 363-436.
9. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа. Миф и мифология в современной России. 2000, с. 18-32
10. Кантор В. К. Любовь к двойнику. Двойничество – миф и реальность русской культуры / В. К. Кантор // Философский журнал. – 2013. – № 2 (11). – С.18-32.
11. Александр Грин. Ночью и днем // Грин А. С. Собрание сочинений в шести томах. Том 4. М.: Издательство «Правда», 1980. С. 452–462.
12. Леви-Строс К. Л. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

References

1. Geller L. *Utopiya Zverinosti. Reprezentatsii Zhivotnykh v Russkoi Kulture* [Utopia Of Bestiality. Representations Of Animals In Russian Culture]. Drogobych: Kolo Publ., 2005. 216 p.
2. Bauer V., Dyumocz I. and Golovin S. *Entsiklopediya Simvolov* [Encyclopedia Of Symbols]. Moscow: Kron-Press Publ., 1995. 512 p.
3. Bol'Shakova N. V. *Fantastika: Sovremenniy Mif I Massovoe Soznanie* [Fiction: Modern Myth, And Mass Consciousness]. Moscow: KREDO Publ., 1997, 332 p.
4. Losev A. F. *Fantastika: Sovremenniy Mif I Massovoe Soznanie* [Fiction: Modern Myth, And Mass Consciousness]. Moscow: Izdatelstvo Mysl Publ., 1991, 527 p.
5. Meletinskii E. M. *Mifologicheskie Teorii XX Veka na Zapade* [Mythological Theories of the 20th Century in the West] *Voprosy Filosofii*, 1982, no 7, pp. 124-135.
6. Toporov V. N. *Mify Narodov Mira*. [Myths of the World] *Sovetskaya Entsiklopediya*, 1982, Vol. 2, pp.329-331.
7. Kovskii V. E. *Romanticheskii Mir Aleksandra Grina: Biografiya Otdelogo Litsa-Literaturnyi Material* [The Romantic World of Alexander Green: Biography of an Individual-Literary Material]. Moscow: Nauka Publ., 1969, 295 p.
8. Britikov A. F. *Russkii Sovetskii Nauchno-Fantasticheskii Roman: Sbornik Biograficheskoi Informatsii* [Russian Soviet Science Fiction Novel: A Collection of Biographical Information]. Leningrad: Nauka Publ., 1970, pp. 363-436.
9. Neklyudov S. Yu. *Struktura i Funktsiya Mifa. Mif i Mifologiya v Sovremennoi Rossii* [Structure And Function Of Myth]. *Myth And Mythology In Modern Russia*. 2000, pp. 18-32
10. Kantor V. K. *Lyubov k Dvoiniku. Dvoinichestvo – Mif i Realnost Russkoi Kultury* [Love To Doppelganger. The Alter Ego As Myth And Reality In Russian Culture]. *Filosofskii zhurnal*, 2013, Vol.11, no 2, pp.18-32.
11. Aleksandr Grin. *Nochyu I Dnem* [Night And Day]. *Grin A.S. Sobranie Sochinenii v Shesti Tomah*. Vol. 4. Moscow: Pravda Publ., 1980. Pp. 452–462.

12. Levi-Stros K. L. *Strukturnaya Antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2001. – 512 p.

**NEOMYTHOLOGICAL FOUNDATIONS OF A.S. GREEN'S WORKS
(BASED ON THE STORY *NIGHT AND DAY*)**

Kuryanov S. O., Losinets D. Yu.

**Taurida Academy (brunch),
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: evalecont@gmail.com**

The purpose of this article is to show the originality of the author's neomythological thinking, as revealed in A. S. Grin's story *Night and Day*. In the post-archaic era, when the traditional myth lost its sacred meaning and the new consciousness ceased to create myths in their traditional form, literature took on some of the functions of myth-making, which contributed to the formation of neomyth. Modern literature is interested in the concept of neomyth as a special form of knowledge. Since myth is viewed as a cultural and aesthetic system, closely related to the type of artistic thinking, this predetermines a specific interpretation of mythological scenes, symbols and images that are reproduced and re-created in the plot. Thus, new mythological structures corresponding to the demands of modern times arise. In the story *Night and Day* by A. S. Grin borrowed ancient mythological motifs, such as the motive of negotiability and the motive of duality. Borrowing is not straightforward; the writer transforms the traditional model, endowing it with new meanings. In his characteristic manner, A. S. Grin masterfully disguises manifestations of mythological time, combining the real and the surreal. All these components contribute to the clarification of the author's mythological consciousness, a special Grin's picture of the world, which includes some mythological and mythological elements of world literature.
Keywords: myth, neomyth, mythological thinking, author's thinking, neomythological plot

УДК 821(73)-311.8.09

**КОНТАМИНАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
НАРРАТИВОВ В ТРАВЕЛОГЕ ПОЛА ТЕРУ «ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛБЫ:
БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ»**

Лушникова Г. И., Горелова О. О.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте,
Ялта, Россия
e-mail: lushgal@mail.ru; z_olga_o@rambler.ru

Статья отражает вектор развития общей тенденции жанров современной литературы, направленный на взаимообогащение и объединение. Данная центрирующая по своему характеру тенденция приводит к жанровому синтезу. Синкретизм жанров обусловлен стратегической установкой художественного сознания на осмысление релятивистского всеединства жизни. Жанровый синтез приводит к реализации феномена полижанризма в произведении. Одним из его вариантов является контаминация жанров, которая характерна для литературной практики современных авторов. Статья затрагивает проблемы взаимоотношений между нарративом и жизнью, преследует цель выявить специфически нарративные способы осмысления мира как эманации особого модуса бытия человека, которые становятся предметом повышенного междисциплинарного интереса в последнее время. Статья определяет специфику травелога П. Теру «Геркулесовы столбы: Большой тур по Средиземноморью» с позиций контаминации жанровых признаков художественной литературы и документалистики. Жанровый синкретизм детерминируется когнитивной моделью документальной литературы, которая в исследуемом произведении П. Теру приобретает дополнительные признаки, превращаясь в синтетический текст художественно-документальной прозы. Доминирующая смысловая структура жанра травелога осложнена признаками двух типов нарратива: художественного и документального, которые достаточно широко распространены в современном литературном процессе.

Ключевые слова: жанровая контаминация, документальный нарратив, художественный нарратив, художественно-документальная проза.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в литературоведении существенно повысился интерес к проблеме жанрообразования. К числу дискуссионных в современной генологии вопросов относят проблему жанровой типологии и связанную с ней проблему выявления основных элементов жанровой формы, которые выполняют в художественном тексте конструктивную роль.

В эпическом произведении основным жанроопределяющим фактором выступает категория повествования (или нарратив). Категория повествования имеет ключевое значение не только при составлении жанровой типологии, но и в процессе жанровой эволюции. Актуальность этой литературоведческой категории в литературном

процессе предопределила увеличение нарратологических исследований (работы К. А. Андреевой, Н. А. Кожевниковой, Ю. В. Манна, Н. Д. Тмарченко, В. Шмида и др.).

Вопрос соотношения жанра и нарратива применительно к художественно-документальной прозе (дневники, мемуары, путевые заметки) вышел на рубеже XX-XXI столетий на магистральную линию американского литературного процесса и стал ареной столкновения различных текстопорождающих и жанрообразующих стратегий. Особое внимание в плане нарратологического анализа привлекают контаминированные жанры, каким является художественно-документальный жанр, что обуславливает **актуальность** настоящей статьи. Анализ произведений контаминированного жанра предполагает выявление маркеров различных жанров, определение их роли и результата их взаимодействия.

Целью предлагаемой статьи является раскрытие функций элементов фактуального и фикционального повествования в современной американской художественно-документальной прозе и демонстрация специфики их контаминации на материале травелога П. Теру «Геркулесовы столбы: Большой тур по Средиземноморью» (*«The Pillars of Hercules: A Grand Tour of the Mediterranean»*, 1995).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В результате «нарративного поворота» (термин введен М. Крейсмортом) понятие нарратива оказалось в фокусе внимания не только нарратологии, как специально посвященной ему дисциплины, но и социально-гуманитарных и даже естественных наук. Основным постулатом дискурсивного или «нарративного переворота» [10] в науке 90-х годов XX века стало признание повествовательной структуры в качестве фундамента манифестирующихся в языке различных форм знания.

Многоплановость термина «нарратив» прослеживается в работах по когнитивной нарратологии (М. Бал, Д. Герман, М.-Л. Райан, М. Флудерник), по лингвистической теории нарратива (Е. В. Падучева, Л. В. Татару), по поэтике и

структуре нарратива (Т. А. Ван Дейк, Ж. Женетт, У. Лабов, К. Ф. Седов, В. И. Тюпа, С. Чэтман, В. Шмид). Несмотря на достаточную степень разработанности нарративной проблематики, само понятие нарратива остается весьма неоднозначным, что позволяет трактовать его как «междисциплинарный методологический конструкт» [8].

В современных гуманитарных науках можно выделить несколько подходов к интерпретации природы нарратива:

- 1) в свете структуралистской парадигмы нарратив предстает как тип текста [3];
- 2) в рамках структурно-семиотического подхода нарратив рассматривается как знак [13];
- 3) согласно когнитивному подходу нарратив понимается как ментальная репрезентация [1];
- 4) в коммуникативном представлении нарратив мыслится как модель дискурса [2];
- 5) в когнитивно-коммуникативном понимании нарратив является междисциплинарным методологическим конструктом [8].

Сообразно когнитивно-коммуникативному пониманию формируется комплексное представление о нарративе как об особой форме когнитивной логики, порождающей специфический нарративный дискурс, результатом и главной единицей которого выступает нарративный текст.

По аналогии с вытекающими из описания исходной ситуации многочисленными вариантами развития сюжета в литературном произведении вырисовываются и контуры рациональности в современной науке. В области нарратологии происходит сближение кросс-дисциплинарных идей, что открывает новые горизонты для литературоведческих исследований художественной коммуникации, интегрирующих достижения разных отраслей научного знания.

Применение нарратологии как ключевого в современном литературоведении подхода к анализу произведений с преобладающим документальным началом с позиций обнаружения в них форм художественности позволяет существенно дополнить картину генезиса жанровой системы современной прозы. Рассмотрим

важнейшие аспекты нарратива с учетом жанровых параметров произведения и принципов повествования в ракурсе парадигм художественности и документальности, сфокусируемся на результирующем эффекте их взаимодействия.

На многочисленные факты подвижности границы, отделяющей художественный текст от нехудожественного, указывают различные ученые. Динамический характер этой оппозиции подчеркивают многие исследователи, в частности М. М. Бахтин, Ю. Н. Тынянов, Я. Мукаржовский.

Ю. М. Лотман [4] различает художественные и нехудожественные нарративы с двух точек зрения:

1. Функционально. «С этой точки зрения, художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию <...> Как только получателю информации становится известно, что перед ним художественное сообщение, он сразу к нему подходит совершенно особым образом. Текст предстает перед ним дважды (как минимум) зашифрованным; первая зашифровка – система естественного языка <...> В условие эстетического функционирования текста входит предварительное знание об этой двойной шифровке и незнание (вернее, неполное знание) о применяемом при этом вторичном коде. Поскольку получатель информации не знает, что в воспринятом им тексте на этом втором уровне значимо, а что – нет, он "подозревает" все элементы выражения на содержательность <...> Прикладывая к художественному произведению целую иерархию дополнительных кодов: общеэпохальных, жанровых, стилевых <...> мы получаем в одном и том же тексте самые разнообразные наборы значимых элементов» [4, с. 203–204].

2. С точки зрения организации текста. «Для того чтобы текст мог себя вести указанным выше образом, он должен быть определенным способом построен: отправитель информации его действительно зашифровывает многократно и разными кодами (хотя в отдельных случаях возможно, что отправитель создает текст как нехудожественный, то есть зашифрованный однократно, а получатель приписывает ему художественную функцию, примышляя более поздние кодировки и дополнительную концентрацию смысла). Кроме того, получатель должен знать, что

текст, к которому он обращается, следует рассматривать как художественный. Следовательно, текст должен быть определенным образом семантически организован и содержать сигналы, обращающие внимание на такую организацию» [4, с. 204–205].

Документальный характер носят тексты, основанные на реальных фактах, повествование в которых строится по типу исторического сочинения, биографии, личного дневника, заметки в газете, полицейского протокола, юридического *narratio*, бытовых сплетен и прочих форм того, что С. Малларме называл «всеобщим репортажем» [3].

Выделяются следующие точки зрения на проблему соотношения «фактуального» и «фикционального» нарративов:

1. Всё – фикция [9].
2. Существует чёткая грань между документом и художественным вымыслом [14].
3. В преобладающем большинстве в тексте есть и документ, и вымысел (наша точка зрения).

Исключение составляют:

- чисто документ – «всеобщий репортаж» С. Малларме;
- чисто фикция – магический реализм, сказки, фэнтези.

Особый интерес вызывают литературные тексты контаминированного жанра, объединяющие в себе признаки художественной литературы и документалистики. В отечественной науке существуют три точки зрения на феномен художественно-документальной литературы, которые оформились в 70-х годах прошлого столетия: 1) род литературы; 2) жанр литературы; 3) отказ от термина «художественно-документальная литература» в пользу «документализма» как качества литературы и публицистики [6, с. 237–238].

Е. Г. Местергази дает следующее определение понятию «художественно-документальная литература»: «произведения, авторы которых в художественной форме описывали реальные события, называя настоящие имена всех действующих

лиц, вводя в ткань художественного повествования подлинные (или же выдаваемые за таковые) документы» [5, с. 13].

З. Я. Шарипова говорит о том, что художественно-документальное произведение лежит «в пространстве между историей и художественной литературой, где оно одной стороной опирается на исторический документ, другой – на творческую фантазию» [11, с. 65].

В нашем исследовании предпочтение отдается пониманию художественно-документальной литературы как контаминированного жанра, характеризующегося синтезом фактографического содержания и художественной формы.

Рассмотрим элементы художественно-документального жанра на материале произведений современного американского писателя Пола Теру (*Paul Theroux, 1941*). П. Теру является известным автором романов, сборников рассказов и тревелогов. Подавляющее большинство произведений автора написано в русле художественно-документальной прозы с проявлением на уровне нарратива различных форм контаминации.

С. Ш. Шарифова обращает внимание на усиление механизмов смешения жанров в современной литературе, автор занимается их исследованием в тесной связи с феноменами жанрового подражания, цитирования и пародирования, наряду с этим под жанровой контаминацией исследователь понимает «объединение в одном художественном произведении элементов двух и более жанров, при котором «жанровые признаки» одного из жанров остаются доминирующими» [12, с. 3].

В соответствии с классификацией Т. Г. Симоновой [7] существует два типа художественно-документального нарратива. В творчестве П. Теру представлены оба варианта:

1. Беллетризованный. Характерной чертой данного типа повествования является то, что «факт служит основой изображения, но пересоздается по законам художественного творчества: в форме воссозданных с помощью авторского воображения сцен, эпизодов, событий» [7, с. 9]. К этому типу можно отнести автобиографичный роман П. Теру «Моя тайная история» (*«My Secret History», 1989*) и его продолжение – «Моя другая жизнь» (*«My Other Life», 1996*) с такими же

авторскими замечаниями о вымышленной природе нарративности описываемых в произведении историй. Показательным в отношении организации повествовательного текста художественно-документальной прозы по типу беллетризованного варианта является его роман «Отель "Гонолулу"» (*«Hotel Honolulu»*, 2001), описывающий вымышленное путешествие. Художественная фикция в романе искусно превращена в повседневные факты, а реалии частного существования переплетаются с плодами богатейшей фантазии автора.

2. Документализированный. Данный вариант предполагает, что «сам факт, а не его творческая интерпретация становится стержнем произведения. Авторское описание в данном случае более нейтрально, скрупулезнее следует документу» [7, с. 9]. К этому варианту принадлежат произведения П. Теру, написанные в жанре травелога.

Актуализация сущностных признаков художественности и документальности происходит различными способами. В творческой системе писателя соотношение признаков художественности и документальности приобретает разные очертания в зависимости от доминирующего элемента в жанровой структуре прозаического текста. Встречаются произведения с документальным стилем изложения, тяготеющие к реалистическому изображению действительности, ядро которых составляет вымысел (псевдоавтобиография, вымышленное путешествие в форме романа). Художественный метод писателя характеризуется использованием стратегии повествования, в которой преобладают принципы эстетического освоения действительности, при этом автор вводит в канву произведения достоверные факты.

Обзор творчества П. Теру показал реализацию разных форм контаминации. В нашем понимании контаминация – объединение в одном произведении двух или более жанров как в структурном, так и в содержательном плане. Она предполагает отклонение от нормы жанра, служащей как определенная рама для произведения, образующая и внешние границы его формальной организации, и внутренние границы его содержания, создающие также перспективу, способ восприятия художественной действительности читателем. В том случае, когда рама одного жанра соприкасается с рамой другого жанра, они взаимно трансформируются. Продукт их трансформации,

то есть определенный вид контаминации, обретает свою раму, и в ее границах наложенные друг на друга смыслы порождают новый смысл.

Далее остановимся подробнее на анализе травелога П. Теру «Геркулесовы столбы: Большой тур по Средиземноморью». Произведение описывает совершенную автором в течение 1993–94 годов экспедицию вдоль побережья Средиземного моря от одного из Геркулесовых столбов (Гибралтар) до другого (Сеута). П. Теру делится опытом пребывания во многих странах, включая разоренную войной Югославию (описываются события, произошедшие незадолго до распада бывшей республики), беспокойный Левант и недавно освобожденную Албанию.

Замечание П. Теру о том, что «*“The Pillars of Hercules” is my Mediterranean*» [15, p. 7] («*“Геркулесовы столбы” это мое Средиземноморье*» \ здесь и далее перевод построчный) указывает на субъективный характер стратегии выстраивания повествования и в то же время предполагает ориентацию автора на художественную интерпретацию событий из личного опыта переживания. Нарративная картина мира в произведении воссоздается по свидетельствам очевидца, что не исключает возможности внутритекстового существования субъекта художественного высказывания, организованного в соответствии с актуальным для него дискурсивным образом мира.

В «Геркулесовых столбах» присутствует обязательный элемент травелога – отчет о реально совершенном путешествии, хронотоп которого ограничен маршрутом, пролегающим вдоль берегов Средиземного моря, центральное место в повествовании занимает Европа. Путь П. Теру проходил через все страны, граничащие со Средиземным морем, что позволяет зафиксировать на страницах произведения наблюдения автора над образом жизни местного населения, дающие возможность читателям составить представление о средиземноморской идентичности, понятие о которой формируется не только в пределах внешних границ Европы, а включает также север Африканского континента. П. Теру верит, что «*all places, no matter where, not matter what, are worth visiting*» [15, p. 53] («*все места, не важно где, не важно какие, стоит посетить*»). Когда некий мистер Вонг в китайском ресторане в Гибралтаре спрашивает писателя, почему он посещает полуостров,

П. Теру отвечает просто: «Because I've never been here before» [15, p. 9] («Потому что я никогда не был здесь раньше»). Таким образом, становится очевидным, что П. Теру путешествует ради «a sense of discovery» [15, p. 10] («чувства открытия»), и он наслаждается ощущением нахождения в постоянном движении. Такие комментарии автора, как «I was happy again, on the move» [15, p. 231] («Я снова был счастлив в движении»), не оставляют читателю никаких сомнений в том, что этот человек не любит сидеть на месте. П. Теру в «Геркулесовых столбах» фокусируется на сосуществовании европейских или, скорее, средиземноморских народов.

Писатель остается верным авантюрному духу истинного путешественника, который получает удовольствие, исследуя мир. П. Теру решает посетить Средиземноморье, потому что «it [this part of the world] was so over-visited it was haunted and decrepit, totally changed. Change and decay had made it worth seeing and an urgent subject to record» » [15, p. 6] («она [эта часть света] была настолько исхожена вдоль и поперек, она была часто посещаемая и заезжена, была полностью изменена. Перемены и упадок привлекли к ней внимание и сделали актуальным предметом документирования»). По словам П. Теру, «the foreground – these sudden strange encounters – was much more interesting than the Roman amphitheatres and the ruins» [15, p. 215] («передний план – эти неожиданные странные столкновения – были гораздо интереснее римских амфитеатров и руин»). Повествование в «Геркулесовых столбах» подробно описывает реальность современной Европы, а не Европы прошлого, и больше концентрируется на людях, населяющих ее города, чем на самих городах. «Places had voices that were not their own; they [the places] were backdrops to a greater drama» [15, p. 458] («У мест были голоса, которые не были их собственными; они [места] были задним фоном для большей драмы»), – пишет П. Теру, что показывает, что он воспринимает местное население как плод смешения культур или «голосов», которые выходят за пределы любой монокультурной традиции.

П. Теру считает, что обязанность автора литературы путешествий действовать в соответствии со следующими принципами: «a quest for detail, conversation as a form of ambush, the traveller as an agent of provocation» [15, p. 405] («поиск деталей, разговор как форма внезапного нападения, путешественник как агент провокации»). При этом

политические пристрастия и социальные тенденции, которые противоречат нашим собственным, не должны мешать нам исследовать работы корифеев науки или искусства и других представителей интеллектуальной мысли. Несмотря на то, что саркастическая ирония П. Теру добавляет художественное звучание его нарративу, в «Геркулесовых столбах» он стремится отобразить фактическую ситуацию в странах, объединенных наличием выхода к Средиземному морю, высветить насущные проблемы этого региона с документальной точностью. К примеру, он открыто осуждает нынешнюю европейскую ксенофобскую тенденцию, которая становится слишком распространенной. В комментариях по поводу французского запрета английских слов он высказывает следующее предположение: «It seemed to me that hating foreign words was perhaps related to hating foreigners, and was another example of French insecurity» [15, p. 96] («Мне показалось, что ненависть к иностранным словам, возможно, связана с ненавистью к иностранцам и является еще одним примером опасного положения во Франции»). Для П. Теру Средиземноморье является «limitless» [15, p. 93] («безграничным») и «inspirational» [15, p. 86] («вдохновляющим»), используя эти эпитеты, автор подчеркивает единство жителей приморских стран Средиземноморского региона, независимо от того, проживают ли они на территории Европы, Африки или Азии, и вне зависимости от того, на каком языке они говорят. Как справедливо отмечает П. Теру, «there were advantages to being in the European community, but the Mediterranean was a community, too» [15, p. 108] («в принадлежности к Европейскому сообществу были преимущества, но Средиземноморье тоже было сообществом»). Может ли прозвучать более громкий призыв проникнуться чувством единства, которое выводит за пределы границ Европы и задает направление в сторону концепции глобального гражданства? Этот подспудный призыв читается между строк произведения, благодаря искусно выстраиваемой художественной стратегии автора, ориентированной на косвенное апеллирование к чувствам читателей. Акцентируя внимание на факторах единства членов Средиземноморского сообщества, П. Теру в то же время выступает за мультилингвизм как инструмент межкультурного общения. По мнению П. Теру, «no language is difficult. Language is an activity, a kind of play, learned though practice»

[15, p. 118] («ни один язык не является сложным. Язык – это деятельность, своего рода игра, постигаемая на практике»). Стоит отметить, что П. Теру, однако, выступает против романтизации языка и рассматривает его больше как функциональный инструмент для общения, а не как элемент идентичности. В «Геркулесовых столбах» автор вступает в непрямую коммуникацию с читателем, побуждая его приобщиться к другим языкам и культурам, что способствует формированию инклюзивной идентичности в поликультурном регионе.

П. Теру, путешествуя вдоль береговой линии Средиземного моря, утверждает, что то, что он видел, имело «little relation to what was happening five miles inland [...]». That hinterland was not my subject, though; I did not care about the perplexities of Europe» [15, p. 26] («мало отношения к тому, что происходило в пяти милях от берега [...]. Эти районы вглубь от прибрежной полосы не были моей темой все-таки; меня не заботили дилеммы Европы»). Тем не менее, он вносит значительный вклад в изучение общего многостороннего культурного пространства этого региона.

Если, как указывает П. Теру, «like the greatest cities in the world, Alexandria belonged to everyone who lived in it» [15, p. 350] («подобно величайшим городам в мире, Александрия принадлежала всем, кто в ней жил»), то не должен ли этот космополитический аспект найти отклик у современной общественности? Внимания заслуживают те аспекты «Геркулесовых Столбов», которые выделяют объединяющие народы Средиземноморья связи, показывают общность их интересов и взаимовыгодность сотрудничества, что в перспективе может привести к их сближению. Важное место в моделировании географического образа Средиземноморья отводится «sea that obliterated any clear idea of nationhood» [15, p. 97] («морю, которое стирает какое-либо четкое представление о государственности»), что должно вызвать интерес у исследователей и подвигнуть их подробнее ознакомиться с предложенной П. Теру концепцией Средиземноморья как «cultural bouillabaisse» [15, p. 96] («культурного попури»).

Хотя сведения, которые можно почерпнуть из рассматриваемого травелога, носят в большей степени документальный характер, в силу того, что писатель лично был свидетелем описываемых им явлений, их репрезентация в тексте обладает

элементами художественности. Художественное значение имеет использование различных фигур речи, таких как метафоры: «some countries swallow the traveler» [15, p. 6] («некоторые страны проглатывают путешественника»), сравнения: «Europe, and the Mediterranean in particular, is like a stage set. It gives drama to a trip – it is a background» [15, p. 6] («Европа, и Средиземноморье, в частности, похожи на сцену. Это добавляет драмы в поездку – это фон») и другие.

Художественную ценность представляют приводимые П. Теру в произведении упоминания из разных источников о водных просторах, исследованных жителями Средиземноморья в древности, которые изобилуют красочными эпитетами: «hellish seas» [15, p. 2] («адские моря»), «purple sea» [15, p. 2] («пурпурное море»), «powerful currents» [15, p. 3] («мощные течения»), «purple river of furious water» [15, p. 3] («пурпурный поток неистовых вод»), «wine-dark [sea]» [15, p. 4] («[море] винного цвета»).

ВЫВОДЫ

Специфика травелога П. Теру «Гекулесовы столбы» заключается в контаминации жанровых признаков документальной прозы и художественной литературы. С. Ш. Шарифова [12] указывает на то, что жанровое смешение может осуществляться посредством взаимодействия облигаторных элементов доминирующей жанровой формы и опционных элементов других жанров. Этот путь жанрового смешения получает развитие в исследуемом произведении, что становится возможным благодаря следующим особенностям его нарратива: многосоставности жанрового содержания травелога и многоуровневости семантического ядра этого жанра, которые позволяют осуществлять разнообразные вкрапления элементов иных жанров. Таким образом, с точки зрения структуры в травелоге П. Теру присутствуют два варианта нарратива: художественный и документальный. Жанровый синтез в «Геркулесовых столбах» представляет собой органическое единство жанровых форм со свойственным ему наличием жанровой доминанты. Доминирующей структурой указанного произведения выступает документальный нарратив с характерной для него ориентацией на фактографическое

описание реальности, в контексте данного травелога он приобретает дополнительные оттенки художественного нарратива, что допускает субъективность в трактовке автором наблюдаемых им событий и в описании исторических фактов, как следствие влияния аффективного компонента на интерпретацию явлений действительности, попавших в фокус его внимания.

Перспективным в плане дальнейших разработок в данном направлении представляется проследить специфику контаминации документального и художественного нарративов на материале других произведений с целью установить взаимосвязь между художественным сознанием литературной эпохи, жанровой моделью мира и особенностями ее нарративного структурирования.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика : Семант. анализ яз. историков [Текст] / Ф. Анкерсмит ; Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова ; Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] : Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 502 с.
3. Женетт, Ж. Фигуры [Текст] : В 2-х т. Т. 2 / Ж. Женетт ; Пер. с фр. Е. Васильевой и др. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 469 с.
4. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст] : в 3 томах. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с.
5. Местергази, Е. Г. Художественная словесность и реальность : документальное начало в отечественной литературе XX века [Текст] : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.08 / Е. Г. Местергази. – Москва, 2008. – 49 с.
6. Несмелова, О. О. Пути развития отечественной литературной американистики XX века [Текст] / О. О. Несмелова. – Казань : Кн. дом, 1998. – 258 с.
7. Симонова, Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века : поэтика и типология жанра [Текст] : учеб. пособие / Т. Г. Симонова. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 119 с.

8. Троцук, И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии [Текст] : Монография / И. В. Троцук. – М. : Издательство «Уникум-центр», 2006. – 207 с.
9. Уайт, Х. Метаистория : Ист. воображение в Европе XIX в. [Текст] / Х. Уайт ; Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2002. – Т. 8. – 527 с.
10. Харре, Р. Вторая когнитивная революция [Текст] / Р. Харре // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 2. – С. 3–15.
11. Шарипова, З. Я. Литературоведение и современность [Текст] / З. Я. Шарипова. – Уфа : Китап, 2001. – 320 с.
12. Шарифова, С. Ш. К. Понятие, механизмы и формы жанрового смешения в современной романистике [Текст] / С. Ш. К. Шарифова // Актуальные инновационные исследования : наука и практика. – 2010. – № 4. – С. 16.
13. Эко, У. Отсутствующая структура : Введ. в семиологию [Текст] / У. Эко ; [Пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник]. – СПб : Петрополис, 1998. – 430 с.
14. Hamburger, K. Die Logik der Dichtung / K. Hamburger. – [München; Stuttgart] : Klett-Cotta im Dt. Taschenbuch Verl., 1987. – 301 p.
15. Theroux, P. The Pillars of Hercules: A Grand Tour of the Mediterranean / P. Theroux. – New York : Ballantine Books, 1996. – 528 p.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaya Logika: Semanticheskii Analiz Yazyka Istorikov* [Narrative logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Translated from English by O. Gavrishina, A. Oleinikov. Ed. by L. B. Makeeva. Moscow: Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.
2. Bakhtin M. M. *Voprosy Literatury i Estetiki: Issledovaniya Raznykh Let* [Issues of Literature and Aesthetics. Studies of Different Periods]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1975. 504 p.
3. Genett J. *Figury* [Figures]. Translated from French by Ye. Vasil'eva. Moscow: Izdatel'stvo Imeni Sabashnikovykh Publ., 1998. Vol. 2. 469 p.

4. Lotman Yu. M. *Izbrannye Stat'i. Stat'i po Semiotike i Tipologii Kul'tury* [Selected Articles. Articles on Semiotics and Culture Typology]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. Vol. 1. 479 p.
5. Mestergazi Ye. G. *Khudozhestvennaya Slovesnost' i Real'nost': Dokumental'noe Nachalo v Otechestvennoi Literature 19 Veka: Avtoref. Dis. ... Dok. Filol. Nauk* [Literature and Reality: a Documentary Element in Russian Literature of the 20th Century. Abstract of Thesis]. Moscow, 2008.
6. Nesmelova O. O. *Puti Razvitiya Otechestvennoi Literaturnoi Amerikanistiki 20 Veka* [Ways of Development of Domestic American Literary Studies of the 20th Century]. Kazan: Knizhnyi Dom Publ., 1998. 258 p.
7. Simonova T. G. *Memuarnaya Proza Russkikh Pisatelei 20 Veka: Poetika i Tipologiya Zhanra: uchebnoe posobie* [Memoir Prose of Russian Writers of the 20th Century: Poetics and the Typology of the Genre. Study Guide]. Grodno: GrGU Publ., 2002. 119 p.
8. Trotsuk I. V. *Teoriya i Praktika Narrativnogo Analiza v Sotsiologii: Monografiya* [Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology. Monograph]. Moscow: Izdatel'stvo «Unikum-Tsentri» Publ., 2006. 207 p.
9. White H. *Metaistoriya: Istoricheskoe Voobrazhenie v Evrope 19 Veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. English translation ed. by E. G. Trubina and V. V. Kharitonov. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta Publ., 2002. Vol. 8. 527 p.
10. Harre R. *Vtoraya Kognitivnaya Revolyutsiya* [The Second Cognitive Revolution]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1996, Vol. 17, no 2, pp. 3–15.
11. Sharipova Z. Ya. *Literaturovedenie i Sovremennost'* [Literary Criticism and Modernity]. Ufa: Kitap Publ., 2001. 320 p.
12. Sharifova S. Sh. K. *Ponyatie, Mekhanizmy i Formy Zhanrovogo Smesheniya v Sovremennoi Romanistike* [The Concept, Mechanisms and Forms of Genre Mixing in Contemporary Novel]. *Aktual'nye Innovatsionnye Issledovaniya: Nauka i Praktika*, 2010, no 4, P. 16.

13. Eco U. *Otsutstvyuyushchaya Struktura: Vvedenie v Semiologiyu* [The Absent Structure: Introduction to Semiology]. Translated from Italian by A. G. Pogonyailo, V. G. Reznik. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1998. 430 p.
14. Hamburger K. *Die Logik der Dichtung*. München; Stuttgart: Klett-Cotta im Dt. Taschenbuch Verl., 1987. 301 p.
15. Theroux P. *The Pillars of Hercules: A Grand Tour of the Mediterranean*. New York: Ballantine Books, 1996. 528 p.

**CONTAMINATION OF ARTISTIC AND DOCUMENTARY NARRATIVES IN
TRAVELOGUE «THE PILLARS OF HERCULES: A GRAND TOUR OF THE
MEDITERRANEAN» BY PAUL THEROUX**

Lushnikova G. I., Gorelova O. O.

The article reflects the development vector of the general genre trend of modern literature aimed at mutual enrichment and combination. This centripetal trend leads to genre synthesis. The syncretism of genres is caused by the strategic orientation of the artistic consciousness to comprehension of the relativistic unity of life. Genre synthesis leads to the realization of the phenomenon of polygenrism in the work. Genre contamination is one of its variants, which is typical for the literary practice of modern authors. The article touches upon the problems of the correlation between the narrative and life, aims to identify specific narrative ways of understanding the world as an emanation of a particular modus of human existence, which have become the subject of increased interdisciplinary interest in recent times. The article identifies the particularity of the travelogue «The Pillars of Hercules: A Grand Tour of the Mediterranean» by P. Theroux from the standpoint of contamination of genre features of fiction and non-fiction. Genre syncretism is determined by the cognitive model of non-fiction, which acquires additional features in the investigated work by P. Theroux, turning into a synthetic text of artistic-documentary prose. The dominant semantic structure of the travelogue genre is complicated by markers of two types of narrative: artistic and documentary, which are fairly widespread in the modern literary process.

Keywords: genre contamination, documentary narrative, artistic narrative, artistic-documentary prose.

УДК 82-313.3

«ВОКРУГ СВЕТА НА “КОРШУНЕ”»: «ВЗРОСЛАЯ» ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Орехов В. В., Чжан Менцзя

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: mengjia9339@mail.ru, v-orehov@mail.ru

Статья посвящена исследованию авторской тактики, использованной К. М. Станюковичем в повести «Вокруг света на “Коршуне” (Сцены из морской жизни)» и нацеленной на адаптацию «морского материала» для детской аудитории среднего и старшего возраста. Прежняя маринистика Станюковича была рассчитана на «взрослую» аудиторию, и создание объемного произведения для детей стало для писателя творческим экспериментом. Работа Станюковича над повестью велась в тот период, когда художественные принципы детской литературы являлись предметом живого обсуждения в литературных и педагогических кругах. Поэтому авторские приемы Станюковича, реализованные в его «детской» повести, рассматриваются в контексте российской полемики XIX в. о специфике детской литературы.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, детская литература, маринистика, жанр, повесть.

ВВЕДЕНИЕ

В 1895 г. К. М. Станюкович начал публиковать частями объемную повесть «Вокруг света на “Коршуне” (Сцены из морской жизни)». К этому времени за автором уже надежно закрепилась репутация лучшего отечественного мариниста, полюбившегося читателю благодаря нескольким циклам морских рассказов. Однако повесть о путешествии «Коршуна» явилась для Станюковича своеобразным экспериментом. Дело в том, что все прежние морские произведения автора были рассчитаны на «взрослого» читателя, а новая повесть предназначалась для детской аудитории и публиковалась в специализированном детском журнале «Родник».

Цель статьи – выявить специфику художественной тактики К. М. Станюковича, обусловленную нацеленностью повести «Вокруг света на “Коршуне”» на детскую аудиторию. Это подразумевает решение следующих задач: 1) охарактеризовать художественную специфику журнала «Родник», в котором публиковалась повесть; 2) очертить дискуссионные вопросы теории детской литературы соответствующего периода; 3) сопоставить художественную тактику Станюковича, реализованную в его маринистике для взрослой аудитории и в повести «Вокруг света на “Коршуне”». Объект статьи – специфика русской детской литературы XIX в., предмет –

художественные подходы Станюковича, реализованные при создании повести «Вокруг света на “Коршуне”».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Журнал «Родник» начал издаваться в 1882 г. и редактировался детской писательницей Е. И. Сысоевой и ее племянником А. Н. Альмедингенем. По оценке историка детской литературы Н. В. Чехова, журнал очень быстро «стал одним из лучших детских журналов» [35, с. 72–73]. Здесь сотрудничали Д. В. Григорович, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк и мн. др. Как замечает В. К. Лебедев, публикация в «Роднике» «означала признание писателя» [18, с. 203]. Иллюстрации для журнала готовили профессиональные художники [15, с. 90]. Журнал задумывался в качестве «маленькой энциклопедии для детей» [36, с. 6], и здесь размещались материалы по истории и географии как России, так и других стран.

То есть «Родник» был тем изданием, где творческая специфика Станюковича-мариниста была востребована. Еще В. Г. Белинский в 1848 г., анализируя содержание детского журнала «Новая библиотека для воспитания», утверждал, что из всех познавательных и обучающих материалов ребенок «прочтет с большим удовольствием “Морское путешествие”, нежели рассуждение о машинах» [5, с. 200]. А еще ранее, в 1841 г., критик отмечал, насколько притягательны для юного читателя морские произведения Ф. Купера: «Море и корабль – это его родина, тут он у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля; как искусный капитан, он умеет управлять им, <...> он сыплет любезными его слуху терминами» [5, с. 114]. Очевидно, что в русской литературе второй половины XIX в. Станюкович был единственным автором, который, подобно Куперу, чувствовал себя на корабле – «у себя дома». И конечно, неслучайно, что в 1894 г. при знакомстве с А. Н. Альмедингенем писатель предложил ему поместить в журнале «картинки или очерки морской жизни специально для детей» [30, с. 703]. Станюкович сообщал о содержании будущей публикации: «Я предполагаю <...> дать описание кругосветного путешествия на военном корвете, обращая главнейшее внимание на

бытовую сторону – на жизнь матросов на судне и на интересные типы моряков. <...> Я рассчитываю познакомить их с прелестью плавания в тропиках и с трудностями его во время штормов и ураганов и вообще дать верное представление о морской жизни» [30, с. 703].

Иными словами, для Станюковича было очевидным, о *чем* писать для детей, но вот, *как* писать для детей, – видимо, оставалось вопросом. Это закономерно, поскольку специфика литературы для детей (особенно, детей среднего и старшего возраста) являлась в ту пору предметом дискуссионным [35, с. 1–14; 11, с. 11–12].

С одной стороны, были очевидны дидактические и образовательные перспективы, которые позволяла открыть художественная литература, создаваемая специально для детей среднего и старшего возраста, а с другой стороны, было замечено, что аналитические способности таких читателей уже позволяют воспринимать «взрослую» литературу, да и сами эти читатели тянутся именно к ней. На эту особенность обратил внимание еще в 1856 г. Н. Г. Чернышевский: «<...> Вы вспомните о том времени, когда <...> в маленьком вашем сердце <...> поселилась <...> новая страсть – читать, читать... не грамматику и не басни Крылова, не “Русскую историю” г-жи Ишимовой – все это скучно, потому что писано для детей, – нет, читать книги, писанные “для больших”. С какою жадностью бросались вы, десятилетний мальчик, на романы <...>!» [5, с. 231]. Чернышевский замечает, что в качестве привлекательных для подростков книг выступает определенный сегмент литературы: это не Марлинский, Пушкин, Лажечников или Гоголь, констатирует критик, а, например, романы Р. М. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» и «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I» и М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и «Рославлев, или Русские в 1812 году» [5, с. 231], то есть романы, которые мы сегодня отнесли бы к разряду псевдоисторических и приключенческих.

Указанные произведения не принадлежали к числу шедевров, а потому, оставляя юную аудиторию без произведений, которые одновременно и привлекали бы к себе читателя, и представляли бы собой высокие художественные образцы, русская

литература рисковала либо доверить воспитание юных читателей посредственным авторам, либо – авторам зарубежным.

А зарубежные авторы были вполне доступны. Б. Хеллман отмечает, что в XIX ст. «чтение книг на иностранных языках являлось частью обучения детей из привилегированных классов» [34, с. 6]. Прибавим к этому, что зарубежные издания составляли основную часть дворянских частных библиотек, и молодое поколение формировалось, по сути, на чтении иностранных авторов [21, с. 236–241]. В XIX в. художественные тексты были широко представлены в периодической печати, которая была развита во Франции гораздо лучше, чем в других странах, а это вело к тому, что французские издания, по утверждению Б. М. Томашевского, «являлись для русских предметом такого же повседневного чтения, как и русские» [33, с. 62].

Российские подростки имели возможность знакомиться с иностранными писателями и посредством переводов. Авторы современного учебника «Детская литература» составили внушительный обзор наиболее популярных у детской и юношеской аудитории зарубежных писателей, которые печатались в переводах в XIX в. [13, с. 479–501]. Оперативному и качественному переводу произведений Д. Дефо, Д. Свифта, В. Скотта, Ф. Купера, Ж. Верна уделялось большое значение. Один из ярких примеров тому – журнал «Переводы лучших иностранных писателей», основанный в 1871 г. Марко Вовчок как аналог издания П. Ж. Этцеля «Журнал воспитания и развлечения» [14, с. 56–57]. В издании Марко Вовчок помещались переводы, которые ориентировались на юную аудиторию, и среди них важнейшее место занимали романы Ж. Верна в переводе самой Вовчок [14, с. 60].

В журнале «Родник» переводы также были представлены широко. Синхронно с повестью Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» здесь печатались «Принцесса в кувшине» [27, № 1, с. 78–88] и «Рикки-Тикки-Тави» [27, № 2, с. 165–184] Р. Киплинга, «Долли и скряга» Фр. Итона [27, № 4, с. 387–401; № 5, с. 494–514; № 6, с. 648–661; № 7, с. 781–794; № 8, с. 897–911; № 9, с. 1003–1020; № 10, с. 1120–1130; № 11, с. 1199–1220], «Маленький бродяга» П. Кудели [27, № 6, с. 676–679], «История одного ребенка» А. Доде [28, № 1, с. 93–114; № 2, с. 219–236; № 3, с. 337–358; № 4,

с. 462–483; № 5, с. 603–609; № 6, с. 672–686; № 7, с. 796–819; № 8, с. 911–922; № 9, с. 1047–1067; № 10, с. 1119–1134; № 11, с. 1236–1266; № 12, с. 1386–1408].

Речь, однако, о том, что обилие лучших зарубежных образцов не способно вполне заменить отечественную литературу. Приведем пример. Объективные достоинства произведений Ж. Верна делали его в конце XIX – начале XX вв. одним из самых читаемых авторов не только в российской столице, но и в провинции [19, с. 103]. Но вот в 1874–1875 гг. в Париже выходит роман Ж. Верна «Михаил Строгов». По популярности на родине автора роман занял четвертое место среди произведений Ж. Верна [20, с. 446]. По сюжету романа царский гонец Михаил Строгов, минуя множество опасностей, преодолевает путь от Москвы до Иркутска. Это дает возможность автору сообщить множество информации о географии Сибири. Однако – для остроты сюжета – Ж. Верн попросту выдумывает исторические события, которых не было и быть не могло. Путешествие Строгова происходит в условиях, когда на Сибирь напал властитель Бухары – «татарский» хан Феофар, поддержанный «всеми прочими ордами Центральной Азии» [6, с. 24–25]. С точки зрения реальной истории подобная ситуация – полнейший абсурд. Тем не менее в Европе роман пользовался популярностью и в первый же год был переведен на 10 языков [20, с. 446]. В России же это роман был переведен намного позже других – лишь в 1900 г. И объяснялось это «отставание» тем, что в России вольное обращение Ж. Верна с фактами российской истории было очевидным, а это охлаждало внимание публики к произведению.

Существовали сферы, в которых русскую литературу не могли заменить даже лучшие образцы зарубежной беллетристики. К этой сфере, скажем, относилось осмысление русского национального характера. И закономерно стремление Станюковича предложить юному читателю собственные знания о жизни русских моряков, те знания, которыми не владели зарубежные авторы. Но оставался вопрос, каким образом адаптировать для юного читателя художественные образы и сюжеты, которые уже снискали признание у взрослой аудитории Станюковича?

Как уже было отмечено, читателям среднего и старшего детского возраста свойственна склонность к приключенческой литературе. По убеждению А. З. Вулиса,

отличительной особенностью этой литературы является «преобладание сюжетного начала над описательным и действия над героем» [8, с. 22], а художественное пространство «приключений» – это «средоточие всяческих крайностей – климатических, географических, бытовых» [8, с. 232]. Если учитывать лишь ту часть приключенческой литературы, которая рассчитана на детское восприятие, то уместно вспомнить важное уточнение, принадлежащее другому известному исследователю – Б. А. Бегаку: «Сюжет приключенческой литературы – это борьба. <...> Борьба с жестокими природными стихиями. <...> Борьба против рабства с рабовладельчеством и бесправием» [4, с. 6].

Итак, в приключенческой литературе действие имеет большее значение, нежели герои. Из этой особенности проистекает то, что персонажи «приключений» зачастую выглядят упрощенными. В свою очередь, это зачастую ведет к упрощению картины мира, отраженного в приключенческом произведении. И это упрощение оказывается притягательным для многих читателей, поскольку позволяет полностью сосредоточиться на авантюристике сюжета и не отвлекает на размышления о противоречиях реальности.

Впрочем, эта ситуация не должна вести к неверным выводам относительно авантюристической сюжетности вообще – будто занимательная функция приключенческой литературы сводит к нулю все иные. В произведениях первоклассных авторов авантюристический сюжет, напротив, позволяет автору решить целый ряд задач помимо развлекательной. Известно, что Ж. Верн исповедовал принцип «поучать, развлекая» [12, с. 6], который унаследовал от эпохи Просвещения [9, с. 23]. Приключенческая форма позволяла ему передать читателю обширную научную информацию и таким образом решать познавательные задачи. Герои Ж. Верна служат образцом отваги, самоотверженности и преданности науке. То есть назидательные задачи произведения романиста также решали. Но в то же время и познавательность, и назидательность этих сочинений были ограничены: произведения нацеливались на передачу именно научной информации, а герои романов имели односторонние характеры. Все это вело к тому, что размывалась значительная часть иной – не собственно научной – информации: о бытовых деталях, о противоречивости

человеческой натуры, о социальной и исторической обусловленности характеров. Персонажи Ж. Верна конструировались не для того, чтобы достоверно отразить реальность, а для обеспечения максимальной занимательности сюжета, который, в свою очередь, был призван не обобщить реальные события, а послужить стержнем, на который нанизываются научные факты и гипотезы. Такой подход явно противоречил целям Станюковича, который, как помним, планировал «дать верное представление о морской жизни». Это требовало достоверности сюжета и характеров и исключало возможность искусственно конструировать авантюрные коллизии и использовать схематичные образы. Если приключенческая литература «подкупала» читателя изображением жизни, созданным в романтическом духе, то Станюкович планировал предложить юным читателям повествование, основанное на реалистических принципах, которое могло использовать «приключенческий» элемент лишь в тех пропорциях, которые подразумеваются самой жизнью.

Впрочем, сюжет «кругосветного плавания» предоставлял возможность включить в повествование вполне реалистичные и вместе с тем динамичные и напряженные эпизоды. Однако наряду с этим в тексте должны были присутствовать и те фрагменты, в которых превалировала бы описательность, – повествования о длительных переходах, о взаимоотношениях моряков на корабле и т. д. Словом, реалистичный сюжет кругосветного путешествия предполагал соединение разных по предмету описаний и сюжетной заостренности элементов, что вело к фрагментарности всего повествования.

Видимо, ощущая это, Станюкович стремится усилить роль сюжета и для этого усиливает роль главного героя. В прежних морских произведениях Станюкович нередко прибегал к использованию сквозного образа – автора-персонажа – в целях «скрепления» отдельных рассказов в рамках единого цикла. Там повествование велось от первого лица, что позволяло усилить эффект достоверности [22, с. 21]. Этот образ автора был в достаточной степени абстрагирован [23, с. 7] от личности самого Станюковича, а кроме того, он не служил главным организующим началом для всего сюжета, описываемые события и характеры были там важны сами по себе – безотносительно к образу автора-персонажа. В повести же о «Коршуне» Станюкович

выводит в качестве главного героя юного моряка Владимира Ашанина, и именно судьба этого героя в период кругосветного плавания становится основой сюжета. Читатель получает возможность проследить, каким образом плавание на «Коршуне» формирует его характер и мировоззрение. Таким образом, сюжет становится более концентрическим и наполненным психологическим драматизмом, что прочнее удерживает читательское внимание.

Выбор реалистических принципов отражения действительности рождал очередные вопросы: какой должна быть стилистика реалистического произведения для детей и какой круг реальных проблем следует предлагать вниманию детской аудитории? В России XIX в. по поводу этих вопросов конкурировали две основные точки зрения. С одной стороны, существовала позиция так называемой «охранительной педагогики», которая исповедовала необходимость защищать детское сознание от несовершенств мира и обходить стороной целый ряд тем. С другой стороны, литераторы демократического направления склонялись к тому, что произведения для детей должны отражать реальную проблематику жизни [3, с. 174]. В. Г. Белинский рекомендовал: «Не искажайте действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя, но показывайте ее такую, какова она есть в самом деле, во всем ее очаровании и во всей ее неумолимой суровости» [5, с. 98]. Впрочем, Белинский склонялся к тому, что не по содержанию, но по форме детская литература все же должна отличаться от взрослой [25, с. 63].

Между тем среди литераторов отсутствовало единое мнение о том, какой же должна быть эта «детская» литературная форма. К. С. Аксаков, задумав в начале 1850-х гг. создать описание российской истории, рассчитанное на детскую аудиторию («Русская история для детей»), предупреждал: «Я вовсе не хочу подделываться под детский язык: всякая подделка есть ложь, а потому дурна и цели благой не достигнет. Я постараюсь написать языком, общим для всех возрастов. Будь только язык прост – и дети поймут его» [1, с. 568]. Эта позиция – «не подделываться под детский язык», – видимо, особо обсуждалась в литературной семье Аксаковых и была результатом выношенного убеждения. Во всяком случае, когда в середине 1850-х гг. Сергей Тимофеевич Аксаков начал работу над «Детскими годами Багрова

внука», то в основу стилистических поисков он положил именно этот принцип, о чем сообщал И. С. Тургеневу: «Я пишу книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет. <...> Разумеется, здесь нет никакой подделки под детский возраст и никаких нравочучений» [2, с. 588].

Крайнюю точку зрения в середине 1860-х гг. занял Д. И. Писарев, который полагал, что создание специальных литературных произведений для детей младшего возраста имеет негативные последствия, а дети 13-ти лет уже вполне способны к восприятию «взрослой» литературы, из общей массы которой подросткам следует рекомендовать лучшие произведения отечественных и европейских беллетристов и критиков, а также «описания замечательных путешествий, исторические сочинения и популярные книги по всем отраслям естествознания» [26, с. 573]. Хотя эта точка зрения была высказана еще в середине 1860-х гг., она вполне могла быть актуализирована в общественном сознании благодаря полному собранию сочинений Д. И. Писарева, выпущенному в 1894 г., то есть – в год, когда задумывалась детская повесть Станюковича.

Судя по тексту повести «Вокруг света на “Коршуне”», Станюковичу наиболее близка была позиция Аксаковых. Мы не обнаружим в повести «подделок» под детский язык. Даже познавательные элементы Станюковичем преподносятся так, чтобы повествование не напоминало учебник по географии. Он «растворяет» фактическую информацию в общем повествовательном потоке. Вот, скажем, эпизод, рассказывающий о приближении «Коршуна» к полосе бурунов близ Гонолулу: «Это могучие океанские волны с шумом разбиваются о преграду, поднявшуюся благодаря вековой работе маленьких полипов из неизмеримых глубин океана, – об узкую надводную полоску кольцеобразного кораллового рифа у самого острова» [31, т. 6, с. 274]. Включая эту хрестоматийно известную для взрослого читателя естественнонаучную информацию в живописный орнамент, Станюкович как бы скрывает ориентированность текста на детскую аудиторию, делает этот эпизод привлекательным для читателей любого возраста.

Что же касается «нравочучений», которых стремился избежать в своем творчестве для детей С. Т. Аксаков, то Станюкович порою допускает их, однако маскирует

таким образом, чтобы они не выглядели, как прямые авторские наставления. Монологи нравоучительного характера Станюкович вкладывает в уста персонажей, а адресует эти монологи не читателю, а главному герою повести. Так, дядя Владимира Ашанина, заслуженный адмирал, напутствуя племянника, внушает ему: «В океане надо иметь смелую душу и чистую совесть... Тогда и смерть не страшна. <...> Старайся, мой друг, быть справедливым... Служи хорошо... Правды не бойся... Перед ней флага не спускай...» [31, т. 6, с. 33, 46]. Эти отеческие поучения, конечно, были авторским инструментом косвенного назидания, но юного читателя они не должны были настораживать, поскольку сама ситуация передачи жизненных принципов от поколения к поколению, во-первых, соответствует реалиям действительности, а во-вторых, давно устоялась как одна из литературных формул. Вспомнить хотя бы знаменитые наставления, которые давал д'Артаньяну его отец: «Не покоряйтесь никому, за исключением короля и кардинала. <...> Только мужеством, <...> дворянин в наши дни может пробить себе путь. <...> Вступайте в бой по любому поводу» [10, с. 11].

Читатель должен был чувствовать, что такого рода назидания в тексте оправданы уже тем, что помогают объяснить дальнейшие поступки главного героя. Мироззрение Ашанина формируется именно под воздействием тех житейских мудростей, которые излагаются ему сослуживцами-морьяками. Так, простой матрос давал ему урок борьбы с тоской по дому: «Первое дело работа. Ан – скука-то и пройдет. И опять же надо подумать и то: мне нудно, а другим, может, еще нуднее, а ведь терпят» [31, т. 6, с. 62]. Старший офицер учил его правилам корабельного общежития: «Будьте уживчивы... Извиняйте недостатки в сослуживцах <...>. Сдерживайте себя, если у вас горячий характер» [31, т. 6, с. 63]. Капитан делился с ним после шторма своим пониманием истинного мужества: «И не думайте, что есть люди, которые не боятся опасности... Все ее боятся и совершенно естественно боятся... Надо только капитану уметь владеть собой <...>» [31, т. 6, с. 187].

В морских рассказах «для взрослых» Станюкович умел обходиться без декларирования моральных выводов, он подводил читателей к этим выводам посредством описания поступков своих героев. И думается, что «детскость» поэтики

повести о «Коршуне» проявляется именно в том, что Станюкович, не только внушает читателю некие идеи с помощью логики описываемых событий и фактов, он еще и формулирует эти идеи устами своих персонажей.

Что же касается содержания и сложности этих идей, то здесь мы наблюдаем тождество с морскими произведениями К. М. Станюковича, адресованными взрослой аудитории. Начать следует уже с того, каким образом Станюкович представляет специфику характера русских моряков. Сама мотивировка кругосветного плавания «Коршуна» – не в поисках сокровищ или приключений, а по служебной надобности – противопоставляла повесть множеству приключенческих произведений и служила развертыванию той мысли, которую Станюкович декларировал еще в юношеских очерках: у русского человека нет природной склонности к морской службе, однако свойства национального характера позволяют ему при необходимости становиться превосходным моряком [29, с. 160–162]. Так, вопреки приключенческому канону, путешествие «Коршуна» предстает в качестве почти рутинной, но трудной служебной задачи, а уже исходя из этого, раскрываются все характеры моряков – с точки зрения их умения приспособиться к нелегким условиям решения этой задачи.

Такое понимание морской жизни не позволяет Станюковичу допускать искусственной романтизации, и в повести «поэзия» кругосветного похода проигрывает прозаичным, но естественным человеческим чувствам и желаниям. Выясняется, что среди членов команды, ожидающих отставки, «ни один из <...> даже самых лихих матросов, отличавшихся и знанием дела, и отвагой, и бесстрашием, не думал снова поступить по “морской части”» [31, т. 6, с. 418]. И понять причину этого можно из слов одного из бывалых матросов: «В свою деревню пойду! <...> К своему месту коренному тянет, ровно кулика к своему болоту. <...> Самое это душевное дело на земле трудиться» [31, т. 6, с. 417].

Следуя логике психологической достоверности, Станюкович подробно исследует проблемы, которые проистекают из особенностей корабельного быта: это тоска, одолевающая всю команду во время переходов, и это особая напряженность

взаимоотношений, возникающая в замкнутом коллективе людей, собранных не в силу родства их интересов и характеров, а по воле служебной необходимости.

Станюкович последовательно изображает, как нарастает чувство отчужденности между членами экипажа, «появляются беспричинные ссоры, полные такого же беспричинного озлобления друг против друга», как «каждый начинает придирается к другому» [31, т. 6, с. 182]. Возможно, юный читатель ожидал от повести Станюковича, привычной «романтики путешествий», перекрывающей своей привлекательностью все сопутствующие невзгоды. Однако автор отчетливо дает понять, что в реальной жизни эта «романтика» не способна преодолеть естественных человеческих реакций. А потому после странствий по самым экзотическим краям у моряков «Коршуна» «впечатления от много виденного притуплялись: пальмы привиделись, роскошь природы пресытила, и все те же развлечения в портах прискучили» [31, т. 6, с. 413].

Для Станюковича важно донести ту мысль, что дальнейшее плавание – это период особых психологических состояний, обусловленных и тоской по Родине, и опасностями, и изолированным положением, и контрастом впечатлений. Даже чувство любви несет на себе печать этих условий. Так, Станюкович описывает стоянку «Коршуна» в Сан-Франциско, которая превратилась для русских офицеров в «сплошной праздник» [31, т. 6, с. 248]. На берегу Ашанин тотчас влюбляется в семнадцатилетнюю мисс Клэр. После первого же танца она уже представлялась ему «ангелом», затем он сочинял на корвете для нее стихи [31, т. 6, с. 251], а очень скоро собрался предложить ей руку и сердце. Развитию этих отношений помешали обстоятельства, и Ашанин воспринял это как серьезный душевный удар. Однако: «Прошла <...> неделя, и образ мисс Клэр понемногу затягивался дымкой», поскольку «новые встречи и новые впечатления охватили юного моряка» [31, т. 6, с. 254]. А еще через несколько дней он уже «добросовестно» танцевал на очередном балу и «ни разу даже не вспомнил о мисс Клэр» [31, т. 6, с. 255].

Конечно, тему зыбкости любовного чувства, его обусловленности сиюминутными настроениями сложно отнести к числу детских. Юношеский максимализм склонен искать в литературе поддержку для себя (и сполна находит ее

в приключенческих произведениях), но никак не развенчание «прозой жизни». Однако для Станюковича отход от «прозы жизни» означал бы отход от достоверности изображения морского быта, то есть отход от главной своей цели. А потому он не только не обходит щекотливую тему стороной, он настаивает, что спонтанность и мимолетность чувств Ашанина – неизбежная закономерность. И в этом убеждает эпизод, посвященный поездке Ашанина во Вьетнам.

Ашанин командирится в Кохинхину, куда добирается на гражданском пароходе. Внезапное освобождение от обычных для военного корабля ограничений заставляет его видеть окружающий мир в преувеличенно ярких красках. На пароходе он тут же влюбляется в попутчицу – англичанку Эни Уайт. Он сочиняет для «идеальной красавицы» сонеты, а когда она дарит ему свой портрет, то он смотрит на него «с тем благоговейным восторгом, с каким один сингалец в Сингапуре глядел в храме на статую Будды» [31, т. 6, с. 344]. Однако приходит день неизбежной разлуки, Ашанин погружается в атмосферу новых впечатлений, и более не вспоминает об «идеальной красавице». То есть ситуация повторяется, но объясняется ее повторение не характером Ашанина, а лишь теми условиями жизни, в которых он оказывается, участвуя в дальнем плавании.

К числу акцентированных Станюковичем особенностей морского быта относится и переживаемое человеком состояние опасности. Традиция приключенческой литературы широко использует это состояние как почву для героизации персонажа. При этом способность героя мужественно противостоять опасности преподносится как некая данность, которая рождает в читателе чувство восхищения, но редко анализируется автором и не вызывает потребности анализа со стороны читателя. Так, д'Артаньян мужественно встречает опасность просто потому, что это – заданная автором черта его характера. То же самое можно сказать об Айвенго, Капитане Сорви-голове и еще множестве героев приключенческих произведений.

Однако для Станюковича важна психологическая природа героизма. И в этом контексте в качестве данности предстает не мужество персонажа, а чувство естественного страха, свойственное любому человеку в момент опасности. И, таким образом, понимание героизма сводится к осмыслению мотивов, заставляющих

человека осознанно действовать вопреки страху. Проблема ставится Станюковичем точно в том же ракурсе, что и в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого.

Одна из ключевых тем «Севастопольских рассказов» – чувство страха, которое испытывает всякий человек в боевых условиях и которое всяким характером переживается индивидуально [24, с. 336–337]. Несхожесть всякой частной борьбы со страхом обусловлена несхожестью личных мотивов, психологических свойств и внешних условий. И Толстой воплощает в тексте целый ряд художественно обобщенных характеров и ситуаций, представляющих разные исходы сопротивления человека чувству страху. Иные из его персонажей оказываются полностью подавлены этим чувством вследствие внезапности [32, с. 113] или же, напротив, томительного ожидания [32, с. 69] опасности. Другие находят опору для сопротивления страху в осознании собственного долга, как Михаил Козельцов [32, с. 114], в чувстве юношеского самолюбия и азарта, как Володя Козельцов [32, с. 104–110], в тщеславии и «деревянных нервах», как Калугин [32, с. 39, 41]. Так что коллективное мужество на войне – это соединение индивидуальных проявлений храбрости, которая, по выражению Толстого, бывает «всяких родов» [32, с. 110]. Схожую мысль развивает и Станюкович в отношении морской жизни, где стихийная опасность является неотъемлемой составляющей повседневности.

Переживая первый шторм, Ашанин испытывает «жгучий страх» [31, т. 6, с. 94] и принимает его за малодушие. Он стыдится этого чувства и, чтобы сохранить собственное достоинство, всячески пытается скрыть его. Но Станюковичу важно показать, что чувство стыда – это первый, но не единственный и не самый действенный мотив, заставляющий моряков преодолевать страх. Истинной же, наиболее прочной основой противодействия страху может стать лишь осознание ответственности за судьбу всех находящихся на корабле, формирование особой мировоззренческой установки, которая составляет фундамент морской морали. Эта мораль передается от поколения к поколению и ее носителями оказываются бывалые моряки, сознающие неизбежность страха, но и одновременно – необходимость его постоянного преодоления. Бывалый матрос Бирюков поясняет Ашанину: «Всякий человек боится <...>. Дело свое сполняй как следует, по совести, а все-таки бойся...

<...> Капитан наш – уж на что смелый, а и тот бури боится. <...> Мы боимся только за себя, а он-то за всех, за людей, кои под его командой» [31, т. 6, с. 107]. В свете этой мудрости Ашанин сознает, «как фальшивы и ложны его собственные понятия о стыде страха» [31, т. 6, с. 107], поскольку залогом выживания корабля, по словам капитана «Коршуна», является не стыд за собственные эмоции, а способность «не растеряться и бороться до последней возможности» [31, т. 6, с. 187], даже испытывая страх.

Понимание мужества, раскрываемое Станюковичем и предполагающее необходимость для героя сложной психологической работы над собой, противоречило представлениям о «рыцарях без страха и упрека», которые легко вписывались в сюжеты авантюрной литературы и, благодаря своей упрощенности, поражали воображение юной аудитории. Очевидно, что писатель стремился не угодить запросам юного читателя, упрощая для него «взрослую» картину мира, а напротив, задавался целью развить способность этого читателя к восприятию «взрослой» проблематики во всей ее сложности и неоднозначности. Одна из наиболее очевидных иллюстраций тому – тема телесных наказаний во флоте.

Станюкович служил во флоте, когда вопрос об отмене телесных наказаний стоял очень остро, и наблюдал реакцию моряков на вышедший в 1863 г. указ, упразднивший эту жестокость. И сам Станюкович был одним из страстных противников обычных для прежнего флота наказаний. С тех пор миновало три десятилетия, и проблема телесных наказаний уже не могла вызывать общественных дискуссий, она воспринималась, как дело давно решенное и однозначно позитивное. Для Станюковича не было ничего проще, чем отразить эту проблему по канону классической фольклорно-мифологической схемы однозначной победы добра над злом. Однако он воссоздает всю сложность той перестройки, которую должна была претерпеть флотская жизнь после отмены телесных наказаний.

Автор воспроизводит мнения всех иерархических групп экипажа, и юного читателя должно озадачить, что рядовые матросы, которые более всего страдали от телесных наказаний, а стало быть, более всего и должны были приветствовать их отмену, высказываются по поводу обновленных гуманных правил довольно скептически. Позиция подобных скептиков сформулирована одним старым

матросом: «Нельзя боцману или офицеру иной раз нашего брата не съездить <...>. Если не здря, а за дело, никак без этого невозможно» [31, т. 6, с. 84]. Объяснимо, что освобождающий указ нашел себе противников среди других групп экипажа, так или иначе ответственных за матросскую дисциплину. Среди них оказалось «два или три офицера, боцмана и некоторые из унтер-офицеров» [31, т. 6, с. 302]. Причем позиция боцманов объяснялась не кровожадностью, а тем, что линьки и зуботычины были, по сути, единственным инструментом в их руках, позволяющим поддерживать в команде повиновение. Сознал это и старший офицер, выслушивая недоуменные боцманские слова: «Никакого, значит, почтения к боцману не будет <...>. И ежели за дело и драться с рассудком <...>, то, позвольте доложить, что матрос вовсе и не обижается» [31, т. 6, с. 71].

Цель Станюковича не заронить сомнение в необходимости гуманного закона, а показать сложность его реализации. Избавление флотского быта от телесных наказаний требовало перелома в сознании, поиска новых рычагов поддержания дисциплины, новых мотиваций для добросовестной службы. И оптимально верное, по убеждению писателя, направление действий в этом отношении, предлагает капитан «Коршуна», который видит решение проблемы в образовании матросов и организовывает для матросов регулярные занятия, «начиная с обучения грамоте, арифметике и кончая разными объяснительными чтениями, приуроченными к понятиям слушателей» [31, т. 6, с. 130–131].

Словом, повесть Станюковича принуждала читателя погружаться в сложности реальной общественной жизни, реальной психологии. Причем проблематика этой повести соответствовала той проблематике, которая была характерна морскими произведениям Станюковича, ориентированным на «взрослую» аудиторию. Это привело к тому, что текст повести стал обнаруживать множественные пересечения разного уровня (сюжетные, идейно-тематические, образные) с другими морскими произведениями Станюковича.

Внимательный читатель мог бы обнаружить в повести о «Коршуне» даже текстовые повторы. Вот, скажем, фраза из рассказа «Вдали от берегов», которая предваряла описание праздника в честь перехода через экватор: «Переход через

экватор был отпразднован, согласно старинному морскому обычаю, традиционным обливанием тех, кто в первый раз попадал в нулевую широту» [31, т. 4, с. 11]. А вот аналог из повести о «Коршуне»: «“Коршун” пересекал экватор. Это событие было ознаменовано традиционным морским празднеством в память владыки морей Нептуна и обливанием водой всех тех, кто впервые вступал в нулевую широту» [31, т. 6, с. 177]. Заметим, однако, что совпадение фраз не является полным. Станюкович «редактирует» старую фразу для нового текста и точно так же он редактирует весь эпизод корабельного праздника. Иные исправления, конечно, можно отнести к чисто техническим. Так, на вопрос «Нептуна» о принадлежности судна и цели его плавания капитан из рассказа «Вдали от берегов» отвечает: «Мы русской державы люди. Идем из Кронштадта на Дальний Восток. Нас восемнадцать офицеров и сто шестьдесят человек команды» [31, т. 4, с. 12]. Капитан «Коршуна» на тот же вопрос дает такой ответ: «Мы русского государства люди. Идем из Кронштадта на Дальний Восток, а зовется наше судно “Коршуном”» [31, т. 6, с. 177]. Ясно, что здесь изменения обусловлены разницей сюжетных деталей. Однако важно, что Станюкович перефразирует и все остальное описание праздника, по существу, пересказывает другими словами то, что уже однажды изложил в рассказе «Вдали от берегов». Но почему же тогда писатель оставил пусть незначительные, но все же заметные указанные нами повторы?

Полагаем, что подобные неполные «переделки» эпизодов из прежних произведений явились в повести о «Коршуне» принципиальным приемом авторской тактики. Известно, что материалом для морских произведений Станюковича послужили впечатления, почерпнутые во время его собственного кругосветного плавания, а потому «маршрут» «Коршуна» в большинстве случаев дублировал «маршруты» других кораблей, описанных в морских рассказах Станюковича, а персонажи повести «вырастали» из тех же прототипов, что и персонажи прежних морских произведений. Чтобы совершенно избежать смысловых и содержательных повторов, Станюковичу пришлось бы отбросить в качестве источника художественных обобщений собственные морские воспоминания, а это привело бы к нарушению художественной достоверности повествования. Видимо, поэтому

Станюкович избрал иной путь: эпизоды и образы, которые уже были использованы в прежних произведениях, он переработал таким образом, чтобы они обнаруживали некоторое сходство с первоначальным вариантом, однако воспринимались не в качестве «переделки» старого, а в качестве равноценного аналога. При этом в глазах читателя сходство аналогичных художественных элементов должно было объясняться сходством характеров и ситуаций, обусловленным самой жизнью.

Для ясности вернемся к описанию костюмированного праздника Нептуна. Традиция отмечать таким образом переход через экватор пришла в русский флот в начале XIX в., и с тех пор это событие праздновали на всех русских кораблях примерно по одному сценарию, а потому и описания этого праздника в разных источниках были сходны [16]. Так что сходства между описаниями в текстах Станюковича должно было восприниматься читателем как отражение реального сходства между объектами действительности.

Подобных «переключек» в повести много. Боцман Федотов с «Коршуна», который тщательно облагораживает свою внешность перед съездом на берег, чтобы растерять все «великолепие» в первой же пивной, чрезвычайно похож на боцмана Щукина из «Матросского линча»; старший офицер «Коршуна» напоминает главного героя повести «Василий Иванович»; штурман с «Коршуна» – родственная душа «мрачного штурмана», а «беспокойный адмирал» из повести о «Коршуне» является даже не «двойником» главного героя повести «Беспокойны адмирал», а сквозным персонажем, объединяющим три произведения: «Беспокойный адмирал», «Ужасный день» и «Вокруг света на “Коршуне”». На уровне сюжета присутствуют явные «переключки», например, между восьмой главой (Ч. I) повести о «Коршуне» «В тропиках» и рассказами «В тропиках» и «Вдали от берегов», между шестой главой (Ч. II) «Выручка “Забяки”» и рассказом «Ужасный день». На уровне проблематики, как уже отмечалось, переключки были наиболее заметными. Так, скажем, разности позиций, существовавших среди моряков в отношении телесных наказаний, ранее был посвящен рассказ «Отмена телесных наказаний»; проблема неизбежности страха как естественного проявления и необходимости его преодоления поднималась в рассказах «На камнях», «В шторм», «Ужасный день»; проблема особого

психологического состояния, в котором оказываются моряки в периоды дальних переходов, разрабатывалась в повести «Пассажирка» и т. д.

Благодаря этим межтекстовым «пересечениям» в читательском сознании повесть «Вокруг света на “Коршуне”» должна была предстать как часть некоего художественного единства, куда также входят другие произведения Станюковича о море, то есть – как часть маринистики Станюковича. А это, в свою очередь, должно было мотивировать читателя к знакомству с другими текстами писателя о море.

Но заметим, что повесть «Вокруг света на “Коршуне”» писалась для детей, а межтекстовые связи, которые она обнаруживала, «отсылали» читателя к произведениям, рассчитанным на взрослую аудиторию. Это межтекстовое противоречие сглаживалось тем, что, с одной стороны, повесть «Вокруг света на “Коршуне”» содержала довольно мало элементов, рассчитанных исключительно на детское восприятие, а с другой стороны, «взрослые» произведения Станюковича о море – благодаря своему колориту, нередкой напряженности сюжета, экзотическим подробностям – вполне могли претендовать на место в кругу детского и юношеского чтения. Историк детской литературы Н. В. Чехов утверждал, что некоторые морские рассказы Станюковича стали «особенно популярными в народных и детских библиотеках», а именно: «Человек за бортом», «Вдали от берегов», «На камнях», «Куцый» и др. [35, с. 122–123] А другой исследователь детской литературы А. И. Лебедев в 1901 г. рекомендовал для детского чтения следующие морские рассказы: «Куцый», «Ужасный день», «Человек за бортом», «Нянька» [17, с. 35–36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ориентированность повести «Вокруг света на “Коршуне”» на детское восприятие обусловила ряд художественных решений: 1) объединение «картин морского быта» в рамках единого художественного произведения с сильной позицией главного героя и концентрическим сюжетом; 2) усиление познавательной и назидательной функций текста; 3) авторское декларирование идеи. Однако эти приемы реализованы таким образом, что текст не противоречит требованиям взрослого восприятия. В то же время проблематика повести в целом соответствует

проблематике всей маринистики Станюковича, а в основе изобразительного метода лежит реалистический принцип воссоздания действительности. Кроме того, повесть «Вокруг света на “Коршуне”» обнаруживает множественные и разноуровневые межтекстовые связи с иными морскими произведениями Станюковича, что «размывает» границу между текстами автора, ориентированными на разную возрастную аудиторию. В итоге повесть «Вокруг света на “Коршуне”» избежала той опасности, которая всегда угрожает литературе, рассчитанной на подростковую аудиторию, – оказаться «“не взрослой”, но уже и “не детской”» [7, с. 269]. Напротив, она оказалась, как свидетельствует дальнейшая издательская практика, в одинаковой мере привлекательной для читателей любой возрастной категории и способствовала, чтобы изначально «взрослые» произведения Станюковича о море органично входили в круг детского и юношеского чтения.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собр. соч.: В 3-х т. [Текст] / К. С. Аксаков. – М., 1861–1880. – Т. 1. – 632 с.
2. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5-ти т. [Текст] / С. Т. Аксаков. – М.: Правда, 1966. – Т. 1. – 600 с.
3. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений [Текст] / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – М.: Академия, 2005. – 567 с.
4. Бегак Б. А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей) [Текст] / Б. А. Бегак. – М.: Знание, 1979. – 94 с.
5. Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. О детской литературе: Сборник [Текст] / В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов / Сост. В. В. Терновская и Н. И. Якушин. – М.: Дет. лит., 1983. – 430 с.
6. Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. [Текст] / Ж. Верн. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – 457 с.

7. Володарская М. В. Рецепция литературы для детства и юношества: дискуссионные проблемы [Текст] / М. В. Володарская // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. – К., 2011. – Вып. XV. – С. 267–277.
8. Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра [Текст] / А. З. Вулис. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.
9. Дунаевская Е. С. Волшебная сказка «золотого века» английской детской литературы: генезис и жанрово-стилистические вариации [Текст]: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук: 10.01.03 / Е. С. Дунаевская. – Санкт-Петербург, 2013. – 26 с.
10. Дюма А. Три мушкетера. Роман [Текст] / А. Дюма. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 576 с.
11. Емец Д. А. Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века: К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. И. Куприн [Текст]: автореф. дис. ... кандидат филол. наук: 10.01.01 / Д. А. Емец. – Москва, 2001. – 22 с.
12. Жюль Верн и его «Всеобщая история географических открытий» [Текст] // Верн Ж. Всеобщая история географических открытий. – М.: Эксмо, 2018. – С. 5–15.
13. Зубарева Е. Е. Детская литература: Учебник [Текст] / Е. Е. Зубарева, В. К. Сигов, В. А. Скрипкина и др. – М.: Высш. шк., 2004. – 551 с.
14. Коломийцева Е. Ю. Просветительская и дидактическая деятельность Марко Вовчок: журнал «Переводы лучших иностранных писателей» [Текст] / Е. Ю. Коломийцева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 55–62.
15. Корнилова В. В. Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX в. [Текст] / В. В. Корнилова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 82–96.
16. Кузнецов Н. А. Празднование перехода через экватор как форма досуга моряков российского императорского флота [Текст] / Н. А. Кузнецов // Уваровские чтения-

- IX: Досуг в столице и провинции: мат-лы всеросс. науч. конф-ии. Муром, 22–24 апреля 2014 г. – Владимир: ВИТ-принт, 2014. – С. 105–113.
17. Лебедев А. И. Детская и народная литература. Опыт руководства для систематического чтения. (Заметки для родителей, библиотекарей и народных учителей с указанием избранных книг. Вып. 1. Книги для детей младшего и среднего возраста [Текст] / А. И. Лебедев. – Н. Новгород, 1901. – 90 с.
18. Лебедев В. К. «Запретить как идеалистическую» [Текст] / В. К. Лебедев // Русская литература. – Л.: Наука, 1989. – № 4. – С. 203–205.
19. Морева О. В. Детское чтение на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского) [Текст] / О. В. Морева // Обсерватория культуры. – 2015. – № 5. – С. 102–106.
20. Москвин А. Г. Фантазии в историко-географическом пространстве [Текст] / А. Г. Москвин // Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – С. 445–456.
21. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
22. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): Учеб. пособие [Текст] / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 92 с.
23. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века: Учеб. пособие [Текст] / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 96 с.
24. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
25. Первова Г. М. Детская литература как предмет исследования в исторической ретроспективе [Текст] / Г. М. Первова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 1998. – Вып. 3. – С. 61–69.
26. Писарев Д. И. Полное собр. соч.: В 6-ти т. [Текст] / Д. И. Писарев. – СПб., 1894. – Т. 4. – 598 с.

27. Родник. Иллюстрированный журнал для детей [Текст]. – 1895. – № 1–12.
28. Родник. Иллюстрированный журнал для детей [Текст]. – 1896. – № 1–12.
29. Станюкович К. М. Из кругосветного плавания (Очерки морского быта) [Текст] / К. М. Станюкович. – СПб., 1867. – 382 с.
30. Станюкович К. М. Собр. соч. В 6-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 2. – 710 с.
31. Станюкович К. М. Собр. соч. В 10-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М.: Правда, 1977. – Т. 4, 6.
32. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: «Художественная литература», 1928–1958. Серия первая «Произведения». Т. 4. – М., 1935. – 448 с.
33. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция [Текст] / Б. В. Томашевский. – Л.: Советский писатель, 1960. – 497 с.
34. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы [Текст] / Б. Хеллман. – М: НЛЮ, 2013. – 560 с.
35. Чехов Н. В. Детская литература [Текст] / Н. В. Чехов. – М., 1909. – 256 с.
36. Юдина И. М., Иванова Л. Н. Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) [Текст] / И. М. Юдина, Л. Н. Иванова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 г. – Л.: Наука, 1981. – С. 3–28.

References

1. Aksakov K. S. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 3 Tomakh* [Complete Works in 3 Volumes]. Moscow, 1861–1880, v. 1. 632 p.
2. Aksakov S. T. *Sobraniye Sochinenii v 5 Tomakh* [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1966, v. 1. 600 p.
3. Arzamastseva I. N., Nikolaeva S. A. *Detskaya Literatura: Uchebnik dlya Studentov Vyssh. Ped. Ucheb. Zavedenii* [Children's Literature: A Textbook for Students of Higher Education Institutions]. Moscow: Akademiya Publ., 2005. 567 p.

4. Begak B. A. *V Mire Priklyuchenii (Priklyuchencheskaya Literatura Dlya Detei)* [In the World of Adventure (Adventure Literature for Children)]. Moscow: Znanie Publ., 1979. 94 p.
5. Belinskii V. G., Chernyshevskii N. G., Dobrolyubov N. A. *O Detskoj Literature: Sbornik* [About Children's Literature: Collection]. Moscow: Detskaya Literatura Publ., 1983. 430 p.
6. Vern Zh. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 26 Tomakh* [Complete Works in 26 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1997, v. 19. 457 p.
7. Volodarskaya M. V. *Retsepsiya Literatury dlya Detstva i Yunoshestva: Diskussionnye Problemy* [Reception of Literature for Childhood and Youth: Debatable Problems]. *Russkaya Literatura. Issledovaniya: Sbornik Nauchnykh Trudov*. Kiev, 2011, no. XV, pp. 267–277.
8. Vulis A. Z. *V Mire Priklyuchenii. Poetika Zhanra* [In the World of Adventure. Poetics of the Genre]. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ., 1986. 384 p.
9. Dunaevskaya E. S. *Volshebnyaya Skazka «Zolotogo Veka» Angliiskoi Detskoj Literatury: Genезis i Zhanrovo-Stilisticheskie Variatsii: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Fairy Tale of the “Golden Age” of English Children's Literature: the Genesis and Genre-Stylistic Variations]. Saint-Petersburg, 2013. 26 p.
10. Dyuma A. *Tri Mushketera. Roman* [Three Musketeers. Novel]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1976. 576 p.
11. Yemets D. A. *Proizvedeniya dlya Detei i o Detyakh v Tvorchestve Russkikh Pisatelei Vtoroi Poloviny XIX Veka: K. D. Ushinskii, L. N. Tolstoi, A. P. Chekhov, A. I. Kuprin: Avtoref. Dis. ... Kandid. Filol. Nauk* [Works for Children and about Children in the Works of Russian Writers of the Second Half of the 19th Century: K. D. Ushinsky, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, A. I. Kuprin]. Moscow, 2001. 22 p.
12. Zhyul' Vern i ego «Vseobshchaya Istoriya Geograficheskikh Otkrytii» [Jules Verne and his “General History of Geographical Discoveries”]. *Vern Zh. Vseobshchaya Istoriya Geograficheskikh Otkrytii*. Moscow: Eksmo Publ., 2018, pp. 5–15.
13. Zubareva E. E., Sigov V. K., Skripkina V. A. et al. *Detskaya Literatura: Uchebnik* [Children's Literature: Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2004. 551 p.

14. Kolomiitseva E. Yu. *Prosvetitel'skaya i Didakticheskaya Deyatel'nost' Marko Vovchok: Zhurnal «Perevody Luchshikh Inostrannykh Pisatelei»* [Enlightenment and Didactic Activities of Marko Vovchok: “Translations of the Best Foreign Writers Magazine”]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2017, no. 2, pp. 55–62.
15. Kornilova V. V. *Detskie Illyustrirovannye Zhurnaly Sankt-Peterburga XIX Veka* [Children's Illustrated Magazines of St. Petersburg of the 19th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2011, no. 4, pp. 82–96.
16. Kuznetsov N. A. *Prazdnovanie Perekhoda cherez Ekvator kak Forma Dosuga Moryakov Rossiiskogo Imperatorskogo Flota* [The Celebration of the Transition through the Equator as a Form of Leisure of the Sailors of the Russian Imperial Navy]. *Uvarovskie Chteniya-IX: Dosug v Stolitse i Provintsii: Materialy Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii. Murom, 22–24 Aprelya 2014 G.* Vladimir: VIT-Print Publ., 2014, pp. 105–113.
17. Lebedev A. I. *Detskaya i Narodnaya Literatura. Opyt Rukovodstva dlya Sistematicheskogo Chteniya. (Zametki dlya Roditelei, Bibliotekarei i Narodnykh Uchitelei s Ukazaniem Izbrannykh Knig. Vyp. 1. Knigi dlya Detei Mladshego i Srednego Vozrasta* [Children's and Popular Literature. Experience Guides for Systematic Reading. (Notes for Parents, Librarians and National Teachers with the Indication of Selected Books. Issue 1. Books for Children of Younger and Middle Age]. N. Novgorod, 1901. 90 p.
18. Lebedev V. K. *«Zapretit' kak Idealisticheskuyu»* [“Forbid, since it is Idealistic”]. *Russkaya Literatura*. Leningrad: Nauka Publ., 1989, no. 4, pp. 203–205.
19. Moreva O. V. *Detskoe Chtenie na Rubezhe XIX–XX Vekov (po Materialam Ekaterinburgskoi Publichnoi Obshchestvennoi Biblioteki Im. V. G. Belinskogo)* [Children's Reading at the Turn of the 19th–20th Centuries. (Based on Materials from the V. G. Belinsky Yekaterinburg Public Library)]. *Observatoriya Kul'tury*, 2015, no. 5, pp. 102–106.

20. Moskvina A. G. *Fantazii v Istoriko-Geograficheskom Prostranstve* [Fantasies in the Historical-Geographical Space]. *Vern Zh. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 T.* Moscow: Ladomir Publ., 1997, v. 19, pp. 445–456.
21. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsional'nyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Francuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX Veka)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol': Antikva Publ., 2006. 608 p.
22. Orekhova L. A. *Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkii Modernizm (Liricheskaya Proza): Ucheb. Posobie* [Author's Myth-Making and Russian Modernism (Lyric Prose): Textbook]. – Kiev: UMK VO Publ., 1992. 92 p.
23. Orekhova L. A. *Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Russkaya Liricheskaya Proza XX veka: Ucheb. Posobie* [The Image of the Author and the Poetics of the Genre: Russian Lyric Prose of the 19th century: Textbook]. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 96 p.
24. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arkhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol': SGT Publ., 2010. 480 p.
25. Pervova G. M. *Detskaya Literatura kak Predmet Issledovaniya v Istoricheskoi Retrospektive* [Children's Literature as a Subject of Research in Historical Retrospective]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki.* Tambov, 1998, no. 3, pp. 61–69.
26. Pisarev D. I. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 6 Tomakh* [Complete Works in 6 Volumes]. St. Petersburg, 1894, v. 4. 598 p.
27. *Rodnik. Illyustrirovannyi Zhurnal dlya Detei* [Spring. Illustrated Magazine for Children]. 1895, no. 1–12.
28. *Rodnik. Illyustrirovannyi Zhurnal dlya Detei* [Spring. Illustrated Magazine for Children]. 1896, no. 1–12.
29. Stanyukovich K. M. *Iz Krugosvetnogo Plavaniya (Ocherki Morskogo Byta)* [From the Circumnavigation (Essays of Sea Life)]. St. Petersburg, 1867. 382 p.

30. Stanyukovich K. M. *Sobraniye Sochinenii v 6 Tomakh* [Collected Works in 6 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1958, v. 2. 710 p.
31. Stanyukovich K. M. *Sobraniye Sochinenii v 10 Tomakh* [Collected Works in 10 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1977, v. 4, 6.
32. Tolstoy L. N. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 90 Tomakh. Seriya Pervaya «Proizvedeniya»*. [Complete Works in 90 Volumes. Series One “Works”]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1928–1958, v. 4. 448 p.
33. Tomashevskii B. V. *Pushkin i Frantsiya* [Pushkin and France]. Leningrad: Sovetskii Pisatel' Publ., 1960. 497 p.
34. Khellman B. *Skazka i Byl'. Istoriya Russkoi Detskoi Literatury* [Tale and Story. The History of Russian Children's Literature]. Moscow: NLO Publ., 2013. 560 p.
35. Chekhov N. V. *Detskaya Literatura* [Children's Literature]. Moscow, 1909. 256 p.
36. Yudina I. M., Ivanova L. N. *Arkhiv Al'medingenov (Iz Istorii Detskoi Zhurnalistiki)* [The Archive of Almedingenov (From the History of Children's Journalism)]. *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1979 g.* Leningrad: Nauka Publ., 1981, pp. 3–28.

AROUND THE WORLD ON THE KORSHUN: “ADULT” STORY FOR CHILDREN

Orehov V. V., Zhang M.

Summary. This article explores the author's tactics that K. M. Stanyukovich used in the story *Around the World on “Korshun”*. (*Scenes from Sea Life*). In this story the writer adapted his nautical impressions for a middle age children's audience. Up to this point, Stanyukovich wrote marine essays, short stories and stories for adult readers. The story *Around the World on “Korshun”*. (*Scenes from Sea Life*) was the author's experiment of a writer. He had to look for new forms and a new style of narration. Stanyukovich worked on the story, when Russian writers and teachers actively discussed the artistic principles of children's literature. In the article we explore Stanyukovich's author's tactics in comparison with the points of view of Russian writers, literary critics and educators of the 19th century.

Keywords: K. M. Stanyukovich, children's literature, marine science, genre, story.

УДК 82.09

СТРАТЕГИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В КНИГЕ М. ВОЛОШИНА

«ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ»

Остапенко И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Россия
e-mail: i_ostapenko@mail.ru

В статье осуществлен анализ стратегий авторского сознания по формированию книги М. Волошина «Демоны глухонемые», который позволил выявить характер авторско-геройных отношений, описать сущность лирического сюжета книги в целом и определить характер ее лирического субъекта. Авторско-геройные отношения отличающихся усилением в лирическом дискурсе эпического и драматического начал, что в итоге приводит к синкретизму родовых отношений, характерному для фольклорных и библейских текстов. В книге выявлена пятчастная структура, что отличает ее организацию от ранее сформированных сборников. Лирический сюжет книги вписан в авторскую концепцию иерархии христианской Церкви. Центральное место в книге принадлежит вводному стихотворению «Демоны глухонемые», где заявлена онтологическая проблема – сущность божественного промысла, осмысление которой стало целью авторских поисков. С волошинской схемой церковной иерархии, где в форму креста вписаны евангелисты, пророки, звери зодиака и «общественные соответствия» в эволюционном и инволюционном ракурсе коррелируют основные демонические проявления человечества, которые акцентируются в четырех разделах – 1 – возмездие и справедливость; 2 – свобода и насилие; 3 – бунт и своеволие; 4 (поэма) – упорство и гордыня. Лирический субъект-поэт в книге решает когнитивную проблему авторского сознания – выявляет и «называет» «глухонемых» сущностей, освобождая таким образом человека, народ, страну не столько от их присутствия, сколько от внутреннего «мрака», что возвращает «душе» ее первозданный божественный облик.

Ключевые слова: М. Волошин, книга «Демоны глухонемые», лирика, лирический субъект, лирический сюжет, авторское сознание, авторско-геройные отношения, ролевой герой, лирический, эпический, драматический дискурс.

«Поэт в России – больше чем поэт...». Эта формула Е. Евтушенко в полной мере характеризует фигуру Максимилиана Волошина в русской, и не только в русской, культуре, претерпевшей в начале XX века глобальные трансформации. Максимилиан Волошин в своей творческой деятельности «по божественному соизволению» дерзнул приблизиться к «пытающему горну» и взглянуть на «душу человеческую такой, как она есть» [3, с. 583].

В текущем, 2019 году, отмечается столетний юбилей издания книги поэта «Демоны глухонемые» – последней собранной автором и напечатанной в России при его жизни. Книги о «Революции», в которой Максимилиан Волошин поэтическими

средствами воссоздал «трагедию отдельной человеческой души, кинутой в темный лабиринт страстей и заблуждений» [5, с. 33].

Трагическое мироощущение проникает в художественный мир Максимилиана Волошина гораздо раньше и оформляется поэтически в книге «Anno mundi ardentis. 1915» (1916) («В Год мирового Пожара»). Тогда преимущественно символистско-импрессионистская лирическая муза Волошина уступает место новому для поэта гению – эпической поэзии. Но лирическое событие не сразу пришло на смену эпическому, а через его драматическое осмысление.

В книге «Anno mundi ardentis. 1915» поэт еще не выходит за пределы мифологического сознания. Несмотря на то, что автор непосредственно столкнулся с историческими реалиями Первой мировой войны в Европе, его поэтический талант реализовывался в архетипических пределах контакта личности с эмпирическими событиями. Исторические перипетии, очевидцем и участником которых стал Максимилиан Волошин, трансформировались в поэтическом сознании и представляли в универсальном контексте Вечности в библейско-христианском изводе. Одной из причин преобладающей мифологичности художественного мира, на наш взгляд, послужило то, что трагедия, свидетелем которой стал поэт, разразилась на его глазах, но не на его родине. При всем космополитизме М. Волошина – «в Москве француз, во Франции – москвич» [7, с. 227], – что позднее ставили ему в укор, при его органичной причастности мировой культуре, при его тотальном пацифизме, он еще не ощутил в полной мере всего масштаба мировой трагедии. Индивидуальное, человеческое понимание открывшейся бездны настигло поэта, когда «мировой пожар» охватил его отечество. Тогда к нему пришло осознание «личной ответственности» и «за поведение России» [3, с. 586], и за ее судьбу, а в стихах, по выражению А.К. Герцк, «появилось чувство родины» [3, с. 766].

«Демоны глухонемые» презентуют новые аспекты авторского сознания, которое, несомненно, эволюционирует от книги к книге, не отказываясь от наработанного лирического художественного опыта, продуцирует иные отношения со своим эстетическим объектом. В данной работе предполагается выявить стратегии авторского сознания при формировании книги стихов «Демоны глухонемые»,

осмыслить апробируемые М. Волошиным отношения авторско-геройного плана в его поэтических произведениях.

Замысел книги возникает у М. Волошина к концу 1917 года, когда он уже в Коктебеле переживал все трансформации менявшегося на его глазах родного пространства и времени. В автобиографии 1925 года поэт записал: «Вернувшись весной 1917 г. в Крым, я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую – и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой. Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся. Но в 1917-ом году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября, и в 1918 г. я заканчиваю книгу о революции «Демоны глухонемые» и поэму «Протопоп Аввакум»» [6].

Сведения о формировании и издании книги обнаруживаются в переписке автора. В архиве Дома Поэта хранится более трех десятков писем М. Волошина различным адресатам – А. М. Петровой, А. К. Герцык, Ю. Л. Оболенской, Г. А. Шенгели и др., которым автор отсылал свежие стихи, сопровождая их изложением своего видения исторических процессов, в каковые он сам оказался вовлеченным. Весной 1918 года работа над книгой была почти завершена, и поэт отослал ее в харьковское издательство «Камена», где она выйдет в январе 1919 года.

В лекции «Россия распятая» (1920), работу над которой М. Волошин начал в октябре 1918 года, уже после отправки книги в печать, автор прокомментировал связь стихотворений с историческими событиями, а также частично озвучил свои размышления относительно их природы в соответствии с собственными историософскими воззрениями. Наряду с комментариями событий внетекстового уровня М. Волошин изложил в лекции, как представляется, свою новую поэтологическую концепцию, осмысление которой позволит лучше понять замысел книги. «Если для лирического произведения поэту достаточно одной силы чувства и яркости впечатления, то для стихотворения, написанного на темы текущей современности, этого мало. Необходимо осознание совершающегося» [5, с. 455].

М. Волошин осознавал происходящее в эмпирическом времени страны и народа как трагедию в эстетически-онтологическом измерении, где герой по своей данности шире границ заданного мира. Преступая бытийную черту, он совершает выбор, за который неотвратимо следует расплата: «у каждого народа есть свой Мессианизм, другими словами, представление о собственной роли и месте в общей трагедии человечества. Первое – это логика развития драматического действия, которой подчиняется сам драматург, а второе – это причастность творческому замыслу Драматурга» [5, с. 456]. Как видим, поэтическая деятельность в данной трактовке сориентирована в драматическое русло.

Поэту, «отзывающемуся» на современные события, по мнению М. Волошина, необходимо совмещать в себе «два противоположных качества» – «аналитический ум», способность принимать решения в сложившихся «политических обстоятельствах» независимо от согласованности с собственными желаниями», и «глубокую религиозную веру в предназначенность своего народа и расы» [5, с. 455-456]. Оба эти качества, обеспеченные обширными философскими познаниями и христианским миропониманием, как представляется, и определили стратегии авторского сознания по формированию книги «Демоны глухонемые».

Относительно этимологии названия, о чем речь пойдет дальше, обнаруживаем опосредованные авторские рефлексии в статье «Поэзия и революция», посвященной творчеству А. Блока и И. Эренбурга, над которой М. Волошин трудился уже после составления книги. Как известно, критические размышления поэта о другом поэте выявляют собственные авторские прерогативы. Говоря о «другом» поэте, автор подсознательно, или сознательно, выговаривает свои эстетические и мировидческие приоритеты. В данном случае интерес вызывают рассуждения М. Волошина о способности поэта «откликаться на текущие исторические события». Как известно, именно лирика из всех родовых литературных типов способна передать непосредственное восприятие явлений современной действительности, но ее средств недостаточно для их глубинного всестороннего осмысления.

Первичной задачей, стоящей перед поэтом в данной ситуации, М. Волошин видит «называние» «всех вещей и всех явлений», а его долгом считает – «стать

голосом вещей и явлений глухонемых по природе своей» [5, с. 26]. Отдавая им свой голос, «поэт освобождает великих и мятежных духов, плененных в душных вихрях вещества и его страстей» [5, с. 26]. «Самым глухонемым, изо всех глухонемотствующих вихрей этого мира, нуждающихся в имени», М. Волошин считает «всякую текущую политическую борьбу с ее говорливостью», поэт же, в его трактовке, должен стать «голосом всей катастрофы и его творчество будет всегда стоять по ту сторону партийной слепоты» [5, с. 26].

Объективирование «другого», введение «чужого» голоса в поэтические произведения трансформирует изначальный лирический синкретизм авторско-геройных отношений. Для решения новых эстетических задач М. Волошину понадобились, кроме лирических, и другие – эпические и драматические средства, что и было реализовано автором в книге «Демоны глухонемые».

Непосредственное присутствие авторского сознания в эстетическом объекте эксплицируется, прежде всего, структурой и организацией художественного произведения. Книга «Демоны глухонемые» включает в себя заглавие; эпитафия из стихотворения Ф. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...», указывающий на генеалогию центрального образа; стихотворение с названием «Демоны глухонемые», повторяющим номинацию заглавия книги, и эпитафией из Ветхого Завета; трех разделов, включающих 24 отдельных текста, некоторые из них объединены в циклы, некоторые снабжены эпитафиями; и поэму «Протопоп Аввакум». Таким образом, вырисовывается новая для авторского сознания интенция построения книги – пятичастная. Как представляется, такая структура некоторым образом коррелирует с волошинской концепцией иерархии христианской Церкви, изложенной им в письме А. М. Петровой от 14-27 февраля 1918 года [3, с. 84-86].

Остановимся на трактовке названия. Известно, что номинация позаимствована М. Волошиным у Ф. Тютчева, строфу из стихотворения которого он использовал в качестве эпитафии ко всей книге: «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой» [1, с. 4]. «Явлениями глухонемыми», как их назвал М. Волошин, в эзотерических источниках считаются стихии, элементы физической энергии, обладающие примитивным сознанием,

которым может управлять человек посредством ментальной силы. Будучи знакомым со многими эзотерическими учениями, М. Волошин понимает их природу – «Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он знак» [2, с. 527]. Одухотворение стихий произошло в мифологическом сознании человечества, они стали трактоваться в языческой культуре как духи стихий, или демоны. Позже такая трактовка перешла и в христианскую религию, хотя в православной традиции бессознательные бестелесные существа получили более употребительное название бесов.

Цель поэта, в понимании автора, как уже указывалось, – освобождение «великих и мятежных духов», которое должно произойти через их «изназвание». М. Волошин, находясь в пределах западно-европейской культурологической парадигмы, дифференцирует демонов и бесов, что подробно излагает в письме к А.М. Петровой, высказавшей неудовлетворенность названием книги: **«Ведь Демон <...> не непременно бес – это среднее между Богом и человеком: в этом смысле ангелы – демоны и олимпийские боги – тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением»** [2, с. 526]. М. Волошин в данной номинации, из которой он формирует художественный образ, акцентирует его субстанциальную характеристику – «глухонемому», которую считает «неизбежным признаком посланничества», что подкрепляется у автора и текстом из книги Исайи, который предваряет первое стихотворение сборника, – «Они ведь только уста, через которые вещает Св. Дух» [2, с. 527].

Эпиграф из тютчевского стихотворения предшествует всей книге и раскрывает трактовку ее заглавия и номинации названия первого, вводного текста, расположенного за пределами разделов. Таким образом авторское сознание выносит на внетекстовый уровень книги исходную этимологию центрального образа. У Ф. Тютчева «демоны глухонемые» на хронотопном уровне помещены в природное пространство – «ночное небо», «поля и дальние леса», а на образном – введены в состав сравнения, вырастающего из параллелизма – «зарницы огневые, как демоны глухонемые» – физического и метафизического планов. Поскольку метафора «огневых зарниц» построена на символической семантике любого верховного

языческого божества, то и «демоны глухонемые» в тексте являются его атрибутом. Но не только. Именно «демонам» в данном случае дана сила и способность «озарить» «темноту» – «И быстро выступают из мрака / Поля и дальние леса». «Демоны» в данном контексте выступают не только посредниками, но орудием «таинственной» «высокой» силы, замысел «деяний» которой скрыт от природного мира. Их задача – «осветить» темноту, позволить несовершенным аспектам проявить себя с целью, надо понимать, исполнения и изживания своей роли.

В стихотворении «Демоны глухонемые», предшествующем первому разделу, М. Волошин дает собственную трактовку художественному образу, вынесенному в заглавие книги, заявляя ее тематическую направленность. На сюжетном же уровне книги в целом оно оказывается не только вводным, эксплицирующим экзистенциальные вопросы авторского сознания, ответом на которые станет весь текст сборника, но и ее онтологическим центром.

Отдельно необходимо остановиться на эпиграфе к данному стихотворению. Это фрагмент из ветхозаветной книги Исаии – «Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа?» (Исайя 42, 19) [1, с. 5], – который М. Волошин, исходя из его пояснений А. М. Петровой, использует для подкрепления «посланнической» природы «демонов глухонемых». Но, в свете авторской же рефлексии относительно творческой деятельности – «Истинная ценность художественных произведений <...> кроется не в замысле, не в намерениях автора, а в том подсознательном творчестве, которое прорывается в произведении помимо его воли и сознания» [5, с. 27] – смысл его гораздо глубже. В начале 42 главы книги Исайя парафрастический образ «раб Мой» имеет четкую аллюзию на Христа – «Вот, Отрок Мой, <...> избранный Мой, <...>. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; <...> будет производить суд по истине» (Исайя 42, 1-3). И если в объяснении демонической природы (в письме к А. М. Петровой) М. Волошин указывал на ее проявлении в «человеке или явлении», то за пределами такой трактовки вырисовывается авторская дифференциация

«глухонемы» на божественном и человеческом плане, что воплотиться автором в лирическом сюжете книги.

Далее, в первом же стихотворении обнаруживается ведущая поэтологическая особенность субъектной организации отдельных текстов. Субъектный уровень текста представлен внеличной формой, которая актуализирует повествовательный дискурс, а сфера «другого» – местоименной формой «они» и «лицом Господним». За номинацией «они» стоят «демоны глухонемые», заявленные в названии книги и в эпитафиях. Подчеркнем, в самом тексте «демоны» не номинированы, а проявлены качественной характеристикой – «слепые и глухонемые» и своими действиями – «чертят знаки огневые», «бездны озаряя», «кидают вещей луч». При этом, «Они творят, не постигая / Предназначенья своего» [1, с. 5]. То есть, они являются орудием в руках Ветхозаветного Бога, посредниками между имплицитным лирическим «я» и «лицом Господним». Подчеркнем, из трех субъектных форм две – и перволичный субъект, и «другой»-«демоны», – не номинированы в тексте. Так в первом стихотворении формируется со-бытие человеческого и божественного планов, презентованное через посредников-посланников – «демонов», «духов стихий», роль и смысл которых в человеческом бытии предстоит постичь авторскому сознанию и «изназвать» в ходе разработки лирического сюжета книги.

Первый раздел состоит из 11 текстов и предварен эпитафией из поэмы «Протопоп Аввакум» – «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, / Да очервленит ю кровью мученической» [1, с. 8]. Так авторским сознанием вводится первый демонический образ, наделенный высшей силой выявлять несовершенства человеческой природы. Заглавие раздела соответствует названию стихотворения «Ангел мщенья», расположенного в нем на втором месте, первым же поставлено «Предвестия». Оба текста отличаются тем, что были написаны автором задолго до событий, которые стали предметом поэтической рефлексии в анализируемой книге, они ранее опубликованы в сборнике «Стихотворения 1900-1910». Примечательны они были для первого сборника поэта тем, что через них в мифопоэтическое авторское сознание проникает современный историко-политический контекст. Среди всего массива ранних стихотворений они выделялись своей привязкой к конкретным

событиям, свидетелем которых стал М. Волошин, в них история перемежается с мифом, а реальность с мистикой. Еще один текст, третий «России (1915)» написан ранее, в период Первой мировой войны, но в книге «Anno mundi ardentis. 1915» (1916) его место обозначено строками отточий.

Стихотворения первого раздела на субъектном уровне организованы преимущественно внеличной субъектной формой. Это позволяет авторскому сознанию ввести в лирический мир повествовательный дискурс. На первый план выходят эпические события – мифологические и исторические, в которых ведущую роль играют «другие». В сферу других попадают образы «человеческие» и «духовные», персонифицированные и универсально-обобщенные, эксплицитные и имплицитные. Персонифицированные образы представлены преимущественно парафрастически – Юлий Цезарь, основатель Рима Ромул, Христос, Петр I; «духовные» дифференцируются на божественный план («Господь», «распятые серафимы», «кто-то» «всезрящий») и демонический («бесы», «трихины»); собирательно-обобщенные образы «народ», «толпа», «люди» может включаться и перволичная форма, образующая коллективное «мы» – «С Россией кончено... На последях / Её мы прогалдели, проболтали...» [1, с. 13] и др. Специфика введения авторским сознанием в текст образа «другого» состоит в том, что он зачастую помещается на инициальную позицию – входит в заглавие. В особенности это касается универсалий «Родина», «Русь», «Россия», «город», «Петроград», которые в текстах персонифицируются. В самом же произведении такой «другой» может и не появиться (как в вводном стихотворении «Демоны глухонемые», или, например, «Родина»). Если же присутствует, то включается авторским сознанием в непосредственные диалогические отношения с перволичным субъектом – «Что в том, Россия, тебе?» [1, с. 10]; «Ты, Русь глухонемая» [1, с. 14]; обращение к «Городу» – «Пойми, прости!» [1, с. 16] и др.

Кроме эпических отношений, в разделе эксплицируются и драматические, хотя только единожды – в стихотворении «Ангел мщенья». Если лирические и эпические отношения друг друга уравнивают в пределах раздела, то драматизация существенно акцентирует названный текст. Происходит это за счет введения

ролевого героя – «Ангела мщенья», который презентуется в стихотворении через перволичную форму, притом автор сознательно делегирует ему свой голос и форму, при сохранении различных ценностных систем. Как известно, в драме на первый план выходит слово, которое является и самохарактеристикой героя, и его поступком. В лирике ролевой герой, выраженный перволичной формой, отличается сценичностью, усиленной экспрессией. Чаще всего ролевой герой не является носителем авторской точки зрения. Поскольку самохарактеристикой для него является слово, авторскому сознанию важно на языковом уровне найти возможность отделения своей позиции и героиней. Как представляется, в волошинском стихотворении такая дифференциация эксплицируется в первом стихе, в инициальной позиции текста. Несмотря на то, что к «другому» – «народу русскому» обращение исходит от перволичной формы, эпитет «скорбный» позволяет отделить авторскую и героиную позиции, поскольку «мстящий» вовсе не «скорбит», не горюет и не печалится о страдающем от его действий.

Что касается собственно перволичного субъекта, выраженного местоимением «я» в стихотворениях раздела, он презентует «поэта», овладевшего высшей формы слова – молитвенного. Если в стихотворении «Россия», написанном, напомним, в 1915 году, перволичный субъект обращается с просьбой «Дай слов за тебя молиться» [1, с. 10], то в стихотворении «Русь глухонемая» появляется образ «избранного», который «вдали от битв / Куёт постами меч молитв» [1, с. 14]. «Избранность», как известно, в эстетическом дискурсе характеризует поэта, что характерно и для поэтологической концепции М. Волошина – «избранники, скитальцы и поэты». Оформляется новое, молитвенное, качество слова в «Молитве о Городе», где перволичный лирический субъект осуществляет свою миссию –

Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
Кольцом молитв [1, с. 15].

Таким образом, в авторско-героинных отношениях раздела уравниваются лирические и эпические, но уже проникают и драматические. Ведущей характеристикой лирического субъекта раздела становится летописность и

молитвенность, а на сюжетном уровне эксплицированы первые осмысления демонической природы, проявляющиеся в судьбе народа и страны – возмездие («Предвестия»), свобода и справедливость («Ангел мщения»), братская любовь («Россия»), революционная идиллия («Москва»), страстность и одержимость («Петроград», «Трихины», «Русь глухонемая»), предательство («Мир»). Притом, авторское сознание практически каждое явление презентует как амбивалентное, в котором сочетается высший замысел и низменная реализация. Пытаясь занять нейтральную позицию, авторское сознание противопоставляет им лирического субъекта с верой в божественный промысел и молитвой за Родину:

Что как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы! [1, с. 16]

Второй раздел получил название «Пламенники Парижа». Находясь в огне революционных событий в родном Коктебеле, М. Волошин обращается за ответами относительно природы происходящего не только к библейскому контексту, но и к историко-документальным источникам, к примеру, трудам И. Тэна, где изложена история Великой Французской революции. Впервые к этой теме автор приблизился в 1906 году, в стихотворении «Голова madame de Lamballe», где речь идет о принцессе Кариньян, приближенной королевы Марии-Антуанетты, которая была растерзана толпой 4 сентября 1792 за отказ поклониться в ненависти к королю и королеве, о чем автор узнал из «Истории Французской революции Ж. Мишле. В письме М. Сабашниковой 16 марта 1906 года М. Волошин сообщал, что писал его «всё утро, добавляя: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его» [2, с. 519]. В стихотворении реализованы драматические отношения, перволичная форма отдана ролевому герою, что позволяет авторскому сознанию самоустраниться, предоставив читателю самому расставить ценностные акценты, хотя для человеческой природы они должны быть очевидны. Тем не менее, все, что описано в стихотворении, осуществляют люди, но, по замыслу автора, управляемые стихийными демоническими силами.

Всего раздел включает семь текстов. Последующие два – «Взятие Бастилии» и «Бонапарт» объединены под общим названием «Две ступени» и посвящены М. Цветаевой, которая была в Коктебеле в момент написания стихотворений. Следующие четыре пронумерованы и объединены заглавием «Термидор» (одиннадцатый месяц (19/20 июля – 17/18 авг.) французского республиканского календаря в 1793-1805). Не имея возможности в пределах статьи останавливаться на отдельных текстах, обозначим основные авторские стратегии. На субъектном уровне практически все тексты организованы внеличной субъектной формой. Сферу «других» формируют образы исторических личностей, сыгравших ведущую роль во Французской революции – «Камиль Демулен», «Лафайет», «Марат», «Сен-Жюст», «Кутон» и мн.др. Показательно, что названы имена революционеров, «король» же остается безымянным, а также то, что образ «Робеспьера» появляется в пяти текстах, чем акцентируется его роль в революционных событиях в рецепции М. Волошина.

В стихотворениях практически отсутствует перволичный лирический субъект. Авторское сознание дистанцируется от героического плана, в тексты вводится прямая речь «других», но при этом лиризм выполняет свою задачу. Позиция авторского сознания хоть и представлена имплицитным голосом, но рефлексивность, эмоциональность, субъективность оценок позволяет сохранять в качестве основных лирические отношения. В целом в разделе формируется облик лирического субъекта, осмысляющего исторические события на эпической дистанции, но в то же время они эксплицируются на современность. Ретроспективные оценки деятельности «других» субъектов позволяют лирическому субъекту сформировать собственное отношение к событиям, в которые вовлечен эмпирический автор. На сюжетном уровне формируется осмысление человеческих поступков под воздействием все тех же демонических сил. Французская революция проходила под лозунгами – «свобода, равенство, братство», «мир хижинам – война дворцам», реализация которых осуществима лишь через насилие и агрессию. Каждый из этих концептов также демонически амбивалентен, что и осознается лирическим субъектом. Но осознание требовало решения на текстовом уровне. Оно было найдено авторским сознанием через идею «избранничества» – о Робеспьере: «Он – избранный судьбой», а также

через пассаж с собственным именем: «Мир жаждет жертв, великим гневом пьян. / Тяжёл Король... И что уравновесит / Его главу? — Твоя, Максимильтян!» [1, с. 22]. Лирический субъект-поэт осмысляет свою миссию – жертвенность во имя спасения народа, что и возвращает весь раздел в лирическое русло.

Третий раздел «Пути России» включает шесть стихотворений, где изложена авторская историософская концепция. Пути развития России прочерчены авторским сознанием на историческом, мифологическом, метафизическом и мистическом уровнях, притом, в отдельных текстах представлен синтез этих направлений. Отношения авторско-геройного плана реализованы в лирическом русле («Святая Русь»), где лирический субъект формируется через диалог перволичного субъекта с лирическим «ты», в финале текста получающем имя – «Во Христе юродивая Русь» [1, с. 26]; эпическом («Ангел времен»), лиро-эпическом («Преосуществление»); драматическом («Дметриус-император», «Стенькин суд»). Последнее стихотворение «Видение Иезекииля» демонстрирует синкретизм лирических, эпических и драматических авторско-геройных отношений в силу немотивированных переходов от одной субъектной формы к другой, что присуще фольклорным и библейским текстам. Последняя форма способствует оформлению облика лирического субъекта раздела как летописца, способного охватить своим сознанием причины, мотивы, следствия и перспективы развития страны, на текстовом уровне представленной в образе лирической героини. Судьба лирической героини неразрывно связана в лирическом субъектом и определяет его роль в их со-бытии. Лирический субъект-поэт выявляет и называет демонические силы – бунт, своеволие, гордыню, которые не столько призваны обречь на страдание лирическую героиню, сколько избавить ее от несовершенства.

Поэма «Протопоп Аввакум», завершающая книгу, лиро-эпична по своей жанровой природе. Повествование ведется от первого лица, характер же главного героя представлен в трагическом изводе. М. Волошин долго и сложно писал поэму, стараясь сохранить стилистику «Жития протопопа Аввакума», написанного им самим, «его живую речь и интонации его голоса» [5, с. 367]. И здесь авторское сознание преследует цель – выявить демонические силы, определяющие характер

поведения человека и народа в целом. Перефразируя Ю. Крижанича, в изложении С. Соловьева, М. Волошин обличает «анархическое своеволие личности и крайний деспотизм государственной власти» [5, с. 366], а также «экстаз упорства Аввакума» [3, с. 768], что надо понимать как гордыню духовную, и что является проявлением крайнего, религиозного демонизма.

Таким образом, анализ стратегий авторского сознания по формированию книги «Демоны глухонемые» позволяет выявить характер авторско-геройных отношений, отличающихся усилением в лирическом дискурсе эпического и драматического начал, описать сущность лирического сюжета книги в целом и определить характер ее лирического субъекта. Пятичастная структура, как представляется, позволяет вписать лирический сюжет книги в авторскую концепцию иерархии христианской Церкви. Центральное место в книге принадлежит вводу стихотворению «Демоны глухонемые», где заявлена онтологическая проблема – сущность божественного промысла, осмысление которой стало целью авторских поисков. Божественное присутствие в мире разлито во всех его аспектах, в том числе, и в стихийных элементах, именуемых автором в соответствии с его онтологически-культурологической картиной мира – демонами. Они являются, с одной стороны, посредниками и посланниками божественной воли, следовательно, причастны его замыслу, но будучи по природе своей духовной субстанцией, они безучастны к душевно-телесному человеку – «слепые», «немые» и «глухие». С другой стороны, в земном измерении демоны измельчаются, трансформируясь в «мелких бесов», провоцирующих человека на неблагоприятные поступки. Но цель их, опять же, по высокому замыслу, остается прежней – извлечь из души человеческой все ее несовершенство. Задача, которую ставит авторское сознание перед своим лирическим субъектом-поэтом – выявить, «изнавать» этих «глухонемых» сущностей, чтобы таким образом освободить человека, народ, страну не столько от их присутствия, сколько от внутреннего «мрака», высветлить душу и вернуть ей первозданный божественный облик. В волошинской схеме церковной иерархии в форму креста вписаны евангелисты, пророки, звери зодиака и «общественные соответствия» в эволюционном и инволюционном ракурсе. Не дерзая устанавливать

строгую корреляцию с авторской схемой, с ней можно соотнести и основные демонические проявления человечества, которые акцентируются в четырех разделах – 1 – возмездие и справедливость; 2 – свобода и насилие; 3 – бунт и своеволие; 4 (поэма) – упорство и гордыня.

С первой задачей, как представляется, авторское сознание справилось. Вторая задача решается при непосредственной встрече авторского и рецептивного сознаний, притом, во втором из них. Теперь уже от читателя зависит, постигнет ли он смысл авторских называний и воспользуется ли его «словом» для собственного очищения от страстей.

Список литературы

1. Волошин, М. А. Демоны глухонемые / М. А. Волошин. – Харьков: Камена, 1919 (27 янв.). – 63 с.
2. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899 – 1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; Коммент. В. П. Купченко. – М. : Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.
3. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 10. Письма 1913-1917. / Максимилиан Волошин ; сост. А. В. Лаврова, подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко и др. – М. : Эллис Лак, 2011. – 832 с.
4. Волошин, М. А. Собрание сочинений / М. А. Волошин. Т. 12. Письма 1918-1924. / Максимилиан Волошин ; сост. А. В. Лаврова, подгот. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой ; коммент. А. В. Лаврова и Г. В. Петровой. – М. : Эллис Лак, 2013. – 992 с.
5. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн 2. Проза 1900-1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой ; сост., подгот. текста А. В. Лаврова ; коммент. К. М. Азадовского, О.А. Бригадной, З. Д. Давыдова и др. – М. : Эллис Лак 2000, 2008. – 1088 с.
6. Волошин М. А.: Автобиография от 15.11.1925г. – машинопись с авторской правкой и добавлениями. (ДМВ, А 569)

7. Чичибабин, Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Х. : Фолио ; Каравелла, 1998. – 463 с.

References

1. Voloshin M. A. *Demony Glukhonemyye* [Deaf Mute Demons]. Khar'kov, Kamena Publ., 1919 (January 27). 63 p.
2. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. Tom 1. Stikhotvoreniya i Poemy 1899 – 1926* [Collected Works. Vol. 1. Poems of 1899 - 1926]. M.: Ellis Lak Publ., 2000, 2003. – 608 p.
3. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. Tom 10. Pis'ma 1913-1917*. [Collected Works. Vol. 10. Letters of 1913-1917]. *Maksimilian Voloshin*. M.: Ellis Lak Publ., 2011. 832 p.
4. Voloshin M. A. *Sobraniye Sochineniy. Tom 12. Pis'ma 1918-1924*. [Collected Works. Vol. 12. Letters of 1918-1924.]. *Makimilian Voloshin*. M.: Ellis Lak Publ., 2013. 992 p.
5. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy. T. 6, kn 2. Proza 1900-1927. Ocherki, stat'i, leksii, retsenzii, nabroski, plany* [Collected Works. Vol. 6, Book 2. Prose of 1900-1927. Essays, Articles, Lectures, Reviews, Sketches, Plans]. M.: Ellis Lak Publ., 2000, 2008. 1088 p.
6. *Voloshin M. A.: Avtobiografiya ot 15.11.1925 g. – Mashinopis' s Avtorskoy Pravkoy i Dobavleniyami. (DMV, A 569)* [Autobiography from 11/15/1925. - Typewritten Copyright Edition with Additions. (UHF, A 569)].
7. Chichibabin B. A. *V Stikhakh i Proze* [In Verses and Prose]. Kharkov: Folio Publ.; Karavella Publ., 1998. 463 p.

**THE STRATEGY OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN THE BOOK BY M.
VOLOSHIN DEAF MUTE DEMONS**

Ostapenko I. V.

The article analyzes the strategies of the author's consciousness on the formation of M. Voloshin's book *Deaf Mute Demons*, which allowed to reveal the nature of the author-hero relations, to describe the essence of the lyrical plot of the book as a whole and to determine the nature of its lyrical subject. The author-hero relations are distinguished by an increase in the lyrical discourse of the epic and dramatic beginnings, which ultimately leads to the syncretism of the tribal relations characteristic of folklore and biblical texts. The book reveals a five-part structure, which distinguishes its organization from previously formed collections. The lyrical plot of the book is inscribed in the author's concept of the hierarchy of the Christian Church. The central place in the book belongs to the introductory poem *Deaf Mute Demons*, where the ontological problem is declared - the essence of divine providence, the understanding of which has become the goal of the author's searches. With Voloshin's scheme of the church hierarchy, where evangelists, prophets, animals of the zodiac and "social conformities" are inscribed in the form of a cross in the evolutionary and involutory perspective correlate the main demonic manifestations of humanity, which are emphasized in four sections: 1 - retribution and justice; 2 - freedom and violence; 3 - rebellion and self-will; 4 (poem) - perseverance and pride. The lyrical subject-poet in the book solves the cognitive problem of the author's consciousness - reveals and "calls" "deaf-and-dumb" entities, thus freeing a person, a people, a country not so much from their presence, as from the inner "darkness", which returns to the "soul" its original divine appearance.

Keywords: M. Voloshin, *Deaf Mute Demons*, lyrics, lyrical subject, lyrical plot, author's consciousness, author-hero relations, role-playing hero, lyrical, epic, dramatic discourse.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'373.2

ПОЭТОНИМ И КОНТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. А. ВОЛОШИНА)

Ерохина Т. А.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»,
Донецк, ДНР
e-mail: tet.eroxina@yandex.ru

В статье рассмотрено функционирование собственных имен художественных произведений в контекстах различного уровня сложности и объема. Материалом для исследования послужили поэтические тексты М. А. Волошина. Анализ стихотворений свидетельствует о том, что только в контексте собственное имя актуализирует свои поэтические возможности и семантическую наполненность. Поэтика и семантика онимов формируются в ходе взаимодействия со словесными контекстами как ближайших, минимальных, которые могут быть представлены генетивными словосочетаниями с собственным именем в качестве зависимого или/и главного компонента, сравнительными оборотами с онимом в роли объекта сравнения, сочетаниями поэтонима с прилагательным, различными идентификаторами, логическими или образными дескрипциями и др., так и расширяющихся до уровня текста и, может быть, «широчайшего историко-культурного контекста».

Ключевые слова: художественное произведение, поэтоним, контекстная поэтика и семантика онимов, минимальный и расширяющийся контекст.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач поэтономологии, связанных с описанием явлений поэтики и семантики собственных имен, является изучение взаимодействия онимов и контекстов различного уровня сложности и широты. Оно предполагает «рассмотрение как влияния контекста на поэтоним, так и влияния поэтонима на контекст, а сверх того, исследование того совокупного эффекта, который вследствие взаимодействия поэтонима и контекста проявляется в художественном произведении» [7, с. 244].

Контекстная семантика и поэтика онимов рассматривалась в исследованиях М. В. Бувеской [1], Н. В. Усовой [11], К. С. Федотовой [12] и др. Значительный вклад в теоретическое осмысление проблемы, связанной с взаимодействием поэтономов и контекстов, внесли работы В. М. Калинкина [7; 8; 9 и др.]. По определению ученого, «контекстом поэтонима является такой фрагмент текста художественного

произведения, который необходим и достаточен для определения роли поэтонима как в формировании значения самого фрагмента, так и в создании содержательной и образной целостности произведения» [7, с. 250]. В некоторых случаях поэтические возможности имени актуализируются уже в минимальном контексте; в других – требуется обращение к контексту развернутому, под которым понимается текст художественного произведения. Однако «последовательно придерживаясь принципа ограничения контекста рамками, предполагающими возможность применения лингвистических методов его исследования, не нужно забывать о том, что и в этом случае существует необходимость учитывать влияния, выходящие за «физические» пределы конкретного текста художественного произведения. В первую очередь это касается поэтики тех онимов, которые уже обладают некоей «исторической памятью», несут в себе коннотации, связанные с прежними употреблениями в текстах других литературных произведений, и поэтому обязательно окружены ореолом *иных* художественных миров» [7, с. 275–276]. Кроме того, в художественных (и особенно в поэтических) текстах довольно часто используются собственные имена широко известных исторических личностей, мифоперсон и библейских персонажей, которые в результате широкого применения стали фактами мировой культуры и превратились в имена-символы. Тем самым, в целом ряде случаев «выявление “душевной оптики” поэта возможно при расширяющемся анализе контекста поэтонима – от энциклопедического знания об имени <...> через взгляд на минимальный контекст к интерпретации места собственного имени в произведении и творческом сознании автора» [1, с. 62].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

К минимальным контекстам поэтонимов относятся так называемые генетивные словосочетания. Они могут быть представлены моделями «апеллятив + оним», «оним + оним», «оним + апеллятив». Грамматические конструкции, в которых в роли родительного определительного находится собственное имя, являются наиболее репрезентативными. Вероятность присутствия в поэтическом тексте сочетаний слов второго вида значительно ниже, и совсем низкая – у конструкций, где в родительном

падеже находится аппеллятив. При этом, по словам В. М. Калинин, «наблюдается своего рода обратно пропорциональная зависимость: чем ниже вероятность сочетания, тем выше его воздействующая сила» [7, с. 252].

В поэтических текстах М. А. Волошина генетивные словосочетания, построенные по модели «оним + оним», отсутствуют, а конструкции, в которых собственное имя занимает главную позицию («Голгофа душ», «Грааль Борьбы»), составляют единицы. В роли зависимого компонента в словосочетаниях первого вида нередко участвуют собственные имена, указывающие на известных живописцев и скульпторов. В этих случаях грамматически главный компонент может указывать на произведения искусства («фрески Орканья», «мраморы Гужона»), персонажей картин («шуты Веласкеса»), предметы, изображенные на живописных полотнах («фанфары Тьеполо», «флейты Джорджоне»). Однако часто смысл генетивной конструкции можно установить только в расширяющемся контексте, переход к которому от минимального представляет собой последовательное включение собственного имени во все более широкое окружение. Рассмотрим это на примере словосочетаний «шелка Веронеза», «парчи Тинторетто» и «тона Тициана», в которых антропонимы омонимичны именам итальянских живописцев. В стихотворении «Венеция» <1902, 1910> поэт написал:

О пышность паденья, о грусть увяданья!

Шелков Веронеза закатная Кана,

Парчи Тинторетто... и в тучах мерцанья

Осенних и медных тонов Тициана... [2, с. 19].

Кроме имен художников, в процитированном фрагменте текста стихотворения представлен поэтоним *Кана*, функцию несогласованного определения к которому выполняет фамилия *Веронез*. Собственное имя *Кана* широко известно, прежде всего, как поселение в Галилее, где во время брачного пира Иисус Христос совершил свое первое чудо – по просьбе матери претворил воду в вино. Этому сюжету в мировой живописи посвящен ряд работ, среди которых картина Паоло Веронезе «Брак в Кане Галилейской». На живописном полотне изображено более 130 фигур, одетых в дорогие шелковые и парчовые одежды. Особо важным является то обстоятельство,

что на первом плане в образах музыкантов Веронезе запечатлел представителей венецианской школы живописи – Тинторетто, Тициана и самого себя, т. е. художников, чьи имена поэт упомянул в тексте. Однако в первоначальной редакции стихотворения поэтонима *Тинторетто* нет, но использовано собственное имя, отсылающее к еще одному венецианскому живописцу – Джорджоне:

*В шелках Веронеза закатная Кана,
Доспехи Джорджоне и в небе мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана [2, с. 384].*

Поэтому нельзя однозначно утверждать, что конструкции «парчи Тинторетто» и «тона Тициана» поэт упомянул в связи с картиной «Брак в Кане Галилейской». Как бы то ни было, весь набор словосочетаний в конечном итоге послужил воссозданию исключительно зрительного впечатления от осеннего венецианского заката.

Относительно небольшая группа генетивных конструкций с онимом в зависимой позиции выполняет роль идентифицирующих дескрипций («гордого Феба сестра», «сын старший Хаоса», «друг Тобика»). В словосочетаниях этого типа значительно влияние апеллятива на семантические и стилистические качества конструкции. В частности, А. Д. Григорьева, анализируя поэтическую фразеологию А. С. Пушкина, отмечала, что «нейтрально-поэтическое сочетание *сын Феба* (поэт) могло быть представлено как *чадо Феба, исчадие Феба, дитя Феба*, но и *пасынок Феба*. Во всех случаях торжественность, архаичность, сниженность, интимность, шутовость, ироничность, т. е. стилистическая окраска сочетания и дополнительная его экспрессия, определяются выбором опорного слова из возможного для данной модели синонимического ряда опорных слов» [6, с. 16]. В этом плане показательно генетивное словосочетание из произведения «Китеж» (18 августа 1919), центральными образами которого стали «святая Русь» и «Русь грешная»:

*Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать привел [2, с. 280].*

Конструкцией «отродье Кошки и Кобылы», где главное слово имеет ярко выраженную негативную характеристику, поэт обозначил прямого потомка Андрея Кобылы и Федора Кошки – царя Михаила Федоровича Романова, представленного в ряду персонажей, относящихся к семантическому полю *Руси*, которую поэт определил как «грешная».

Поэтические и семантические возможности онима могут проявляться в минимальных контекстах, выраженных именными словосочетаниями, в составе которых собственное имя согласуется с определяющим его эпитетом-прилагательным. В упомянутой выше дескрипции «гордого Феба сестра», которой поэт обозначил Диану, поэтоним *Феб* согласован со стилистически возвышенным эпитетом, что придало образу античного бога особую поэтическую яркость и выразительность (это, в свою очередь, оказало существенное влияние и на восприятие образа его сестры).

В роли главного компонента словосочетаний этого типа широко представлены антропонимы («темно-зеленый Ватто», «холодный Сен-Жюст», «свирельная Маргарита», «ручной Дантон», «домашний Робеспьер»). Раскрыть смысл многих таких словосочетаний можно только в расширяющемся контексте. Рассмотрим, к примеру, конструкцию «темно-зеленый Ватто», в которой собственное имя указывает на французского художника Жана Антуана Ватто. В произведении «Письмо» (май 1904) поэт отметил:

<...>,

Но нам так нравился зато

Скрипучий шелк чеканных складок

Темно-зеленого Ватто [2, с. 52].

В контексте трехкомпонентного генетивного сочетания слов, распространенных определениями, становится очевидным, что прилагательное «темно-зеленый» характеризует основную цветовую гамму ряда полотен Ватто, а вся конструкция в целом является поэтической характеристикой изысканных «галантных сцен» живописца.

Большой интерес представляют случаи использования разных определений к собственному имени, упомянутому в одном произведении. Иногда это может привести к контекстной омонимии собственных имен. Например, в стихотворении «Преосуществление» (17 января 1918) топоним *Рим* употреблен пять раз в минимальных контекстах: «был Рим простерт», «все население Рима», «был Рим безлюден», «древний Рим» и «новый Рим». Определения «древний» и «новый» вносят в семантическую ауру поэтонима диаметрально противоположные смыслы, следовательно, речь идет об омонимичных именах, одно из которых указывает на *Рим* времен конца империи, другое отсылает к пришедшему ему на смену «великому и необъятному» *Риму*, главой которого стал Папа Римский:

*Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершилось преосуществленья
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир.
И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел – велик
И необъятен, как стихия [2, с. 265].*

Новые грани в семантику и поэтику онима добавляют различные идентификаторы, метафорические обороты, логические или образные дескрипции, упомянутые вместе с именем. К примеру, стихотворение «Серенада» (23 марта 1899) открывает фраза: «Посвящается т-те *Ликирики Тартарен*, вдове известн<ого> франц<узского> путешественника» [3, с. 455], в которой имя *Ликирики* указывает на образ юной папуасской принцессы по имени Лики-Рики, на которой женился незадачливый путешественник Тартарен – главный герой цикла романов А. Доде. Девушка обладала экзотической внешностью и абсолютно дикарским поведением, поэтому идентификатор «madame» и конструкция «вдова известного французского

путешественника» по отношению к ней вызывают комический эффект и указывают на шуточный характер произведения.

Семантический потенциал именованного объекта значительно расширяет сопоставление его с другими объектами, предметами или явлениями окружающей действительности на основании сходства по какому-либо признаку. В стихотворении «Письмо» есть такие строки:

*Tête Inconnue! Когда и кто
Нашел и выразил в ней то
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней,
Как и в Джоконде, но сильнее?* [2, с. 53].

Собственное имя *Tête Inconnue* отсылает к бюсту «Tête inconnue» («Голова неизвестной») работы итальянского мастера Франческо Лаураны. В процитированном фрагменте текста произведения нашли отражения мысли, высказанные поэтом в конце января 1904 года в письме к М. В. Сабашниковой: «“La Tête inconnue”. Мучительная загадка жизни.

Тонкое девическое лицо с приподнятыми наискось глазами. Улыбка Джоконды. Нет, это загадочнее Джоконды. Джоконда – женщина. В ней весь блеск распустившегося цветка. Это смягчает ужас загадки. А здесь... “...J'aime l'horreur d'être vierge et je veux Vivre parmi l'effroi que me font mes cheveux...”.

Как странны эти оба лица средневековья: ужас ослепшей веры и загадочная улыбка познания» [4, с. 55].

Интересно, что поэт в передаче имени персонажа картины Леонардо да Винчи прибегает к разным способам транслитерации: в стихотворении она – *Джоконда* (фр. Joconde), в письме – *Джоконда* (итал. Gioconda).

Объект сравнения может быть выражен собственным именем со словами-распространителями. В поэме «Россия» (6 февраля 1924) поэт написал:

*В кунсткамере хранится голова,
Как монстра, заспиртованная в банке,
Красавицы Марии Гамильтон...* [2, с. 368].

Антропонимическая формула *Мария Гамильтон* с идентификатором «красавица» указывает на фаворитку Петра I, которая за воровство, убийство своего новорожденного ребенка и распускание оскорбительных слухов о царице Екатерине I была приговорена в 1719 году к смертной казни. По приказу царя ее отрубленную голову поместили в кунсткамеру Академии наук, где наряду с прочими экспонатами находились заспиртованные в банках монстры – существа с врожденными уродствами. В стихотворении из-за резкого контраста слов «красавица» и «монстра» (отметим, что слово употреблено в женском роде вместо мужского) *Мария Гамильтон* показана несчастной жертвой жестокой расправы. Для уяснения мотивов, которыми руководствовался поэт, создавая такой образ женщины, известной своими преступлениями, необходимо привлечение контекста всего произведения. Дело в том, что эпизод с отрубленной и заспиртованной в банке головой *Марии Гамильтон* представлен в одном ряду с перечислением злодеяний Петра I, среди которых описание «конклава всешутейшего собора» – полуофициального органа, созданного царем для развлечения дворянства, где:

<...>

На медведях, на свиньях, на козлах,

Здрав полы духовных облачений,

Царь, в чине протодьякона, ведет

По Петербургу машкерную одурь [2, с. 368].

Поэтические и семантические возможности собственных имен, проявляющихся в расширяющемся контексте, рассмотрим на примере номинации *de Lamballe*, вынесенной в заглавие произведения «Голова *madame de Lamballe* (4 сент. 1792 г.)» (1906). Имя из заголовка указывает на приближенную французской королевы Марии-Антуанетты принцессу Марию-Луизу-Терезу де Ламбаль, которая за отказ поклясться в ненависти к королеве была зверски растерзана толпой. В письме к М. В. Сабашниковой от 27 сентября 1905 года М. А. Волошин писал о том, что читал в «Истории Французской революции» Ж. Мишле, «как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куаферу – он завил ее, напудрил и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты» [4, с. 494]. Посылая текст стихотворения Маргарите

Васильевне, поэт сообщал: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покою. И мне оно кажется хорошо в своем ужасе» [5, с. 81]. Поэт несколько раз менял заголовок стихотворения. В разных публикациях оно называлось «Голова Princesse de Lamballe», «Голова принцессы Ламбаль», «Princesse de Lamballe». В заключительном варианте титул «princesse» был заменен словом «madame», которое созвучно имени героини. Неслучайным стало и то, что поэт сохранил в названии слово «голова», которое не только, учитывая его расположение рядом с именем женщины, с первых же строк наполняло поэтический текст трагическим содержанием, но и во многом повторило своим звукобуквенным составом имя героини, отчего то приобрело особую выразительность. Драматизма описываемому событию придают семантически контрастные группы лексики, созвучной имени *de Lamballe*. Одна из них «уводит» далеко за пределы королевского дворца – в среду низших слоев парижского общества, другая – относится к сфере жизни героини:

И парижская голь

Унесла меня в уличной давке,

Кто-то пил в кабаке алкоголь,

Меня бросив на мокром прилавке... [2, с. 244];

И, казалось, на бале в Версале я –

Плавный танец кружит и несет... [2, с. 244].

Заканчивается произведение словами:

И тюремную узкою лестницей

В башню Тампля к окну Королевы

Поднялась я народною вестницей [2, с. 245].

Выбор номинация *Королева* для обозначения Марии-Антуанетты, очевидно, также был обусловлен поиском созвучного для имени героини произведения слова. Однако, возможно, на этом функции номинации не заканчиваются, и важным является именно то, что *madame de Lamballe* до конца осталась верной своей королеве.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные на примерах поэтических текстов М. А. Волошина частные случаи функционирования онимов в контекстах различной протяженности показывают, что только в контексте собственное имя актуализирует свои поэтические возможности и семантическую наполненность. Анализ онимной составляющей художественного произведения необходимо начинать с изучения семантики, стилистики и синтаксиса минимальных контекстов поэтонимов. Они могут быть представлены генетивными словосочетаниями, устроенными по моделям “апеллятив + оним”, “оним + оним”, “оним + апеллятив”; конструкциями, в которых собственное имя согласуется с эпитетом-прилагательным; сочетаниями поэтонимов с характеризующими их идентифицирующими, образными и другими конструкциями; сравнительными оборотами. Важную роль в поэтонимологическом анализе играет информация экстралингвального характера, поэтому отдельное внимание должно быть уделено переписке, дневниковым записям литератора, воспоминаниям о нем современников – одним словом, всем тем документам, которые «могут пролить свет на подробности ономастического творчества писателя, приоткрыть дверь в его ономастическую лабораторию» [10, с. 8].

Список литературы

1. Бувеская, М. В. Поэтонимосфера художественного текста [Текст] / М. В. Бувеская. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 288 с.
2. Волошин, М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). – Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 [Текст] / М. А. Волошин ; сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.
3. Волошин, М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). – Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931 [Текст] / М. А. Волошин ; сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.
4. Волошин, М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). – Т. 11, кн. 1: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1903–1905 [Текст] / М. А. Волошин ; сост.

-
- К. М. Азадовский, Р. П. Хрулева; подгот. текста Р. П. Хрулевой; коммент. К. М. Азадовского; под общей ред. А. В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2013. – 736 с.
5. Волошин, М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). – Т. 11, кн. 2: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906–1924 [Текст] / М. А. Волошин ; сост. К. М. Азадовский, Р. П. Хрулева; подгот. текста Р. П. Хрулевой; коммент. К. М. Азадовского; под общей ред. А. В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с.
 6. Григорьева, А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина [Текст] / А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова. – М.: Наука, 1969. – 387 с.
 7. Калинин, В. М. Поэтика онима [Текст] / В. М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
 8. Калинин, В. М. К вопросу о метаязыке поэтики онима: поэтика онима и контекст (на материале творчества А. С. Пушкина) [Текст] / В. М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Выпуск пятый: сборник научных трудов ; редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 1999. – С. 10–22.
 9. Калинин, В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина) [Текст] / В. М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
 10. Ковалев, Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год [Текст] / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 346 с.
 11. Усова, Н. В. Фонетические средства выразительности онимов в звуковом строе поэтического произведения [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15 / Н. В. Усова. – Донецк, 2006. – 210 с.
 12. Федотова, К. С. Онимная лексика в языке писателя: поэтономиграфический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилёва) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / К. С. Федотова. – Волгоград, 2018. – 232 с.

References

1. Buevskaya M. V. *Poetonimosfera Khudozhestvennogo Teksta* [Poetonymosphere of a Literary Text]. Kiev: Izdatel'skii Dom Dmitriya Burago Publ., 2012. 288 p.
2. Voloshin M. A. *Sobranie Sochinenii. Vol. 1: Stikhotvoreniya i Poemy 1899–1926* [Collected Works. Vol. 1: Poems of 1899–1926]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000, 2003. 608 p.
3. Voloshin M. A. *Sobranie Sochinenii. Vol. 2: Stikhotvoreniya i Poemy 1891–1931* [Collected Works. Vol. 2: Poems of 1891–1931]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000, 2004. 768 p.
4. Voloshin M. A. *Sobranie Sochinenii. Vol. 11, Kn. 1: Perepiska s Margaritoi Sabashnikovoi. 1903–1905* [Collected Works. Vol. 11, B. 1: Correspondence with Margarita Sabashnikova. 1903–1905]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2013. 736 p.
5. Voloshin M. A. *Sobranie Sochinenii. Vol. 11, Kn. 2: Perepiska s Margaritoi Sabashnikovoi. 1906–1924* [Collected Works. Vol. 11, B. 2: Correspondence with Margarita Sabashnikova. 1906–1924]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2015. 784 p.
6. Kalinkin V. M. *Poetika Onima* [Onym Poetics]. Donetsk: Yugo-Vostok Publ., 1999. 408 p.
7. Kalinkin V. M. *K Voprosu o Metazykye Poetiki Onima: Poetika Onima i Kontekst (na Materiale Tvorchestva A. S. Pushkina)* [On the Question of the Metalanguage of the Onym Poetics: the Onym Poetics and the Context (Based on the Works by A. S. Pushkin)]. *Vostochnoukrainskii Lingvisticheskii Sbornik: Vypusk Pyatyi*. Donetsk: Donechchina Publ., 1999. Pp. 10–22.
8. Kovalev G. F. *Bibliografiya Onomastiki Russkoi Literatury po 2010 God* [Bibliography of Russian Literature Onomastics until 2010]. Voronezh: Izdatel'sko-Poligraficheskii Tsentr Nauchnaya Kniga Publ., 2014. 346 p.

Ерохина Т. А.

POETONYM AND CONTEXT

(BASED ON LITERARY WORKS BY M. A. VOLOSHIN)

Yerokhina T. A.

Summary. The article describes the functioning of proper names in literary works in contexts of various levels of complexity and width. The material for the study was the poetic texts of M. A. Voloshin. Analysis of the poems shows that a proper name actualizes its poetic capabilities and semantic fullness only in the context. The poetics and semantics of onyms are formed in interaction with verbal contexts as the closest, minimal ones that can be represented by genitive phrases with a proper name as a dependent or / and main component, comparative turns with onym as the object of comparison, combinations of poetonym with an adjective, various identifiers, logical or figurative descriptions, etc., expanding to the level of the text and, perhaps, “the broadest historical and cultural context”.

Keywords: a literary work, poetonym, contextual poetics and semantics of onyms, minimal and expanding context.

УДК 81'367.622:343.21

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ: АНАЛИТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

Прадид О. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail:pradid.lady@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей употребления отглагольных существительных в названиях разделов, глав и статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Уголовного кодекса Украины (УК Украины) как одной из важных проблем юридической лингвистики – науки, которая начала развиваться на стыке лингвистики и права в последней четверти XX – в начале XXI вв. Установлено, что для названий разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины характерно доминирование имен существительных над другими частями речи. В статье констатируется, что в названиях разделов, глав и статей кодексов преимущественно употребляются отглагольные имена существительные. Особое внимание уделяется выделению словообразовательных моделей, по которым образованы отглагольные существительные, их семантическим проявлениям в названиях разделов, глав и статей кодексов. Проведен анализ различий словообразовательных способов, обусловлена частота их использования в рамках исследуемого материала в русском и украинском языках, обозначены продуктивные и малопродуктивные словообразовательные модели.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, словообразовательная модель, суффиксальный способ, способ нулевой суффиксации, суффиксально-префиксальный способ, способ основосложения, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Украины.

ВВЕДЕНИЕ

Как языка нет и не может быть без общества, так не может существовать общество без функционирования языка, понятного и доступного каждому индивиду – члену определенного социума. Ведь язык, несмотря на все внеязыковые законы (которые в природе и обществе складывались на протяжении веков), не может функционировать, и развиваться вне социума. Конечно, отдельные ярусы языковой системы в меньшей степени зависят от особенностей территориальной, материальной и духовной жизни народа и государства, но некоторые системы более чувствительны ко всем общественным и природным изменениям, что так или иначе впоследствии отображается в языке законодательства, несмотря на консервативность официально-делового стиля.

Динамичность и развитие системы современного русского литературного языка являются целиком закономерными в период социально-экономических, политических и общественно-культурных сдвигов. Актуальными сейчас стали изыскания, основанные на использовании результатов исследований других наук.

Исследования в области юридической лингвистики – направления, возникшего на границе филологии и права, проводятся учеными, как филологами, так и юристами, относительно недавно, хотя вопросы, касающиеся лингвистической стороны правовых процессов, поднимались юристами-практиками гораздо раньше возникновения юридической лингвистики как отдельного научного направления, что в том числе продиктовано и изменениями статуса, образа юриста в правовой системе и обществе (прим. авт.: возникшие в послевоенное время силовые структуры, деятельность сотрудников которых была направлена исключительно на борьбу с уголовными преступлениями, достигшими небывалых масштабов в связи с множеством факторов, иными словами, на фоне способствующих этому обстоятельств, согласно требованиям нового времени получили дополнительную потребность в публичности, коммуникации, а значит и потребность в иных средствах для достижения данной цели на различных уровнях). Несмотря на то, что исследования и их выводы в данной области достаточно востребованы обществом, т. к. практическое применение результатов способствует законотворчеству, правовому регулированию и потребностям общества (например, проведение экспертизы в правовом процессе), юридическая лингвистика на сегодняшний день не стала отдельной отраслью языкознания в связи с ее пребыванием на стадии становления.

Различные аспекты языка современного законодательства, как на материале русского языка (текстов российского права), так и на материале украинского языка (текстов украинского права), изложены в трудах А. С. Александрова, А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Д. Голева, М. В. Горбаневского, С. В. Ионовой, Ю. Ф. Прадида, З. А. Тростюк и др.

Вторичным текстам (прим. авт.: о междискурсивном взаимодействии, вторичной категоризации, вторичной концептуализации и процессе интердискурсивной адаптации см. раб.: [1]), например, текстам фиксации следственных действий

[3, с. 34–41], наиболее свойственны различного рода лексические ошибки, зачастую касающиеся словоупотребления. Что же касается текстов законодательства, неточности которого имеют более весомые последствия, то в них преобладают сложные многоуровневые недостатки, для выявления и анализа которых необходим системный подход, т. к. «в объекте есть та или иная степень связанности его свойств вообще и взаимосвязанности свойств его структуры и субстанции в частности, то любой объект есть система, а все рассмотренные характеристики объекта являются одновременно и характеристиками системы» [2, с. 184].

Отдельные аспекты системы языка законодательных текстов, в сфере уголовного законодательства включительно: теоретические и практические вопросы терминологии, стилистики, экспертизы и т. д. – довольно часто занимают ученых, однако грамматическая сторона языка права, особенно в сопоставлении с другими языками, в частности славянскими, на данный момент практически остается вне исследований [4].

Актуальность темы статьи продиктована необходимостью изучения словообразовательной и лексико-семантической сторон текстов законодательных актов. Статья является продолжением исследований, проводимых в сфере сопоставления уголовного законодательства Российской Федерации и Украины.

Целью же является заполнение лакуны в исследованиях, касающихся особенностей отглагольных имен существительных в названиях разделов, глав и статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и Уголовного кодекса Украины (далее УК Украины), а среди поставленных **задач** следует обозначить проведение систематизации материала посредством определения, моделирования, анализа и сопоставления словообразовательных методов и средств отглагольных существительных в русском и украинском языках.

В связи с тем, что язык закона (как часть официально-делового стиля) требует одновременного обезличивания и обобщения в сочетании с четкостью формулировок относительно лица и производимого им действия (события/процесса) (подробнее о теории вида / аспекта глагола см. раб.: [7, с.12–13], правовой подстиль насыщен отглагольными существительными, которые могут обозначать опредмеченные

признаки, действия, явления, абстрактные понятия, и которые при этом осознаются как своеобразные предметы [5, с. 85]. Схожесть подобных абстрактных слов с названиями конкретных предметов легко распознается при сопоставлении соответствующих существительных с глаголами, а также прилагательными, выражающими динамические и статические признаки. Качества, признаки, которые выражают имена прилагательные, и действия, которые выражаются глаголами, сопоставляются с определенными субъектами – носителями данных признаков и исполнителями действий, а соответствующие существительные выступают в качестве отдельных субъектов и объектов [4, с. 137].

Следует также отметить, что уголовное право является одной из наиболее древних правовых подсистем, формировавшихся на основе духовной, физической, социальной и др. потребностей человечества, основывается и руководствуется принципами, выявленными людьми, закрепленными в священных книгах любой из религий как заповеди. В связи с этим, уголовное законодательство любой из стран, в частности славянских, имеет одинаковые корни, поэтому отлично в основном формой, а не содержанием (сутью).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Словообразовательные модели отглагольных существительных и их семантические интерпретации в названиях статей Уголовного кодекса Российской Федерации

Отглагольные существительные, употребленные в названиях статей УК РФ, образованы суффиксальным способом по словообразовательной модели **основа глагола (ОГ) + суффикс**, который придает существительному новое значение:

– **ОГ + -ок-**, где гласный выпадает при склонении: *Порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний* (ст. 71);

– **ОГ + -к-**: *Незаконная рубка лесных насаждений* (ст. 260); *Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия* (ст. 325) и др.;

– **ОГ + -аниј- (-ениј-):** *Нарушение* уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335); *Нарушение* уставных правил *несения* внутренней службы и *патрулирования* в гарнизоне (ст. 344) и др.;

– **ОГ + -ациј-:** *Незаконные действия* в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего *конфискации* (ст. 312); *Реабилитация* нацизма (ст. 354.1) и др.;

– **ОГ + -б-:** *Уклонение* от прохождения военной или альтернативной гражданской *службы* (ст. 328); *Понятие преступлений* против военной *службы* (ст. 331);

– **ОГ + -ч-:** *Нарушение* правил *сдачи* государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192); *Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка* или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222) и др.

Отглагольные существительные с суффиксами -ок-, -к-, -аниј- (-ениј-), -ациј-, -б-, -ч- обозначают абстрактные понятия и опредмеченные действия.

– **ОГ + -тель-:** *Назначение наказания* при вердикте присяжных *заседателей* о снисхождении (ст. 65); *Соккрытие денежных средств* либо имущества организации или индивидуального *предпринимателя*, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2) и др.;

– **ОГ + -ник-:** *Превышение полномочий* частным детективом или *работником* частной охранной организации, имеющим удостоверение частного *охранника*, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203); *Захват заложника* (ст. 206);

– **ОГ + -ец-:** *Фальсификация* единого государственного реестра юридических лиц, реестра *владельцев* ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1); *Воспрепятствование осуществлению* или незаконное ограничение прав *владельцев* ценных бумаг (ст. 185.4).

Отглагольные существительные, употребленные с суффиксами -тель-, -ник-, -ец- обозначают лицо как исполнителя определенного действия либо по роду занятия.

Следует отметить, что Семина И. А., исследовавшая имена существительные в юридическом дискурсе, выделяет среди нарицательных существительных, указывающих на различные характеристики человека, два основных типа: единицы, характеризующие человека как биологическое существо, и единицы, характеризующие человека как носителя общественных отношений (со стороны профессионального или иного вида деятельности; по принадлежности к какому-либо общественному направлению и под.; по степени активности в общественной жизни; по социальному и имущественному положению; по личным отношениям (прим. авт.: межличностным); по месту проживания; по национальному признаку) [6, с. 96].

– **ОГ + -ств-:** *Хулиганство* (ст. 213); *Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования* (ст. 294), а также: **Посягательство** на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295); **Укрывательство** преступлений (ст. 316) и др.;

– **ОГ + -иј-:** **Соккрытие** информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237); **Незаконные поиск и (или) изъятие** археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2) и др.;

– **ОГ + -ож- (-аж-):** **Грабеж** (ст. 161); **Шпионаж** (ст. 276) и др.;

– **ОГ + -ищ-:** **Нарушение неприкосновенности жилища** (ст. 139).

Отглагольные существительные с суффиксами **-ств-**, **-иј-**, **-ож-** (**-аж-**) имеют собирательное значение, значение отвлеченного действия, обозначают опредмеченное действие либо абстрактное понятие, а с суффиксом **-ищ-** – место, где совершается действие, названное производящей основой.

Кроме того, в названиях статей УК РФ при образовании отглагольных существительных достаточно часто встречаются случаи **нулевой суффиксации**: например, **Виды наказаний** (ст. 44); **Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью** (ст. 112) и др.

Образование отглагольных существительных способом нулевой суффиксации сопровождается морфологическим явлением – усечением глагольных суффиксов в образовательной основе.

Известно, что в образовании существительных в целом и отглагольных в частности, конфиксальный способ, по сравнению с суффиксацией, малопродуктивен. Не являются исключением и названия статей УК РФ, где словообразование происходит по моделям:

– у- + ОГ + суффикс: **Угон** судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211) (сопровождается усечением глагольного суффикса в образовательной основе); Насильственный захват власти или насильственное **удержание** власти (ст. 278);

– от- + ОГ + суффикс: Отсрочка **отбывания** наказания (ст. 82); Легализация (**отмывание**) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174);

– пере- + ОГ + суффикс: Нарушение тайны **переписки**, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138); Изготовление, хранение, **перевозка** или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186) и др.;

– при- + ОГ + суффикс: **Причинение** имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165); Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о **признании** нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1).

Отглагольные существительные, образованные префиксально-суффиксальным способом при помощи префиксов **у-**, **от-**, **пере-** и **при-**, имеют значение опредмеченного действия.

Также отглагольные существительные могут образовываться путем соединения существительного и глагольной основы при помощи интерфикса либо без него, при этом основосложение, преимущественно, сопровождается суффиксацией глагольной основы: Причинение имущественного ущерба путем обмана или **злоупотребления** доверием (ст. 165); Воспрепятствование осуществлению **правосудия** и производству предварительного расследования (ст. 294) и др.

Отглагольные существительные-композиции, образованные путем объединения существительного и глагольной основы, обозначают отрасли, регулирующие

общественные отношения, характеризуют процессы и под., путем соединения причастий и глагольной основы – абстрактные понятия.

Характерной особенностью отглагольных существительных, употребленных в названиях статей УК РФ, является то, что от некоторых глагольных основ образовано несколько существительных, формирующих словообразовательные гнезда, например:

– **-деј-**: **действие, деятельность, воздействие, содействие, деятель** и др.: **Действие** уголовного закона во времени (ст. 9); Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной **деятельностью** (ст. 47); Применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90); **Содействие** террористической **деятельности** (ст. 205.1); Посягательство на жизнь государственного или общественного **деятеля** (ст. 277);

– **-суд-**: **осужденный, осуждение, суд, судимость, правосудие, судья**: Назначение **осужденным** к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58); Условное **осуждение** (ст. 73); Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора **суда** (ст. 83); **Судимость** (ст. 86); Воспрепятствование осуществлению **правосудия** и производству предварительного расследования (ст. 294); Клевета в отношении **судьи**, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1);

– **-участ-**: **соучастие, соучастник, участник, участие**: Понятие **соучастия** в преступлении (ст. 32); Ответственность **соучастников** преступления (ст. 34); Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы **участников** референдума (ст. 141.1); Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или **участию** в них (ст. 149).

Типичной чертой названий статей УК РФ является нагромождение отглагольных существительных: Незаконные **приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка** наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а

также незаконное **приобретение, хранение, перевозка** растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228); **Разработка, производство, накопление, приобретение** или **сбыт** оружия массового поражения (ст. 355) и др.

2. Словообразовательные модели отглагольных существительных и их семантические интерпретации в названиях разделов и статей Уголовного кодекса Украины

Отглагольные существительные, как и отыменные, обычно образуются суффиксальным способом по словообразовательной модели основа глагола (ОГ) + суффикс, который придает существительному новое значение:

– ОГ + -ник: *Обман покупців та замовників* (ст. 225); *Опір представникові влади, працівникові правоохоронного органу, члену громадського формування з охорони громадського порядку і державного кордону або військовослужбовцеві* (ст. 342) и др.

К малопродуктивным относятся модели:

– ОГ + -ець: *Фальсифікація виборчих документів, документів референдуму чи фальсифікація підсумків голосування, надання неправдивих відомостей до органів Державного реєстру виборців чи фальсифікація відомостей Державного реєстру виборців* (ст. 158); *Обман покупців та замовників* (ст. 225) и др.;

– ОГ + -ач: *Перешкоджання здійсненню виборчого права або права брати участь у референдумі, роботі виборчої комісії або комісії з референдуму чи діяльності офіційного спостерігача* (ст. 157); *Відмова свідка від давання показань або відмова експерта чи перекладача від виконання покладених на них обов'язків* (ст. 385) и др.;

– ОГ + -атор: *Кримінальна відповідальність організаторів та учасників організованої групи чи злочинної організації* (ст. 30);

– ОГ + -тель: *Погроза або насильство щодо судді, народного засідателя чи присяжного* (ст. 377).

Отглагольные существительные с суффиксами **-ник, -ець, -ач, -атор, -тель** обозначают лицо как исполнителя определенного действия либо по роду его занятия.

Отглагольные существительные могут образовываться суффиксальным способом и по другим словообразовательным моделям, среди которых наиболее распространенными являются:

– **ОГ + -енн-**: Правові наслідки **засудження** особи за межами України (ст. 9); Видача особи, яка обвинувачується у **вчиненні** злочину, та особи, яка засуджена за **вчинення** злочину (ст. 10) и др.;

– **ОГ + -нн-**: **Примушування** до участі у страйку або перешкоджання участі у страйку (ст. 174); Посягання на здоров'я людей під приводом **проповідування** релігійних віровчень чи виконання релігійних обрядів (ст. 181) и др.;

– **ОГ + -тт-**: Виконання спеціального завдання з попередження чи **розкриття** злочинної діяльності організованої групи чи злочинної організації (ст. 43); Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з дійовим **каяттям** (ст. 45) и др.;

– **ОГ + -к-**: Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку із зміною **обстановки** (ст. 48); **Крадіжка** (ст. 185) и др.;

– **ОГ + -ації-**: Виконання спеціального завдання з попередження чи розкриття злочинної діяльності організованої групи чи злочинної **організації** (ст. 43); Розміщення цінних паперів без **реєстрації** їх випуску (ст. 223) и др.;

малопродуктивними являються следующие:

– **ОГ + -ч-**: Видача особи, яка обвинувачується у вчиненні злочину, та особи, яка засуджена за вчинення злочину (ст. 10); Добровільна **здача** в полон (ст. 430) и др.;

– **ОГ + -іж-**: **Грабіж** (ст. 186); Ухилення від сплати податків, зборів (обов'язкових **платежів**) (ст. 212);

– **ОГ + -иції-**: Порухення прав на винахід, корисну модель, промисловий зразок, топографію інтегральної мікросхеми, сорт рослин, раціоналізаторську **пропозицію** (ст. 177);

– **ОГ + -от-**: Громадські **роботи** (ст. 56).

Отглагольные существительные с суффиксами **-енн-, -нн-, -тт-, -к-, -аціј-, -ч-, -иціј-, -от-** обозначают опредмеченное действие либо абстрактные названия.

Продуктивными являются отглагольные существительные, которые употребляются в названиях разделов и статей УК Украины, построены по словообразовательным моделям с суффиксами:

– **ОГ + -ств-(-цтв-)**: Використання малолітньої дитини для заняття **жебрацтвом** (ст. 150-1); Доведення до **банкрутства** (ст. 219) и др.;

– **ОГ + -ок-**, где гласный выпадает при склонении: Правові **наслідки** засудження особи за межами України (ст. 9); **Обов'язки**, які покладає суд на особу, звільнену від відбування покарання з випробуванням (ст. 76) и др.

Отглагольные существительные с суффиксами **-ств-(-цтв-), -ок** обозначают собирательные и абстрактные понятия.

Малопродуктивными в отглагольных существительных являются словообразовательные модели:

– **ОГ + ин**: Призначення покарання за наявності **обставин**, що пом'якшують покарання (ст. 69-1);

– **ОГ + в**: **Посів** або вирощування снотворного маку чи конопель (ст. 310);

– **ОГ + тл**: Порушення недоторканності **житла** (ст. 162).

Отглагольные существительные с суффиксом **-ин-** обозначают абстрактное понятие, с суффиксом **-в-** – опредмеченное действие, с суффиксом **-тл-** – названия конкретных предметов.

Как не раз упоминалось, в словообразовании существительных в целом и отглагольных в частности конфиксальный способ, по сравнению с другими способами, малопродуктивный. Не являются исключением и названия разделов и статей УК Украины, в которых зафиксированы разве что несколько примеров отглагольных существительных, образованных конфиксальным способом по таким словообразовательным моделям:

– **у- + ОГ + нулевой суф.**: Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини (ст. 149);

– **само- + ОГ + -ств-**: Доведення до **самогубства** (ст. 120); **Самоправство** (ст. 356).

Отглагольные существительные с приставкой **у-** обозначают абстрактные понятия, с префиксом **само-** – опредмеченное конкретным лицом действие.

Отглагольные существительные могут образовываться способом нулевой суффиксации, в основном от основ префиксальных глаголов: *Підстава кримінальної відповідальності* (ст. 2); *Підроблення документів, які подаються для реєстрації випуску цінних паперів* (ст. 223-1) и др.

Образование отглагольных существительных способом нулевой суффиксации сопровождается морфологическим явлением – усечением глагольных суффиксов в образовательной основе.

Отглагольные существительные могут образовываться и путем соединения существительного и глагольной основы при помощи интерфикса или же без него, причем основосложение в таком случае, чаще всего, сопровождается суффиксацией глагольной основы: *Чинність закону про кримінальну відповідальність щодо злочинів, вчинених на території України* (ст. 6); *Зловживання опікунськими правами* (ст. 167) и др., а также причастия и глагольной основы: *Умисне порушення вимог законодавства про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом* (ст. 209-1).

Отглагольные существительные-композицы, образованные путем объединения существительного и глагольной основы, обозначают отрасли, регулирующие общественные отношения, характеризуют производственные процессы и под., путем соединения причастия и глагольной основы – абстрактное понятие.

Иногда отглагольные существительные, которые зафиксированы в названиях статей УК Украины, образованы морфолого-синтаксическим способом: *Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим* (ст. 46); *Ненадання допомоги хворому медичним працівником* (ст. 139) и др. и обозначают лицо как носителя определенного процессуального признака.

Некоторые отглагольные существительные принадлежат к категории существ, но в названиях статей УК Украины они используются для обозначения несущест:

Несанкціоновані збут або розповсюдження інформації з обмеженим доступом, яка зберігається в електронно-обчислювальних машинах (комп'ютерах), автоматизованих системах, комп'ютерних мережах або на носіях такої інформації (ст. 361-2).

Характерной особенностью отглагольных существительных, употребляемых в названиях разделов и статей УК Украины, является то, что от некоторых глагольных основ можно образовать несколько существительных, из которых можно сформировать словообразовательные гнезда:

– **-дії-**: *дія, діяч, протидія, діяльність, здійснення, діяння: Дії, спрямовані на насильницьку зміну чи повалення конституційного ладу або на захоплення державної влади* (ст. 109); **протидія**: *Протидія законній господарській діяльності* (ст. 206); **діяч**: *Погроза або насильство щодо державного чи громадського діяча* (ст. 346); **діяльність**: *Позбавлення права обіймати певні посади або займатися певною діяльністю* (ст. 55); **здійснення**: *Перешкоджання здійсненню релігійного обряду* (ст. 181); **діяння**: *Обставини, що виключають злочинність діяння* (роздел VIII);

– **-плат-**: *плата, виплата, невивплата, оплата, сплата: Невивплата заробітної плати, стипендії, пенсії чи інших установлених законом виплат* (ст. 272); *Ухилення від сплати страхових внесків на загальнообов'язкове державне пенсійне страхування* (ст. 212); **оплата**: *Підроблення знаків поштової оплати і проїзних квитків* (ст. 215);

– **-безпе-**: *безпека, небезпека, забезпечення, убезпечення: Порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах* (ст. 273); **небезпека**: *Порушення правил безпеки під час виконання робіт з підвищеною небезпекою* (ст. 272); **забезпечення**: *Злочини у сфері охорони державної таємниці, недоторканності державних кордонів, забезпечення призову та мобілізації* (розділ XIV ОЧ); **убезпечення**: *Порушення правил, норм і стандартів, що стосуються убезпечення дорожнього руху* (ст. 288).

Типичной чертой названий статей УК Украины является нагромождение отглагольных существительных: **Фальсифікація виборчих документів, документів референдуму чи фальсифікація підсумків голосування, надання неправдивих**

відомостей до органів Державного реєстру виборців чи фальсифікація відомостей Державного реєстру виборців (ст. 158); *Відмова свідка від давання показань або відмова експерта чи перекладача від виконання покладених на них обов'язків* (ст. 385) и др., в т.ч. таких, которые выступают однородными членами предложения: *Незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення, пересилання чи збут наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів* (ст. 307) и др.

ВЫВОДЫ

Исследование особенностей отглагольных существительных в проанализированном материале позволяет сделать следующие выводы.

Среди существующих способов словообразования отглагольных имен существительных в русском и украинском языках наиболее продуктивными в названиях разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины выступают суффиксальный и суффиксально-префиксальный, основосложение является непродуктивным, иные способы словообразования не зафиксированы.

Построение словообразовательных моделей позволило определить, что наиболее продуктивными для образования отглагольных существительных являются суффиксы:

– в русском языке – УК РФ: **-ок-**; **-к-**; **-аниј-** (**-ениј-**); **-ациј-**; **-б-**; **-ч-**, используемые для обозначения абстрактных понятий и опредмеченных действий; **-тель-**, **-ник-**, используемые для обозначения лица как исполнителя определенного действия либо по роду занятия; **-ств-**, **-иј-**, **-ож-** (**-аж-**), используемые для обозначения слов с собирательным значением, значением отвлеченного действия, опредмеченного действия либо абстрактного понятия; **нулевая суффиксация** (сопровождается усечением глагольных суффиксов в образовательной основе);

– в украинском языке – УК Украины: **-ник**, **-ець**, **-ач**, **-атор**, **-тель**, обозначающие лицо как исполнителя определенного действия либо по роду его занятия; **-енн-**, **-нн-**, **-тт-**, **-к-**, **-ациј-**, **-ч-**, **-иціј-**, **-от-**, обозначают опредмеченное действие либо абстрактные наименования; **-ств-**(**-цтв-**), **-ок**, используемые для

придания слову значения собирательности и абстрактности; малопродуктивными являются: **-ин-**, обозначают абстрактное понятие; **-в-** – опредмеченное действие; **-тл-** – наименования конкретных предметов.

При этом, количественное суффиксальное разнообразие, преобладающее в украинском языке (в исследуемом материале), обосновано тем, что в русском языке закона более распространены и вариативны языковые средства для образования отыменных существительных.

Для образования отглагольных существительных префиксально-суффиксальным способом выступают модели:

– в русском языке - УК РФ: **у- + ОГ + суффикс; от- + ОГ + суффикс; пере- + ОГ + суффикс; при- + ОГ + суффикс.** Существительные, образованные при помощи префиксов **у-**, **от-**, **пере-** и **при-** имеют значение опредмеченного действия.

– в украинском языке - УК Украины: **у- + ОГ + нулевой суффикс; само- + ОГ + суффикс.** Существительные с приставкой **у-** обозначают абстрактные понятия, с префиксом **само-** – опредмеченное конкретным лицом действие.

В процессе анализа словообразовательных моделей и морфологической специфики отглагольных существительных на материале названий разделов, глав и статей УК РФ и УК Украины были сделаны некоторые заключения относительно упомянутой выше специфики русского и украинского языков. Например, в русском языке существительное *самоуправство* (*Самоуправство* (ст. 330 УК РФ) образовано префиксально-суффиксальным способом по модели **само- + ОСущ. + -ств-** и является отыменным, а в украинском языке *самоправство* (*Самоправство* (ст. 356 УК Украины) – отглагольное существительное, образованное таким же способом, но по модели **само- + ОГ + -ств-**, хотя при этом значение слов в обоих языках идентично.

Также следует отметить, что в современной лингвистике распространена мысль о том, что в периоды общественной стабильности процессы языкового развития размеренны, постепенны, а лингвальные модификации касаются только отдельных, незначительных участков системы: в языковой обиход входит определенное количество новых лексических единиц, формируются инновационные значения

отдельных слов, часть устаревшей лексики перестает активно функционировать, наблюдаются спорадические перемещения ее из одного стилистического разряда в другой и т. д. В данный же период политико-социальные процессы, экономическая и правовая системы находятся на этапе преобразований и изменений, связанных как с внутренними, так и с внешними факторами, что, безусловно, влияет на государственные языки, где даже самые стабильные элементы системы подвергаются трансформации, результаты которой уже затронули, вошли или позднее войдут в правовой подстиль речи и язык УК РФ и УК Украины.

Список литературы

1. Ионова, С. В. О двух моделях построения вторичных текстов [Текст] / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 69–75.
2. Мельников, Г. П. Системный подход в лингвистике [Текст] / Г. П. Мельников // Системные исследования. Ежегодник 1972. – 1973. – С. 183–204.
3. Михайлов, А. И. Письменная речь при производстве следственных действий [Текст] / А. И. Михайлов, Е. Е. Подголин. – Москва, 1980. – 94 с.
4. Прайд, О. Ю. Особенности употребления отыменных имен существительных в уголовных кодексах Российской Федерации и Украины: аналитико-сопоставительный аспект [Текст] / О. Ю. Прайд // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Филологические науки. – 2018. – Том 4 (70). – №2. – С. 137–151.
5. Прайд, О. Ю. Особенности функционирования имен существительных в названиях разделов и глав Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / О. Ю. Прайд // Развитие науки в XXI веке: Сб. статей научно-информац. центра «Знание» по материалам X междунар. заоч. научно-практич. конф. – 2016. – Ч. 2. – С. 82– 86.
6. Семина, И. А. Широкозначные имена существительные в юридическом дискурсе [Текст] / И. А. Семина // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 597. – С. 93–113.

7. Титаренко, Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола: Монография [Текст]/ Е. Я. Титаренко. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. – 368 с.

References

1. Ionova S. V. O *Dvuh Modeliah Postroeniya Vtorichnyh Tekstov* [About Two Models of Constructing Secondary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Language Studies*, 2006, no 5, pp. 69–75.
2. Mel'nikov G. P. *Sistemnyi Podhod v Lingvistike* [Systems approach in linguistics]. *Sistemnye issledovaniya. 1972 Yearbook*, 1973, pp. 183–204.
3. Mihajlov A. I., Podgolin Ye. Ye. *Pis'mennaya rech' pri Proizvodstve Sledstvennyh Deistvii* [Writing in Investigative Actions], Moscow, 1980. 94 p., pp. 34–41.
4. Pradid O. Yu. *Osobennosti Upotrebleniya Otyimennyh Imen Sushchestvitel'nyh v Ugolovnyh Kodeksah Rossijskoj Federacii i Ukrainy: Analitiko-Sopostavitel'nyi Aspekt* [Peculiarities of the use of Denominational Nouns in the Criminal Codes of Russian Federation and Ukraine: Analytical and Comparative Aspects]. *Uchenye Zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo: Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 2, pp. 137–151.
5. Pradid O. Yu. *Osobennosti Funkcionirovaniya Imen Sushchestvitel'nykh v Nazvaniyakh Razdelov i Glav Ugolovnogo Kodeksa Rossijskoj Federatsii* [Features of Functioning of Nouns in the Names of Sections and Chapters of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Razvitie Nauki v XXI veke: Sbornik Statei Nauchno-Informatsionnogo Tsentra 'Znanie' po Materialam X Mezhdunarodnoi Zaochnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii*, 2016, part. 2, pp. 82–86.
6. Semina I. A. *Shirokoznachnye Imena Sushchestvitel'nye v Yuridicheskom Diskurse* [Wide-Meaning Nouns in Juridical Discourse]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2010, no. 597, pp. 93–113.

7. Titarenko Ye. Ya. *Kategoriya Fazovosti i Vida Russkogo Glagola: Monografiya* [Category of Phase and Aspect of Russian verb: Monograph]. Simferopol': Izdatel'stvo DOLYA Publ., 2011. Pp. 12–13.

**PECULIARITIES OF THE USE OF VERBAL NOUNS IN THE CRIMINAL
CODES OF RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE: ANALYTICAL AND
COMPARATIVE ASPECTS**

O. Yu. Pradiš

The article is devoted to the study of peculiarities of functioning of verbal nouns in titles of divisions and chapters, articles of the Criminal codes of Russian Federation and Ukraine as one of the important problems of juridical linguistics. It is described the formation periods of juridical linguistics as a separate science and academic discipline in Russian Federation, Ukraine and in the world. In the article the world-formative models, according to which titles of divisions and articles of Codes are constructed, and their morphological peculiarities are analyzed in detail. Special attention is focused on the sorting out of word formation patterns, according to which verbal nouns are formed, their semantic developments in titles of divisions and chapters, articles of the Criminal codes of Russian Federation and Ukraine. The analysis of differences in word formation methods, frequency of their use in the material studied in Russian and Ukrainian languages, designated productive and unproductive word formation patterns.

Keywords: juridical linguistics, word formation pattern, suffix device, zero suffix device, device of foundation, substantivation, abbreviation, the Criminal code of Russian Federation, Criminal code of Ukraine.

УДК 81.373.45

**«МОДНЫЕ» СЛОВА НЕ В МОДЕ, ИЛИ ОБ ОСВОЕНИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА»**

Чабаненко Т. С.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: kostina-tatyana@mail.ru

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современной лингвистики – активное проникновение в русский язык и освоение в нем заимствований, среди которых преобладают англицизмы. Автор на примере лексической группы «одежда» показывает, как и когда новые слова входят в русский язык, отмечает, какими процессами это сопровождается. Доказывается, что в наше время заимствования быстрее проходят путь от проникновения в язык до закрепления в толковых словарях. Этому способствуют многочисленные письменные фиксации и достаточно частое обновление словарей. Отмечено, что закрепление в словаре новых лексем и новых семем у уже существующих слов происходит с разной скоростью. Особое внимание уделено освоению заимствований носителями языка. Для получения достоверной информации сопоставлены данные различных источников, а также проведено анкетирование. Результаты исследования позволяют утверждать, что в наше время отнюдь не всегда фиксация или не фиксация новой лексемы в словаре свидетельствует о ее реальном освоении говорящими на русском языке. А нынешний уровень освоения заимствованных наименований одежды может рассматриваться как благоприятное условие для подбора русских аналогов иноязычным названиям.

Ключевые слова: заимствование, англицизмы, лексема, одежда, носитель языка.

ВВЕДЕНИЕ

Тема заимствований – одна из давно исследуемых в лингвистике. Интерес к ней повышается всегда, когда язык переживает эпоху активного пополнения за счет иноязычных слов. Происходит это обычно в периоды бурных социальных, экономических, политических, научно-технических перемен. Процесс глобализации и повсеместного распространения западной культуры, бурное развитие научно-технического прогресса, в котором передовые позиции опять-таки занимают западные страны, последние несколько десятилетий двигают поток заимствований в различные языки. Поэтому не удивительно, что проблема иноязычной лексики привлекает внимание ведущих лингвистов разных стран, в том числе и русских. Среди них Ю. Д. Апресян, Э. Ф. Володарская, В. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Х. Пфандль и др.

Заимствование на современном этапе имеет несколько отличительных черт. В первую очередь, это, по сути, один источник иноязычной лексики – английский язык, обычно в его американском варианте. Количество новых англицизмов велико, точнее сказать, огромно: В. А. Козырев указывает, что за 15 лет в русский язык вошло около 30 тысяч слов [6, с. 54]. Не удивительно, что приток заимствований сравнивают с потоком, наводнением и т. п.: «Современный русский язык буквально наводнен словами английского происхождения» [4, с. 45]. Наиболее активно пополняются семантические группы, связанные с компьютерной техникой, бизнесом, экономикой и менеджментом [3, с. 102]. Еще одна особенность заимствования в последние десятилетия заключается в том, что множество англицизмов проникает в разные языки, т. е. с одинаковым явлением сталкиваются в одно и то же время в различных странах. Растут и темпы освоения новой лексики. Слова, совсем, кажется, недавно пришедшие в русский язык (*смартфон, селфи, гироскутер, блэкаут, брексит, флешмоб* и др.), активно используются людьми разных профессий и возраста, звучат с телеэкранов, входят в словари. Быстрому вхождению нового слова в язык, в том числе приспособлению к его грамматической системе, способствует широкий доступ к информации: «Интернет, электронные издания, социальные сети за очень короткий срок превращают чужое, непривычное для русского языка слово в знакомое» [17, с. 3].

Заимствование – естественный процесс, он помогает обогащать словарный состав языка, избегать многозначности, уточнять и детализировать понятия, заменять двучленные или многочленные понятия одночленными и т. д. В то же время стремительный рост иноязычных слов в языке может приводить к проблемам. В. Г. Костомарову заимствования конца XX века «напоминают опухоль в словарном организме, который не успевает создавать им противоядие или перерабатывать их» [7, с. 64]. Ю. Д. Апресян говорит о появлении безобразного феномена американизированного молодежного сленга, о том, что взаимодействие русской и мировой культуры «приобрело уродливую форму копирования или калькирования» [13, с. 52]. М. А. Кронгауз в принципе не против заимствований, но хочет, чтобы русский язык успевал их освоить [8]. Как отмечает В. А. Козырев, «уровень

освоенности заимствований, большинство из которых достаточно часто используются не только в публицистике и научном стиле, но и в обиходной речи, невысок. Во многих случаях наблюдается приблизительное знание значения слова, при котором усвоены лишь некоторые компоненты значения или только часть семантической структуры многозначного слова» [6, с. 58]. В то же время семантическое освоение иноязычного слова, т. е. «определенность значения, дифференциация значений и их оттенков между существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом» [9, с. 44] относят к важным признакам ассимиляции чужого слова в языке.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Цель данной работы – определить уровень освоения заимствований на примере семантической группы «одежда». Эти названия не так часто мелькают в новостных лентах, зато регулярно встречаются на полках магазинов одежды, в модных журналах. Недаром Н. И. Клушина в статье «Обогащение языка или наполнение лексикона?» отмечает, что нам необходимы названия как новых технологий, так и одежды: «Конечно, мы не можем обойтись без модных свитшотов, селфи и смартфонов» [5, с. 67]. И действительно, свитшот, пожалуй, найдется в гардеробе почти каждого, будь то мужчина или женщина. Но знают ли об этом те, кто свитшот носит?

Объектом исследования выступили заимствованные слова, **предметом** – заимствованные названия женской одежды.

В современном мире приобрести ту или иную вещь можно не только в магазине или на рынке. Все большие темпы набирает торговля через Интернет, где вещи группируются именно по своему названию. Поэтому картотеку для исследования мы формировали, изучив популярные сайты по продаже одежды. В наш словарь вошли 27 лексем: *анорак, бермуды, блейзер, боди, бойфренды, бомбер, бриджи, джеггенсы, джемпер, капри, кардиган, кигуруми, кейп, кроп-топ, кюлоты, леггинсы, лонгслив, парка, пуловер, свитшот, тайтсы, твинсет, тренкот, туника, поло, худи, чинос.*

Они различаются происхождением, периодом вхождения в русский язык, степенью освоения.

С точки зрения **происхождения** большинство слов, как ожидалось, пришло из английского языка. Исключение составляют: *анорак* (данные о происхождении разнятся, в качестве языка-первоисточника указывается эскимосский [10], далее – через французский [10] или английский [2]; на сайтах, посвященных моде, также предлагают вариант заимствования из гренландского); *бермуды* (из немецкого через французский язык); *кигуруми* (японский язык); *кюлоты* (французский язык); *парка* (ненецкий язык); *туника* (латынь). Отметим, что все эти лексемы, за исключением *кигуруми*, появились в русском языке ранее XX века.

Изучение **истории распространения** тех или иных видов одежды позволило сделать несколько наблюдений. Во-первых, некоторые наименования за время существования в русском языке стали обозначать одежду, совсем не похожую на первоисточник. Например, *кюлоты* ранее «дворянская одежда: мужские штаны длиной до колена, поверх которых носили буфоны, превратившиеся в валики у бедер» [1, с. 228]. Сейчас кюлотами принято называть «короткие узкие брюки до икр» [17, с. 225]. Как видим, лексическое значение подверглось трансформации, а звуковая оболочка сохранилась. Во-вторых, большинство исследуемых видов одежды появилось достаточно давно, в XIX – XX веке (*бермуды*, *боди*, *лонгслив*, *кардиган*, *пуловер*, *свитшот* и др.), а некоторые и раньше (*бриджи* – XVII в., *кюлоты* – XVI в., *туника* – IV в.). Лишь немногие наименования (например, *джеггинсы*, *кигуруми*, *кноп-топы*) возникли в конце XX или в начале XXI века. Целый ряд модных ныне моделей появился как спецодежда военных (*бермуды*, *бомбер*, *тренкот*, *чинос* и др.) или спортсменов (*блейзер*, *джерпер*, *поло*, *свитшот* и др.), а затем уже получил всеобщую распространенность, следовательно, стал заимствоваться из языка-первоисточника в другие языки. Иными словами, период появления новой одежды и время заимствования ее названия в другие языки могут как быть близкими (что чаще касается совсем новых наименований), так и существенно различаться.

Вхождение лексемы в русский язык можно определить по его употреблению в разговорной речи, в письменных источниках и, конечно, по закреплению в словарях.

Отметим, что ряд наименований уже не менее века используется в русском языке, о чем говорит фиксация таких слов, как *джерсер*, *пуловер*, *туника* (последнее, правда, как одежда древних римлян), уже в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова. На словарной дефиниции туники отразилась, видимо, история ее распространения. В Европе туника входила в моду в период расцвета стиля ампир, во второй половине XVIII в. Эти слова можно встретить и в словарях начала XIX в. Так, у А. Д. Михельсона в словаре «Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» 1861 г. читаем: туника – «теперь короткая юбка у женского платья, покрывающая другую, длинную юбку» [11, с. 345]. А в «Новом полном словаре иностранных слов, вошедших в русский язык» 1912 г. Е. Ефремова под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ отмечается, что туника – это «свободное длинное нижнее платье у женщин без рукавов» [12, с. 500]. В XIX в. и в первой половине XX в. туника была забыта модницами, и только в конце XX в. снова стала популярной. Л. В. Орленко в «Терминологическом словаре одежды» 1997 г. пишет, что сегодня эта одежда в моде и представляет собой «нечто среднее между платьем и блузой: для платья она коротка, для блузки – слишком длинна» [15]. Таким образом, с одной стороны, *туника* – слово, давно известное русскому языку, с другой стороны, в последние годы у него сформировалось новое лексическое значение.

Подобная история и у существительного *парка*. Сама лексема вошла в русский язык достаточно давно: она фиксировалась и в «Толковом словаре живого великоросского языка» В. И. Даля, и в «Малом академическом словаре», но только как зимняя одежда народов Сибири. Эта одежда стала прародительницей современной теплой удлиненной куртки с несъемным капюшоном, пережившей пик популярности в Европе в 70-80-х гг. XX в. и вновь возвратившейся в моду в конце 90-х гг. В «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева 2000 г. издания слова *парка* нет, а в издании 2006 г. находим такое толкование: «стеганая утепленная удлиненная куртка с капюшоном, обычно с верхом из плотной водоотталкивающей ткани» [15]. Таким образом, можем говорить о том, что новое лексическое значение существительного *парка* недавно вошло в русский язык.

Более полувека известны русскому языку *бриджи*. Встречаем эту лексему в Малом академическом словаре, в «Словаре иностранных слов» под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (1949 г.) и в других, более поздних изданиях.

Ряд лексем вошел в словари в конце XX в. *Анорак, бермуды, блейзер, кардиган, легинсы* находим в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (1999 г.); *капри* – в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (2000 г.). Отметим, что в употреблении некоторые из этих слов появились еще в советскую эпоху. Говоря о *блейзере*, невозможно не вспомнить модницу Верочку из «Служебного романа», вышедшего на экраны в 1977 г. *Анорак* встречаем у В. Аксенова в книге «Остров Крым» и в других произведениях. На рубеже 80-х – 90-х гг. входят в употребление *бермуды, кардиган: Такие брюки называются «бермуды», такая майка называется «олимпийка», сумка тоже как-то называется...* (Л. Матвеева, «Продленка», 1987 г.); *Чисто вымытое лицо, почти без косметики. Шифоновая блузка. Белая. И кардиган с пуговицами* (И. Бродский, «Коллекционный экземпляр», 1991 г.).

С середины 90-х гг. в национальном корпусе русского языка (НКРЯ) фиксируется слово *леггинсы*: *Сотрудницу министерства Андрееву, жизнерадостную толстушку в обтягивающих леггинсах и длинном свитере, они отловили уже вечером, приехав к ней домой* (А. Маринина, «За все надо платить», 1995 г.). И в словарях, и в национальном корпусе заметны колебания в написании слова: *легинсы* или *леггинсы*. Энциклопедия и словарь моды, словари иностранных слов предлагают вариант *леггинсы*, а толковые словари С. А. Кузнецова и Т. Ф. Ефремовой – *легинсы*. В книге «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой 2011 г. оба варианта указаны как равнозначные. В НКРЯ и в других интернет-источниках чаще встречаем написание *леггинсы*. Таким образом, отмечаются колебания в правописании нового слова.

Не встретился в толковых словарях, однако есть в «Терминологическом словаре одежды» Л. В. Орленко 1996 г. и в «Энциклопедии моды» Р. П. Андреевой 1997 г. *тренчкот* – плащ или пальто с отложным воротником, поясом и разрезом сзади, напоминающий шинель. Был знаком тренчкот и В. Аксенову: *Появился и сам*

комментатор. *Тренчкот* с поднятым воротником, федора с опущенными полями (В. Аксенов, «Остров Крым», 1977–1979 г.). В Интернете первые единичные примеры употребления слова *тренчкот* на сервисе «Яндекс.Новости» относятся к 1993–1994 гг.: *Блестящие пластиковые плащи часто имеют традиционную форму тренчкота с двубортной застежкой, накладными карманами и широкими лацканами* (www.kommersant.ru, 1994 г.). Чаще *тренчкот* встречается, начиная с 2000-х гг.

В «Энциклопедии моды» Р. П. Андреевой 1997 г. впервые встречаем и новое лексическое значение слова *боди*: «современный силуэт или фасон одежды, подчеркивающий фигуру» [1, с. 108]. Позже в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой 2011 г. снова видим, что *боди* в современном русском языке называет не только нижнее белье: «Цельнокроенное изделие (напоминающее купальник или гимнастический костюм) с застежкой снизу, верхняя часть которого выполняется в виде трикотажной кофточки, блузки, майки, футболки и т.п.» [16, с. 52]. Примеры употребления этой семемы можем найти еще в 90-е гг., но они редки. В национальном корпусе *боди* встречается, начиная с 2001 г.: *Она-то полагала, что боди и джинсы – вполне подходящее одеяние для поездки за город в прокуратуру* (Е. Козырева, «Дамская охота», 2001 г.).

Ряд заимствований начал употребляться в 2000-ых гг. и поэтому совсем недавно попал в словари. *Бомбер, джеггинсы, кейп, кюлоты, свитшот и тайтсы* находим в «Словаре новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой 2017 г., *бомбер* ранее также зафиксирован в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова 2002 г. Относительно лексемы *кюлоты* следует указать, что мы имеем в виду ее новое лексическое значение (см. выше).

О периоде вхождения в русский язык таких слов, как *бойфренд, кигуруми, кроп-топы, лонгслив, поло, твинсет, худи, чинос* судить по словарям мы не можем, так как ни один исследованный нами словарь эти слова не описывает. Поэтому мы опирались на данные НКРЯ и сервиса «Яндекс.Новости». Замечено, что регулярное употребление этих существительных наблюдается лишь в 2000-ых. Ранее единичные примеры мы нашли только для *поло, твинсет*: **ПОЛО** – спортивная рубашка, мягкая

и легкая, с мягким воротником и застежкой до середины груди, чаще с короткими рукавами («Работница», 1988 г.); Однако **твинсет** может быть и совершенно традиционной формы и в этом случае это незаменимая форма одежды для деловых женщин (www.kommersant.ru, 1994 г.).

Слова **бойфренд**, **кигуруми**, **кроп-топ**, **лонгслив**, **худи** фиксируются на протяжении последнего десятилетия: ... есть ряд абсолютно спокойных универсальных вещей: добротные рубахи под запонки (а запонки у Kilgour забавные) из тончайшего хлопка, непритязательные майки и **лонгсливы**, а также приятные и невычурные аксессуары (dni.ru, 2008 г.); Джинсы «**бойфренд**» представили еще во время весенне-летней коллекции 2009 от DKNY, а теперь они будут выпускаться как продукт совместной разработки Levis и DKNY (www.cosmo.ru, 2009 г.); На прошлой неделе начал работу интернет-магазин «**Кигуруми**» (kigurumi.ru), занимающийся продажей полноразмерных японских пижам-костюмов животных и мультяшных героев (news.ngs.ru, 2010 г.); Лаконичность геометричной одежды из летней коллекции Leonid Alexeev (шорты, **худи**, футболки, куртки, топы, **кроп-топы**) обманчива: за чистотой форм скрывается крой, формирующий тело, выстраивающий его пропорции, расставляющий правильные акценты и подчеркивающий естественные формы (www.fashiontime.ru, 2011 г.). К этой группе примыкает лексема **чинос**, которая начинает регулярно встречаться лишь после 2010 г., до этого примеры единичны. Из этого ряда только **лонгсливы**, **худи** и **чинос** получили широкое распространение в мировой моде (но, очевидно, не в российской) еще во второй половине XX века.

Сведем полученные данные в таблице 1:

Таблица 1

Вхождение в русский язык заимствованных наименований женской одежды

Период	Слова		
	В словарях	В НКРЯ	В Интернет-источниках
До Великой Отечественной войны	джерпер пуловер	—	—

«МОДНЫЕ» СЛОВА НЕ В МОДЕ, ИЛИ ОБ ОСВОЕНИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ...

После Великой Отечественной войны – до конца 80-х гг.	бриджи	анорак* бермуды* блейзер	—
С конца 80-х гг. до начала 2000-ых	анорак бермуды блейзер боди** кардиган леггинсы тренчкот туника**	поло*	боди* капри* поло* твинсет* тренчкот*
С начала 2000-ых годов	бомбер джеггинсы капри кейп кюлоты** парка** свитшот тайтсы	боди поло твинсет* чинос	боди бойфренд кигуруми кроп-топ лонгслив поло твинсет тренчкот худи чинос

Как видим, большая часть исследуемых лексем рано или поздно была зафиксирована в словарях. Отметим, что слово *тренчкот* замечено нами только в специализированных изданиях (словарь моды, энциклопедия моды). Слова *боди*, *кюлоты*, *туника*, *парка* (отмечены двумя звездочками) мы вносили в таблицу не в соответствии с тем, когда они сами попали в словарь, а в соответствии с тем, когда стали фиксироваться исследуемые лексические значения. То же можно сказать о лексеме *поло*, которую мы рассматривали как наименование одежды, а не игры.

Если лексема уже достаточно давно вошла в словари и (или) ее появление в национальном корпусе, в Интернете приходится на тот же период, в других ячейках она больше не отмечалась. Если же вхождение того или иного слова в русский язык определялось на основании данных национального корпуса и поисковых сервисов, мы отражали лексемы сразу в двух колонках. Одна звездочка у некоторых слов (*анорак*, *капри*, *поло* и др.) говорит о том, что в этот период употребление их редко. Без пометок эти же слова встречаем в другом ряду.

Исходя из наблюдений, представленных в таблице, можно сделать вывод, что период активного употребления и словарной фиксации той или иной новой лексемы достаточно близки, особенно в наше время. Поэтому вскоре можем ожидать появления в словарях таких слов, как *бойфренд*, *кигуруми*, *кроп-топ*, *лонгслив*, *твинсет*, *худи*, *чинос*, если, конечно, эти вещи не выйдут из моды. С точки зрения словарной фиксации особенно интересны те лексемы, которые уже существуют в словаре, но развивают новые значения: *боди*, *кюлоты*, *парка*, *поло*, *туника*. Новые семемы попадают в словарь не так быстро, как новые лексемы. Так, *поло* как разновидность одежды употребляется уже несколько десятилетий, но это до сих пор не нашло отражения в словарях, в отличие от других, новых слов, которые не так давно пришли в русский язык и уже закрепились в словарях (*джеггинсы*, *капри*, *свитиот*).

Степень освоения в русском языке

Как известно, заимствованное слово проникает в язык не в одночасье, оно долго или быстро движется по определенному пути, преодолевая некие этапы. Л. П. Крысин называет пять таких стадий укоренения заимствованной лексемы в языке:

1. Употребление иноязычного слова в тексте в качестве вкрапления, т. е. в его исконной орфографической и грамматической форме.

2. Транслитерация или транскрипция, отнесение к определенной части речи, с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением. На данном этапе слово в тексте может сопровождаться кавычками, оговорками, комментариями. Это указывает на то, что лексема воспринимается говорящими как чужая или, во всяком случае, не вполне привычная.

3. Слово начинает употребляться «на равных» с другими словами родного языка, теряет сопровождающие сигналы, но может сохранять в употреблении жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности, например, характеризует речевую практику лишь некоторых социальных групп и т. д.

4. Возможный, но не обязательный этап – утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей. На этом этапе также происходит стабилизация лексического значения, т. е. окончательно формируется семантика слова.

5. Регистрация слова в толковом словаре – знаменательное событие, указывающее на то, что лексема признаётся принадлежащей лексико-семантической системе данного языка [9, с. 37–44].

Многие слова из нашей картотеки достигли завершающего этапа освоения – были зарегистрированы в толковых словарях. К таковым относятся 11 лексем из 27 (40%): *анорак, бермуды, блейзер, боди, бриджи, джемпер, капри, кардиган, леггинсы, парка, пуловер*. Так как особым видом толковых словарей являются словари иностранных слов, к словам, которые признаны принадлежащими лексико-семантической системе русского языка, следует отнести также *бомбер, джеггинсы, кейп, свитшот, тайтсы*. То есть образуется группа из 16 укоренившихся в русском языке лексем, она составляет большинство анализируемой картотеки, а именно 59%.

Еще несколько слов зафиксировано не в лингвистических словарях, а в специализированных – в словарях моды: *кюлоты, тренкот, туника* (11% от исследованных единиц). В этой группе наибольшее удивление вызывает, пожалуй, *туника*, широко распространенная уже более десяти лет, но в толковых словарях новое лексическое значение до сих пор не нашло отражения. Так как эти лексемы зафиксированы не в лингвистических словарях, утверждать о достижении ими финальной стадии освоения, строго говоря, рано, но можем предполагать, что вскоре это может произойти.

Такие слова, как *бойфренды, кигуруми, кроп-топы, лонгслив, поло, твинсет, худи, чинос* (30% объема картотеки), как упоминалось выше, в словарях нами обнаружены не были. Если анализировать употребление этих лексем в последние два-три года, можем сказать, что оговорками и комментариями они сопровождаются крайне редко. Дольше других употребляется в кавычках (правда, все реже и реже) слово *бойфренд*: *Впрочем, элегантности такая обувь добавит даже потрепанным и рваным джинсам «бойфренда»* (lady.mail.ru, 2013 г.); *Для прогулки она выбрала*

довольно стильный образ: рваные джинсы «бойфренда», черную футболку и шлепанцы с мехом (www.ok-magazine.ru, 2018 г.). Таким образом, представляется, что второй этап освоения этими лексемами в целом пройден. Так как исследуемые понятия широко используются в СМИ, ориентированных на самую широкую аудиторию, кажется, что жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности в их употреблении отсутствуют. Лексическое значение представляется весьма стабильным, по крайней мере, на разных специализированных сайтах, посвященных моде, трактовка той или иной разновидности одежды в целом совпадает.

В то же время считаем необходимым проверить, действительно ли носители языка так хорошо знают заимствованные наименования женской одежды, что их можно без комментариев включать в тексты, ориентированные на широкую, специально не подготовленную аудиторию, а главное, считать эти слова почти освоенными в языке. С целью такой проверки было проведено анкетирование, в котором с помощью различных вопросов мы попытались определить, насколько хорошо носители русского языка знают наименования женской одежды, причем как совсем новые, так и уже достаточно давно закрепившиеся в словарях.

Респондентам (участникам социальной сети ВКонтакте) было предложено 20 вопросов. Среди отвечающих подавляющее большинство составляли женщины (95,5 %) в возрасте от 16 до 46 лет. Опрошенные – люди различного уровня образования, разных профессий. 91,0% отвечающих не связан со сферой моды напрямую, т. е. по работе или учебе; 46,3% не следит за новинками моды и еще столько же следит за ними время от времени. Но, конечно, всех этих людей объединяет то, что они покупают и носят одежду.

Самыми простыми для отвечающих оказались те вопросы, в которых среди представленных фотографий надо было найти определенную одежду: *парку*, *боди*, *худи*. *Парку* и *боди* смогло определить подавляющее большинство респондентов: 89,6% и 91,0% соответственно. *Худи* правильно указало также большинство, но более скромное – 61,2%; здесь же самый высокий из этих вопросов процент затруднившихся ответить – 23,9%. Видимо, в этом случае дает знать о себе разница в

периоде вхождения лексемы в язык, а также тот факт, что одежду наподобие худи мы привыкли называть толстовкой с капюшоном.

Несколько более сложными оказались следующие два вопроса: «Какое из слов (твинсет, чинос, бомбер) называет разновидность брюк?»; «Скинни, слимы, бойфренды – это виды силуэта (рубашек; свитеров; брюк; джинсов)». Более половины респондентов правильно ответило на эти вопросы (55,2% для каждого), но в то же время немало отвечающих затруднилось с ответом (34,3% и 23,9% соответственно). На оба вопроса правильно ответили только 38,8% отвечающих. Вероятно, не такой высокий процент точных ответов связан с тем, что представленные в вопросах лексемы вошли в языке совсем недавно и, за исключением *бомбера*, не закреплены в словарях. Кроме того, все эти слова называют разновидность вещи, а обыватель может пользоваться групповым наименованием *брюки (штаны) и джинсы*.

Другие вопросы предполагали возможность выбора сразу нескольких вариантов ответа. Так, в трех из них респондентов просили, опираясь на картинки, ответить, в каком случае вид одежды назван неверно. В первом случае были даны слова *блейзер, туника, кардиган, пуловер*; во втором – *бриджи, капри, бермуды, леггинсы*; в третьем – *свитшот, лонгслив, твинсет, поло*. Как видим, именно в последнюю группу вошли лексемы, не зафиксированные в словарях или зафиксированные позже других. В первой же группе, наоборот, находятся слова, уже давно используемые в русском языке. Правильно на каждый вопрос ответило менее половины респондентов: 19,4%, 40,3%, 32,8% соответственно. С тремя же вопросами сразу справились менее 10% отвечающих, причем это люди, чья жизнь со сферой моды не связана напрямую. Мы видим, что вопросы с множественным выбором ответа вызвали существенные затруднения у респондентов. Значительно ниже количество людей, правильно ответивших на вопрос о *блейзере, тунике, кардигане, пуловере*, чем тех, кто не справился со вторым или третьим заданием из этой группы. Таким образом, давнее закрепление лексемы в словаре не обязательно свидетельствует о том, что носители языка хорошо знакомы с ней. Чаще респонденты не замечали, что неверно указан пуловер (вместо него на фото свитер), а вот подмену блейзера (разновидности

пиджака) джемпером отметило большинство: 62,7% всех опрошенных (или 53,7% из тех, кто не дал правильного ответа). Как видим, в деталях схожих по назначению видов одежды респонденты разбираются плохо.

Следующие два вопроса только подтвердили этот вывод. Они были ориентированы на то, чтобы узнать, видят ли разницу респонденты между схожими видами одежды: свитером, джемпером, свитшотом. При этом слово *джермпер* давно закреплено в языке, а *свитишот* – нет. Вариантов ответа также могло быть несколько. Как мы и предполагали, указать разницу между свитером и джемпером оказалось проще, чем между свитером и свитшотом: ответивших правильно на последний вопрос было в два раза меньше. Но и на первый вопрос (о разнице между свитером и джемпером) ответили правильно лишь 19,4% опрошенных. А с двумя вопросами сразу справился только один человек. Все это еще раз говорит о том, что в деталях, отличающих схожие виды одежды, носители языка разбираются слабо, т. е. усваивают лексическое значение частично.

В завершении анкетирования мы задали вопрос, встречались ли в процессе заполнения анкеты ранее неизвестные респондентам наименования, и попросили назвать таковые. Только 7,5% ответивших указали, что все слова им знакомы; более половины опрошенных (64,2%) призналось, что часто или время от времени неизвестные названия они встречали. Среди незнакомых понятий чаще всего указывали *твинсет* и *худи*, также в число неизвестных многим вошли *бермуды*, *чинос* и *блейзер*. Причем среди людей, правильно указавших на неверный рисунок блейзера, 9,3% назвали это слово как незнакомое; а с твинсетом аналогично поступили сразу 33,3% (некоторые респонденты прокомментировали, что догадывались по буквальному переводу с английского). Таким образом, не все правильные ответы получены именно потому, что носители языка знают значение слова или даже само слово. А значит, степень распространения и освоения исследуемых лексем даже ниже, чем первоначально представляется по результатам опроса.

Также в ходе анкетирования мы поинтересовались у носителей языка, как они относятся к такому обилию заимствованных наименований одежды. Лишь 4,5% респондентов их одобряют. А вот 20,9% считают, что они не нужны, так как путают

потребителей; примерно столько же полагают, что место подобных лексем среди узкоспециализированных терминов. Почти 18% опрошенных хотели бы видеть русские названия вместо заимствованных, т. е. заинтересованы в регулировке количества иноязычных наименований в сфере одежды.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. В наше время остается активным процесс заимствования русским языком новых наименований, в основном из английского языка. Лексическая группа *одежда* пополняется не только из-за возникновения новых видов одежды, но и за счет распространения в России вещей, уже определенное время модных в других странах. Источником заимствований также выступает в основном английский язык.

2. Новые слова, проникающие в русский язык в последние несколько десятилетий, достаточно быстро получают графический образ в русском языке, морфологическое оформление, попадают в словари. Этому способствуют многочисленные письменные фиксации, в том числе в Интернете, а также то, что новые словари выходят и обновляются сейчас довольно часто, как в печатном, так и в электронном виде. Поэтому вариативность в написании встречается редко, а лексическое значение стабильно.

3. Словарная фиксация считается завершающим этапом освоения иноязычного слова, знаменательным событием, свидетельствующим о том, что лексема, проникнувшая в русский язык, уже достаточно хорошо известна носителям языка. Однако в отношении лексической группы *одежда* мы видим, что даже слова, уже более десяти лет назад вошедшие в словари, остаются зачастую неизвестными или малознакомыми носителям русского языка, в том числе молодому поколению, которое обычно активнее других пополняет свой словарный запас новыми словами. Разбираться в том, что на тебе надето, очевидно, не так престижно, как в компьютерных и мобильных технологиях, в последних моделях айфонов и айпадов, тачскринах, мессенджерах, хештегах, лайфхаках и т. д. Джеггинсы, свитшоты, худи и чинос намного реже упоминаются в выпусках новостей, чем биткоины, брексит,

дискаунтеры и лоукостеры, троллинг, флешмобы и т. д. Отсюда не просто приблизительное знание значений иноязычных названий одежды, а и вовсе незнание таких слов. Это ставит под сомнение факт полноценного освоения исследуемых англицизмов в лексико-семантической системе русского языка, несмотря на словарное закрепление многих из них.

4. Отдельного внимания лексикографов заслуживает словарная фиксация новых лексических значений уже заимствованных слов. Как показало исследование, новые семемы проникают в словари значительно медленнее, чем новые слова, и это никак не связано с частотой их употребления.

5. В целом, в исследуемой лексической группе заимствования, которые называют те или иные разновидности схожей по назначению одежды (а таких большинство), достаточно мало востребованы у носителей языка. Это является благоприятным условием для проведения целенаправленной языковой политики, направленной на создание равноценной замены иноязычным словам.

Список литературы

1. Андреева Р. П. Энциклопедия моды. – СПб.: Издательство «Литера», 1997. – 416 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
3. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
4. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 38–53.
5. Клушина Н. И. Обогащение языка или наполнение лексикона? // Русская речь. – 2016. – № 6. – С. 65–68.
6. Козырев В. А., Черняк В. Д. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи // Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3. – С. 54–59.

7. Костомаров В. Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 2. – С. 58–64.
8. Кронгауз М. А. Записки рассерженного обывателя // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 8–17.
9. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2000. – 856 с.
11. Михельсон А. Д. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. – М., 1861. – 400 с.
12. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык: с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / Составил по русским и иностранным источникам Е. Ефремов; под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. – Изд. 2-е. – М.: Издательство А. А. Левенсон, 1912. – 605 с.
13. О состоянии русского языка (материалы почтовой дискуссии) // Русская речь. – 1992. – № 2. – С. 48–56.
14. Пфандль Х. О силе и бессилии пуризма. Англицизмы и интернационализмы и их возможные альтернативы (на материале русского, словенского и хорватского языков) // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С.108–122.
15. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
16. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.
17. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. – 576 с.

References

1. Andreeva R. P. *Entsiklopediya Mody* [The Encyclopedia of Vogue]. St. Petersburg: Litera Publ., 1997. 416 p.

2. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Big Explanatory Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. 1536 p.
3. Volodarskaya E. F. *Zaimstvovanie kak Otrazhenie Russko-angliiskikh Kontaktov* [Borrowing as Reflection of Russian-English Contacts]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2002, no 4, pp. 96–118.
4. Dobroslonskaya T. G. *Rol' SMI v Dinamike Yazykovykh Protsessov* [The Role of Media in the Dynamics of Language Processes]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 19. Lingvistika i Mezhdul'turnaya Kommunikatsiya*, 2005, no 3, pp. 38–53.
5. Klushina N. I. *Obogashchenie Yazyka ili Napolnenie Leksikona?* [The Enrichment of the Language or the Content of the Lexicon?]. *Russkaya Rech'*, 2016, no 6, pp. 65–68.
6. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Svoe i Chuzhoe: Zaimstvovannoe Slovo v Sovremennoi Rechi* [Domestic and Foreign: Borrowed Word in Modern Speech]. *Vestnik Gertsenovskogo Universiteta*, 2007, no 3, pp. 54–59.
7. Kostomarov V. G. *Russkii Yazyk v Inoyazychnom Potope* [Russian Language in a Foreign Language Flood]. *Russkii Yazyk za Rubezhom*, 1993, no 2, pp. 58–64.
8. Krongauz M. A. *Zapiski Rasserzhenного Obyvatelya* [Angry Everyman's Notes]. *Otechestvennye Zapiski*, 2005, no 2, pp. 8–17.
9. Krysin L. P. *Russkoe Slovo, Svoe i Chuzhoe: Issledovaniya po Sovremennomu Russkomu Yazyku i Sotsiolingvistike* [The Russian Word, Domestic and Foreign: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 888 p.
10. Krysin L. P. *Tolkovyi Slovar' Inoyazychnykh Slovo* [Explanatory Dictionary of Loan Words]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 2000. 856 p.
11. Mikhel'son A. D. *Ob'yasnenie 7000 Inostrannykh Slovo, Voshedshikh v Upotreblenie v Russkii Yazyk* [Explanation of 7000 Foreign Words Used in the Russian Language]. Moscow, 1861. 400 p.
12. Efremov E. *Novyi Polnyi Slovar' Inostrannykh Slovo, Voshedshikh v Russkii Yazyk* [New Full Dictionary of Loan Words Included in the Russian Language]. Moscow: A. A. Levenson Publ., 1912. 605 p.

13. *Sostoyanii Russkogo Yazyka (Materialy Pochtovoi Diskussii)* [On the state of the Russian Language (Materials of the Postal Discussion)]. *Russkaya Rech'*, 1992, no 2, pp. 48–56.
14. Pfandl' Kh. *O Sile i Bessilii Purizma. Anglitsizmy i Internatsionalizmy i Ikh Vozmozhnye Al'ternativy (na Materiale Russkogo, Slovenskogo i Khorvatskogo Yazykov)* [The Power and Impotence of Purism. Anglicisms and Internationalisms and Their Possible Alternatives (on the Material of Russian, Slovenian and Croatian Languages)]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2003, no 6, pp.108–122.
15. *Slovary i Entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and Encyclopedias on the Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/>
16. Shagalova E. N. *Samyi Noveishii Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka XXI Veka* [The Newest Explanatory Dictionary of the Russian Language of the XXI Century]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2011, 413 p.
17. Shagalova E. N. *Slovar' Noveishikh Inostrannykh Slov* [The Newest Dictionary of Loan Words]. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 576 p.

**“FASHION” WORD IS NOT IN VOGUE, OR ABOUT THE ADOPTION OF
LOAN WORD OF LEXICAL GROUP “CLOTHES”**

Chabanenko T. S.

The article examines a vital problem of modern linguistics – active penetration and assimilation of loan words, mostly Anglicisms, in Russian language. On the example of the lexical group ‘clothes’ it is shown how and when new words appear in Russian. It is proved that nowadays loan words get to the explanatory dictionaries faster. Numerous written fixations and fast advancement of dictionaries contribute to it. It is pointed out that fixation in the dictionary of new lexemes and new sememes of existing words occur with different speed. The article focuses on adoption of the loan words by native speakers. Data from various sources were compared, and a survey was conducted to obtain reliable information. The results of the study allow to conclude that nowadays fixation or not fixation of a new lexeme in the dictionary not always indicates its real adoption by Russian speakers. The current level of adoption of borrowed clothing items can be considered a favorable condition for the selection of Russian analogues of foreign word.

Keywords: loan word, Anglicism, lexeme, clothes, native speaker.

УДК 81'364.001.76:811.161.1'373.43.(477.75)

**КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)**

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: simgt@inbox.ru

Разговорная устная речь жителей Крыма исследуется как область реализации творческой грамматики. Анализ речевых фактов выявил морфологические инновации, иллюстрирующие креативный потенциал грамматической категории степеней сравнения.

Креативный потенциал категории степеней сравнения выявляется на основе сравнительных форм с нестандартной лексической базой. Анализируется контекстуальная семантика ненормативных форм сравнительной и превосходной степени, выявляется их коммуникативная направленность. Устанавливается, что самые яркие окказиональные единицы создаются от грамматически неизменяемого класса слов. Автор приходит к выводу, что использование в спонтанной речи морфологической категории степеней сравнения как творческой связано прежде всего с потребностью адресанта конкретизировать мысль, передать её более точно, адекватно, мобильно и экспрессивно.

Представленные в статье языковые факты отражают активные тенденции в русском языке начала XXI века и выявляют динамику современного языкового сознания, которая выражается в творческом использовании говорящим не только лексических и словообразовательных, но и грамматических ресурсов языка. В условиях непринуждённого устного общения они становятся эффективным средством создания прагматического потенциала речевого высказывания, обеспечивают его коммуникативный успех.

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическая форма, нестандартная словоформа, формы степеней сравнения, креативный потенциал грамматической категории, устная спонтанная речь, речевое высказывание, коммуникативный замысел.

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи современной речи, в частности А. Б. Бушуев, характеризуя состояние социума XXI века, отмечают свойственный ему «цивилизационный слом, грандиозную социальную мобильность, социальную динамику, расширение объёма информации, на который *volens nolens* отвечает человеческое сознание» [2, с. 3], и, как следствие, современное состояние языка. Его безудержная либерализация, нарушения и разрушения запретов и норм, возникновение новых стилистических стандартов в новых медиа, по наблюдениям профессора В. А. Курдюмова,

изменяют соотношение литературной и разговорной составляющей: становится значительно меньше людей, владеющих и способных поддерживать владение литературным языком, чем просто говорящих «естественно» [6, с. 34]. Естественность, раскрепощённость, индивидуализация современной речи отражается в различных формах экспериментирования с языком, которое выявляет личное, творческое начало говорящего. Свобода речевого поведения, свойственная широкому спектру типов и жанров современной русской речи, проявляется сегодня не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. М. Н. Эпштейн, анализируя «грамматическое творчество», отмечает, что грамматика, гораздо более консервативная, чем лексика, сейчас меняется так быстро, как никогда раньше в истории русского языка. Темп и направление этих перемен, по мнению исследователя, могут задаваться совместным творчеством практиков и теоретиков языка [13, с. 253–254].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Изменения в языке, как правило, связываются с появлением новых слов, поэтому традиционно большее внимание лингвистов привлекает креативный потенциал словообразовательной системы (Е. А. Земская, В. П. Изотов, М. У. Калниязов, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намиткова, И. А. Нефляшева, Л. К. Никитина, Н. А. Николина, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Э. Е. Ханпира, Н. А. Янко-Триницкая). Создание же и употребление нестандартных грамматических форм попадает в фокус исследований только в течение последних десятилетий (Е. О. Борзенко, Л. А. Брусенская, Я. И. Гин, И. А. Ионова, Л. В. Калинина, Л. В. Курочкина, Б. Ю. Норман, Н. Е. Петрова, Т. Б. Радбиль, Е. Н. Ремчукова, Т. Г. Танасова, М. Н. Эпштейн и др.). Тем не менее, уже чётко очерчена и активно разрабатывается сфера грамматики, охватывающая различные формы и способы лингвокреативного мышления, направленного на «триединство» – форму, значение и функцию [7; 8; 11; 13]. К. А. Рогова в рамках дискуссии о новой базовой грамматике русского языка констатирует, что грамматическая семантика заняла важные позиции в современных исследованиях широкого языкового материала, находясь в сфере взаимодействия языка и мысли [12,

с. 6]. Морфология сегодня всё больше воспринимается не только как учение о формах, «но мыслится как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, формальными показателями» [4, с. 69]. При этом семантико-ориентированный характер описания грамматических явлений соединяется с системным и текстовым анализом языкового материала. По утверждению В. А. Плунгяна, «...язык функционирует именно в виде дискурса и ... именно дискурс является единственной наблюдаемой реальностью языка... и естественно ожидать, что в языке будет представлен арсенал средств, выражающих структурные и функциональные особенности в том числе и дискурсивных единиц. Грамматические категории составляют важную часть этого арсенала» [9, с. 8]. Значимость разговорного дискурса для грамматического описания русского языка доказывает утверждение А. А. Кибрика о том, что именно на бытовом спонтанном диалоге, в устной форме, с учётом просодии, должна основываться «естественная грамматика» русского языка [5, с. 36].

Проблема изучения креатива разговорного дискурса мотивирована тем, что этот феномен является ежедневным, общим явлением, в той или иной степени свойственным каждому носителю языка. Однако с точки зрения «живой», творческой морфологии (Е. Н. Ремчукова) разговорный тип текста, по сравнению с другими творческими типами русской речи, начинает изучаться сравнительно недавно (Б. Ю. Норман, Е. Н. Ремчукова, В. К. Харченко, М. Н. Эпштейн). С точки зрения креативного потенциала языковых, в том числе грамматических, средств устный спонтанный текст представляет особый интерес. Именно в этом типе речи, согласно О. Г. Ревзиной, «в условиях коммуникативного прессинга спонтанно мыслящий человек становится на секунду как будто отлучён от привычных языковых механизмов, тем самым вырывается из власти языка» [10, с. 306], в результате чего происходит неосознаваемое и незамечаемое «творение» нового слова или словоформы, «на которую наложен запрет и которая одновременно... является высшей славой и гордостью языка» [Там же].

Актуальность исследования определяется расширением спектра творческих текстов, выявляющих креативный потенциал русской грамматики, в частности морфологической категории степеней сравнения. Существенным является тот факт, что речетворчество в области грамматической науки сегодня активно рассматривается «не только как проявление индивидуальности языковой личности, но и как процесс обнаружения потенциала языка, не реализованного в узусе и норме» [3, с. 3].

Объектом исследования являются случаи употребления грамматических форм степеней сравнения в непринуждённой разговорной речи, в разной степени противоречащих норме – от минимального с ней расхождения (потенциальные формы) до яркой окказиональности (окказиональные грамматические формы).

Основной единицей анализа выступает высказывание (спонтанный текст из домашних диалогов, непринуждённых диалогов знакомых, неподготовленных высказываний и т. д. жителей городов Крыма), компактное пространство которого позволяет выявить особенности реализации грамматического смысла.

Цель статьи – проанализировать грамматические новообразования, вычлененные из устной непринуждённой речи жителей крымского города, на уровне грамматической категории степеней сравнения – в аспекте творческой деятельности говорящего, определить, как эти формы связаны с коммуникативной направленностью высказывания.

Согласно Е. Н. Ремчуковой, креативный потенциал русской грамматики формируют грамматические категории. Потенциал же самих категорий зависит от их типа – словоизменительного или классифицирующего, что определяет особенности их функционирования. Это обуславливает образование потенциальных и окказиональных грамматических форм [11, с. 209].

Как известно, в русистике существует несколько подходов к интерпретации категории степеней сравнения, которая квалифицируется как 1) факт формообразования (Е. И. Дмитриева, В. Б. Евтюхин, А. В. Качура, А. Н. Кирейцева, А. Л. Шарандин и др.); 2) факт словообразования (Л. А. Беловольская, И. Г. Милославский, А. К. Поливанова и др.); 3) «непоследовательно коррелятивная

категория» (А. В. Бондарко, С. В. Пивоварова и др.). Нерешённым остаётся вопрос относительно составляющих этой категории, а также условий, при которых возможно градуирование – варьирование степени проявления признака, качества объекта или явления, представляющее семантическую основу степеней сравнения [1, с. 13].

В исследуемом типе разговорных текстов креативный потенциал морфологической категории степеней сравнения проявляется прежде всего в нестандартной лексической базе сравнительных и превосходных форм. Они могут создаваться не только от качественных прилагательных, но и от адъективов иных разрядов, а также от других частей речи. Наш речевой материал выявил следующую лексическую базу нетривиальных форм сравнительной и превосходной степени:

1. **Качественные прилагательные**, имеющие с точки зрения нормативной грамматики ограничения в образовании синтетических или аналитических форм степеней сравнения в силу их морфологической структуры, семантики или происхождения. Ср.: [Школьница-подросток жалуется родителям:] *Новая математичка ещё **страннее** предыдущей: за пять минут до конца урока начинает объяснять новую тему.* Прилагательное *странный* – суффиксальное производное (суф. -ьн-) от *страна* в значении ‘чужая страна, народ’, заимствованное из старославянского языка. Первоначально относительное прилагательное ‘чужестранный, чужой’. [Из разговора между двумя женщинами в маршрутке о пребывании одной из них в больнице:] *Они сделали **деревянное** мясо.* *Деревянное* – элатив от качественного прилагательного, образованного путём перехода из относительного. [Из разговора между преподавателями вуза:] *И он взял её на диплом? Бедный Иванович. Ещё **более бедный**, чем с предыдущими двумя красавицами.* Аналитический компаратив *более бедный* образован от качественного прилагательного *бедный*, употреблённого в переносном значении ‘несчастный’, нормативно не имеющем форм степеней сравнения. [Ситуация в троллейбусе Симферополь – Ялта. Девушка-туристка рассказывает приятельнице о запомнившихся походах:] *Стояла **самая адская** жара летом, а он нас повел по Эчки-Дагу, где совсем не было тени.* Здесь *адский* – качественное прилагательное-интенсификатор в переносном значении максимальной, предельной степени

проявления признака. Это значение получает дополнительное грамматическое усиление – форму превосходной степени. Плеоназм *самая адская* имеет прагматическую направленность – используется адресантом как субъективно-оценочная интерпретация состояния погоды, в условиях которой проводилась экскурсия по тяжёлому маршруту. [В автобусе, который доставляет туристов к началу горного маршрута, экскурсовод, женщина средних лет, очень эмоциональная, делает беглый обзор пройденных маршрутов:] *Но, пожалуй, самый the best маршрут в этом году – это Татьянин грот.* Для передачи и усиления значения суперлатива в русскую грамматическую модель вводится английская лексема-варваризм со значением превосходной степени, сохраняющая свой английский артикль. Она эквивалентна качественному прилагательному «лучший». Функция – экспрессивно-эмоционально-оценочная, а также эстетическая: сказать точно, оригинально, привлекательно, выразить свою оценку маршрута и одновременно восхититься им.

2. Относительные прилагательные. Развитие нового качественного значения у таких адъективов обуславливает возможность образования от них синтетической и аналитической форм сравнительной и превосходной степени. Ср.: [Из вечернего диалога на кухне между мамой и дочкой-старшеклассницей:] *Мы смотрели рекламу, где соединили рекламу машины и фильма. Там всё это соединено. – Ищут способы сделать рекламу рекламнее.* Прилагательное *рекламный* подразумевает наличие определённых качеств, соотносящихся с названным им признаком: ‘информативность’, ‘сила воздействия на подсознание и желания’, ‘убедительность’, ‘оригинальность’, ‘эффективность’, т. е. таких, которые составляют идеал рекламной продукции. Форма компаратива *рекламнее* выражает интенсификацию этих качеств и приобретает контекстуальное значение ‘идеальнее’.

[Из разговора лаборанта и преподавателя филологического факультета о качестве одежды в советское время и современной:] *Чем старше купленная вещь, тем она качественнее, чем младше – тем однодневнее.* «Неправильная» словоформа *однодневнее* – это контекстуальный антоним к прилагательному *качественнее*, который является одновременно и лексическим, и грамматическим способом оригинально и экспрессивно выразить мысль о низком качестве современных товаров

народного потребления, в частности одежды и обуви. Актуализирует нетривиальную сравнительную форму и делает её оправданной в контексте однородный ряд с нормативными компаративами (*чем старше, тем...качественнее, чем младше... тем однодневнее*).

[Из обсуждения студентками КФУ творчества известной рок-группы:] *Последняя песня из нового альбома была более рокистической, чем предыдущие*. Аналитический компаратив, образованный от окказионального прилагательного, семантически соотносится с существительным «рок» в значении ‘один из видов эстрадной музыки 2-й пол. 20 в., включающий элементы фольклора, электронные эффекты и характеризующийся своеобразной манерой вокализации’. Нестандартная словоформа называет большую степень проявления качеств денотата «рок», отличающих этот вид эстрадной музыки от других.

Ср. также коммуникативно оправданные аналитические формы превосходной степени: [Член туристской компании своей спутнице, позирующей перед фотокамерой на фоне живописного горного озера в яркой туристической одежде, с новыми трекинговыми палками]: *Ты самая туристическая модель!* Превосходная степень указывает на высшую степень проявления качеств, которые связаны с признаком, названным прилагательным в сочетании *туристическая модель*, и несёт оценочное значение. Значимыми при этом оказываются такие элементы конституции, как место общения (живописное горное озеро), туристическая атрибутика (яркая куртка, новые трекинговые палки), поза адресата перед камерой, настроение адресанта после прогулки и т. д. Эти факторы придают рекламный стиль ситуативному контексту и порождают коммуникативную потребность в словосочетании с нетривиальной формой суперлатива.

Оценка может быть выражена более ярко. Ср.: [Покупательница продавцу в местном магазинчике в районе Автовокзала г. Симферополя молодому человеку лет 25, всегда охотно обслуживающему посетителей и любящему шутить]: *Саша, колбасы хочу купить какой-нибудь. – Возьмите вот эту, «Азовскую». Самая колбасная колбаса. Только получили и уже меньше половины осталось. Всем нравится. Вот, смотрите, пахнет колбасой, как настоящая*. Нестандартный

суперлатив используется в сочетании с лексемой, от которой он образован. Это так называемая реклама, где тавтологическая конструкция убедительно квалифицирует предмет и эмоционально-прагматически заряжает высказывание. Последующий контекст поясняет содержание грамматической формы, мотивирует её создание и использование.

Особый случай представляет нетривиальное употребление адъектива в составе устойчивых сочетаний, где морфологические трансформации компонентов запрещены. Окаzionale форма в таких сочетаниях актуализирует прежде всего экспрессивно-прагматический потенциал высказывания. Ср. употребление синтетического элатива в этикетном выражении: [Вошедшая в маршрутку женщина, радостно заметив на переднем сидении знакомую и подсев к ней:] *Очень добрейшее утро!* Нарушение запрета на грамматические трансформации здесь имеет эмоционально-экспрессивную и оценочную направленность и выступает дополнительным, морфологическим средством выражения искренней радости говорящего от встречи со знакомым человеком, их дружеских отношений. Эмоциональные коннотации эксплицированы намеренным со стороны адресанта плеоназмом: *очень добрейшее*. Сочетание грамматических и лексических средств задает яркий коннотативный контекст ситуации общения.

3. Синтетические компаративы от **адъективированных причастий**. Как известно, от адъективированных причастий образование аналитической формы превосходной степени закономерно так же, как и для прилагательных. Образование же синтетического компаратива в нормативном языке затруднено. В речи эти трудности могут легко преодолеваются. Ср.: [Родители восьмиклассников, у которых за учебный год третий раз меняется классный руководитель:] *С каждым месяцем наши дети все заброшеннее и заброшеннее, классный руководитель, один на два класса, уже третью неделю не показывается*. Заброшенные дети – это подростки, незаслуженно лишённые внимания, помощи и контроля со стороны школьных педагогов, снижающие успеваемость и теряющие интерес к учебе. С помощью необычной словоформы, выражающей интенсивность состояния, адресант передаёт степень беспризорности и одиночества класса, безысходность ситуации, тревогу

родителей. Семантика грамматической формы актуализируется контекстуально – однородным повтором лексем посредством союза. Повтор вносит дополнительные эмоционально-оценочные коннотации в высказывание.

Проанализированные языковые единицы, как правило, характеризуются незначительной степенью ненормативности и минимальным семантическим сдвигом. Они представляют потенциальные грамматические формы, которые заданы системой языка. Такие словоформы регулярны, предсказуемы и, чаще, низкоэкспрессивны.

Далее представим грамматические единицы, для которых характерна более нетривиальная лексическая база. В таких словоформах нарушение нормы очевидно, что определяет их яркую окказиональность.

4. Синтетические и аналитические формы степеней сравнения от имён существительных.

Имена существительные в спонтанной устной речи могут образовывать различные формы степеней сравнения. При этом говорящий выделяет как коммуникативно значимый весь комплекс признаков, который был присущ субстантиву до градуализации, или только определённые качества, свойства, особенности предметов, которые могут подвергаться градуализации (по отношению к современным речевым употреблением эти значения выделяются и подробно анализируются на материале современных интернет-текстов в диссертационном исследовании Е. О. Борзенко [1]). Например: [Из домашнего диалога. Мама дочери:] *Теста на пирог делай двойную порцию, так он **пироговее** получается. Если по рецепту – тонковато и больше на десерт похоже, а не на выпечку.* Компаратив *пироговее* омонимичен отадективной сравнительной форме. Контекст выявляет его отсубстантивную семантику, актуализируя весь комплекс значений существительного: *пирог* – ‘печёное изделие из раскатанного теста с начинкой’, и мотивирует использование окказиональной словоформы за счёт последующего пояснения её содержания. В речевом высказывании выделяются и подвергаются интенсификации такие коммуникативно значимые характеристики пирога, как ‘печёный’, ‘изготовленный из теста’, ‘с начинкой’. Семантика самой сравнительной

степени как категории здесь подстраивается под значение лексической базы, являясь показателем интенсивности не признака, а предмета, обладающего совокупностью признаков. Нестандартное грамматическое оформление имеет прагматическую направленность – убедить адресата изменить рецептные пропорции; [Небольшая компания молодых людей обсуждает тему перекуса в городе:] *Предлагаю «Медоборы». – В твоих «Медоборах» нет еды. Всё сладкое. – Да, самая еда там – это штрудель с вишней, он почти несладкий.* В понятии «еда» посредством нестандартного аналитического элатива актуализируется не весь комплекс признаков, свойственных субстантиву (*еда* – ‘то, что едят; пища’), а только определённый, причём предположительный признак, который, как коммуникативно значимый, и подвергается градуализации, а именно *еда* – это ‘не десерт, не сладкие блюда, а то, что обычно составляет первые или вторые блюда на обед’. Последующий контекст мотивирует семантику словоформы.

«Окачествлению» существительного и изменению его грамматического поведения способствует переносное употребление. Ср.: [Из домашнего диалога между мужем, творческой, камерной личностью, и женой:] *В каждом новом рабочем или домашнем помещении ты устраиваешь себе нору, и с каждым разом одна нора норее другой. Зачем? От кого так глубоко прятаться?* В существительном *нора*, употреблённом в переносном значении ‘маленькое, тёмное помещение, тесное жилище’, адресант выделяет и градуирует комплекс свойств, представленный в лексическом значении слова, а также дополнительные, предполагаемые качества – ‘отдалённая’, ‘изолированная’, ‘глухая’, которые адресат выводит логическим путём. Вероятно, они необходимы незаурядной личности, но не всегда понятны для окружающих. Актуализация грамматической формы имеет прежде всего эмоционально-экспрессивную направленность – выразить недоумение и неприятие такой организации собеседником своего жизненного пространства.

В речевом высказывании употребление нетривиальной грамматической формы может определяться только её эмоционально-экспрессивной направленностью. Например: [Из диалога между мамой и вернувшейся из школы дочкой:] *На последнем уроке уже не было 15 человек. – Ничего себе! В вашем классе в самые эпидемии*

столько не болело; [После грозового шквала женщина делится эмоциями с родственниками, живущими в другом районе Симферополя, где в то же самое время дождя не было:] *У нас сегодня был самый конец света – и ливень белой стеной, и град, и ураган, и гараж затопило, и в дом затекло...* Нестандартные аналитические формы степеней сравнения *самые эпидемии* и *самый конец света* сохраняют весь комплекс признаков, который был присущ им до интенсификации. Оценочные по своей семантике, исходное существительное *эпидемия* и фразеологическое сочетание *конец света* «втягиваются» в категорию степеней сравнения, в результате чего создаются нестандартные словоформы с эмоционально-оценочной и экспрессивной направленностью.

Таким образом, в отмеченных существительных происходит усиление признаковости за счёт актуализации заложенных в их семантике свойств посредством нестандартного грамматического оформления.

5. Самые яркие окказиональные употребления представлены формами, у которых в качестве лексической базы выступают **неизменяемые слова**:

а) несклоняемое прилагательное: [Девочка, надев папин модный свитер и поновому заколов волосы:] *Мама, как тебе моя причёска? – Причёска супер, но свитер ещё **суперее***. Окказиональный компаратив выступает как прилагательное-интенсификатор со значением повышенной степени проявления качества. В сочетании с наречием степени (*ещё суперее*) это значение получает дополнительную грамматическую и лексическую актуализацию. Плеонастическое сочетание задаёт яркую эмоционально-экспрессивную направленность оценочному высказыванию;

б) локативное наречие: [Летом в приморском курортном посёлке, на рынке. Женщина интересуется у дочек (лет 16–18), которым было поручено сделать покупки:] *Вы где кукурузу покупали? – На рынке, справа. – Там, где Дима раньше торговал? – Да, но только чуть-чуть **бокее***. Компаратив *бокее* семантически соотносится с наречием места, которое в условиях данного контекста приобретает пространственную шкалу: *бокее* – ‘более сбоку’.

в) модальное слово: [Мама дочке-школьнице о письме родительского комитета, направленного директору школы, с требованием устранить две существенные

проблемы:] *Подписалась подо всем, что есть в родительском письме. Конечно, освещение. Но ещё **конечнее** – ваши туалеты. Такого безобразия, наверное, нигде в стране не осталось. Конечно* – модальное слово, выражающее уверенность говорящего в реальности сообщаемого. Эта модальность в условиях контекста интенсифицируется и получает разную объектную направленность. Компаратив выступает средством выражения, с одной стороны, убеждённости говорящего в необходимости решить проблему с освещением, а с другой, показателем крайней озабоченности адресанта проблемой, более запущенной – школьных туалетов. Эмоционально-оценочная заряженность усиливается плеоназмом (*ещё конечнее*), что придаёт высказыванию тональность возмущения, которое эксплицируется последующим содержанием высказывания.

Таким образом, в устной спонтанной речи лексическая база для образования форм степеней сравнения не имеет частеречного ограничения. Понятие градуализации может быть применимо к любым объектам, способным иметь количественную характеристику, если в их значении есть элемент, который может варьироваться по степени интенсивности качества. Большей окказиональностью отличаются словоформы с нетривиальной лексической базой, в роли которой выступают имя существительное, а также неизменяемые слова различных частей речи, в частности неизменяемое прилагательное, наречие, модальное слово. Главной причиной появления таких форм, по нашим наблюдениям, является отсутствие подходящих языковых средств для передачи нужной адресанту семантики. Как свидетельствует анализ, некоторые виды семантики нестандартные компаративы и суперлативы выражают наиболее адекватно. Кроме того, неожиданные, «неправильные» формы являются эффективным средством оценки и эмоционально-экспрессивного воздействия, способствующими прагматической насыщенности высказывания.

ВЫВОДЫ

Окказиональные употребления в области грамматической категории степеней сравнения, выявленные нами в устной спонтанной речи, подтверждают современную квалификацию этого типа русской речи как творческого.

Значительное количество нестандартных сравнительных словоформ, мотивированных ситуацией общения и коммуникативной направленностью речевого высказывания, иллюстрирует высокий креативный потенциал данной категории, который реализуется в нетривиальных синтетических и аналитических формах как сравнительной, так и превосходной степени. Выделенные потенциальные и окказиональные новообразования имеют нестандартную лексическую базу. Потенциальные формы создаются от адъективных имён, имеющих с точки зрения нормативной грамматики ограничения в образовании форм степеней сравнения, и представляют предсказуемые и низкоэкспрессивные единицы. Для окказиональных словоформ в качестве исходных характерны имена существительные, а также неизменяемые слова различных частей речи – и, как следствие, семантические трансформации («окачествление» лексических единиц с непризнаковой семантикой), яркая оценочность и эмоционально-экспрессивная направленность.

Активное использование в устной спонтанной речи нестандартных грамматических форм степеней сравнения связано прежде всего с потребностью говорящего конкретизировать мысль, передать её более точно, мобильно и выразительно. Способность нетривиальных сравнительных форм передавать тончайшие, иногда уникальные оттенки смысла и эмоционально-оценочные нюансы, экспрессивно заряжать высказывание – на фоне общей тенденции к вербальной свободе, массовым инновациям, нарушению стандарта – превращает эти грамматические единицы в эффективный инструмент коммуникативного воздействия и позволяет прогнозировать их активность в разговорном дискурсе последующих десятилетий.

Список литературы

1. Борзенко Е. О. Нестандартные формы компаратива в современном русском языке: образование, употребление, семантика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Борзенко Екатерина Олеговна. – М., 2018. – 188 с.
2. Бушуев А. Б. Русская лексика в динамике XXI века / А. Б. Бушуев // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы IV Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 9–10 апреля 2009 г.) / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2009. – С. 3–7.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 215 с.
4. Зиндер Л. Р. Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог / Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов. – Л.: Наука, 1982. – 104 с.
5. Кибрик А. А. На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). – Москва: ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина», 2016. – С. 36–40. [Электронное издание].
6. Курдюмов В. А. Грамматические инновации: топиковые структуры и возможная трансформация русской литературной нормы / В. А. Курдюмов // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы III Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 19–20 апреля 2007 г.) / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2007. – С. 33–39.
7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.
8. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – 2-е изд. – М.: Флинта – Наука, 2012. – 344 с.
9. Плуноян В. А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / ред. В. А. Плуноян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2008. – С. 7–36.

10. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 303–308.
11. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.
12. Рогова К. А. На пути к новой Академической грамматике / К. А. Рогова // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 5–12.
13. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.

References

1. Borzenko E. O. *Nestandartnye Formy Komparativa v Sovremennom Russkom Yazyke: Obrazovanie, Upotreblenie, Semantika: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Nonstandard Forms of Comparatives in Modern Russian Language: Formation, Usage, Semantics]. Moscow, 2018. 188 p.
2. Bushuev A. B. *Russkaya Leksika v Dinamike XXI Veka* [Russian Lexis in Dynamics of XXI Century]. *Leksiko-grammaticheskie Innovatsii v Sovremennykh Slavyanskih Yazykah: Materialy IV Mezhdunar. Nauch. Konf. (Dnepropetrovsk, 9–10 Aprelya 2009 g.)*. Dnepropetrovsk: Porogi Publ., 2009, pp. 3–7.
3. Gridina T. A. *Yazykovaya Igra: Stereotip i Tvorchestvo* [Language Play: Stereotype and Creativity]. Yekaterinburg: Ural. Gos. Ped. Un-ta Publ., 1996. 215 p.
4. Zinder L. R., Maslov Ju. S. *L. V. Shcherba – Lingvist-teoretik i Pedagog* [L.V. Shcherba –Linguist Theorist and Teacher]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 104 p.
5. Kibrik A. A. *Na Puti k Estestvennoi Grammatike Russkogo Jazyka* [On the Way to Natural Grammar of Russian Language]. *Sbornik Tezisov Mezhdunarodnogo Nauchnogo Simpoziuma «Russkaya Grammatika 4.0» (Moskva, 13–15 Aprelya 2016 g.)*. Moscow: FGBOU VO «Gos. IRYa im. A.S. Pushkina», 2016, pp. 36–40. [Elektronnoe Izdanie].
6. Kurdyumov V. A. *Grammaticheskie Innovatsii: Topikovye Struktury i Vozmozhnaya Transformatsiya Russkoi Literaturnoi Normy* [Grammatical Innovations: Topic

- Structures and Possible Transformation of Russian Literary Norm]. *Leksiko-grammaticheskie Innovatsii v Sovremennyh Slavyanskih Yazykah: Materialy III Mezhdunar. Nauch. Konf. (Dnepropetrovsk, 19–20 Aprelja 2007g.)*. Dnepropetrovsk: Porogi Publ., 2007, pp. 33–39.
7. Norman B. Yu. *Grammatika Govoryashchego: Ot Zamysla k Vyskazyvaniyu* [Speaker's Grammar: From Idea to Utterance]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM» Publ., 2011. 232 p.
 8. Norman, B. Yu. *Igra na Granyah Yazyka* [Play on Verge of Language]. Moscow: Flinta – Nauka Publ., 2012. 344 p.
 9. Plungyan V. A. *Predislovie: Diskurs i Grammatika* [Foreword: Discourse and Grammar]. *Issledovaniya po Teorii Grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie Kategorii v Diskurse*. Moscow: Gnozis Publ., 2008, pp. 7–36.
 10. Revzina O. G. *Poetika Okkazional'nogo Slova* [Poetics of Occasional Word]. *Jazyk Kak Tvorchestvo: Sb. Nauch. Tr. k 70-letiyu V. P. Grigor'eva*. Moscow: IRJa RAN, 1996, pp. 303–308.
 11. Remchukova E. N. *Kreativnyi Potentsial Russkoi Grammatiki* [Creative Potential of Russian Grammar]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM» Publ., 2011. 224 p.
 12. Rogova K. A. *Na Puti k Novoi Akademicheskoi Grammatike* [On the Way to New Academic Grammar]. *Mir Russkogo Slova*, 2018, no 2, pp. 5–12.
 13. Epshtein M. N. *Ot Znaniya – k Tvorchestvu. Kak Gumanitarnye Nauki Mogut Izmenyat' Mir* [From Knowledge – to Creativity. How Grammatical Sciences Can Change the World]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr Gumanitarnyh Initsiativ, 2016. 480 p.

**CREATIVE POTENTIAL OF GRAMMATIC CATEGORY
OF DEGREES OF COMPARISON
(ON THE MATERIAL OF THE ORAL SPONTANEOUS SPEECH
OF THE CITIZENS OF CRIMEA)**

Чепурина И. В.

Colloquial oral speech of residents of Crimea is investigated as an area of implementation of creative grammar. Analysis of speech facts revealed morphological innovations, illustrating the creative potential of grammatical category of degrees of comparison.

The creative potential of the category of degrees of comparison is revealed based on comparative forms with non-standard lexical base. The contextual semantics of non-normative forms of comparative and superlative degree is analyzed; their communicative orientation is revealed. It is defined that the brightest occasional units are created from a grammatically unchangeable class of words. The author concludes that the use of morphological category of degrees of comparison as creative ones are primarily related to the need of the addressee to specify the thought, to convey it more accurately, adequately, mobile and expressively.

The presented language facts reflect active tendencies in the Russian language of the beginning of the XXI century and reveal the dynamics of modern linguistic consciousness, which is expressed in the speaker's creative use not only lexical and derivational, but also grammatical resources of the language. In conditions of easy oral communication, they become an effective tool creating the pragmatic potential of a speech utterance, providing their communicative success.

Keywords: grammatical category, grammatical form, nonstandard wordform, comparison degrees forms, creative potential of grammatical category, oral spontaneous speech, speech utterance, communicative plan.

3 СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ

УДК 811.166.1'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ СЛАВЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ

Богданович Г. Ю., Димитрова В. И.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: bgdnvch@mail.ru, veronika_savonenko@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы межкультурного славянского языкового взаимодействия на территории Республики Крым. Описываются лингвокультурная ситуация в Крыму и, соответственно, реальные условия для диалога культур, составляющих поликультурное пространство Крыма. Успешность межкультурной коммуникации определяется консолидирующей функцией русского языка, которая помогает обеспечить равновесие поликультурной среды. Именно язык передаёт сокровища каждой из культур, отражает эти богатства в своих лексических единицах.

Ключевые слова: лингвокультурная ситуация, межкультурное взаимодействие, правовой статус языка, консолидирующая функция, полилингвокультурный феномен.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно концепции Вильгельма фон Гумбольдта, «язык есть дух народа» [4, с. 8]. Язык же является особенно ценным источником формирования и проявления ментальности народа, и при его помощи культура сохраняется и может передаваться из поколения в поколение. Таким образом, язык, будучи общественным явлением, становится присущим каждому представителю сообщества. Язык дает возможность формирования самого себя, своего представления о мире. Культура, как считает Ю. В. Бромлей, есть «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [2, с. 5]. Таким образом, культура находится в многовековой зависимости от языка, определяется им и влияет на него. Если говорить о Республике Крым, нам необходимо заметить, что речь пойдет о полилингвокультурной (мультилингвокультурной) ситуации, что подтверждается

данными Переписи населения 2014 г.: на территории Республики Крым проживают свыше 175 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «непосредственные соприкосновения приводят к неизбежному взаимопроникновению языков и культур, происходит своеобразная *диффузия* культур. При этом язык становится тем средством, которое включает в себя те специфические признаки различных культур, характерных для их представителей, являющихся особыми носителями мировидения и мировосприятия, тогда как «одним из свидетельств диалога как взаимодействия культур оказываются заимствования из других языков. Количество и качество заимствованных слов и выражений позволяют судить о масштабах диалога культур» [5, с.16]. Говоря о межкультурном языковом взаимодействии, мы не можем не отметить слова С. Г. Тер-Минасовой о том, что «диалог культур – это равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей. Взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры, партнёра по диалогу) и многих других – это основа и цель диалога культур» [5, с. 16].

Целью предлагаемой статьи является описание лингвокультурной ситуации в Республике Крым, межкультурного языкового взаимодействия между славянскими языками, носителями которых являются жители полуострова.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Язык – зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения [1]. Таким образом, формируются целостные лингвокультурные системы, включающие в себя инвариантный (традиционный) центр и вариативную периферию, изменчивую во времени, часто под воздействием экстралингвистических факторов. Лингвокультурные системы, в свою очередь, составляют лингвокультурные ситуации, которые представляют собой процесс динамичного, временами неравномерного языкового взаимодействия.

Говоря о Республике Крым, отмечаем, что для описания ее лингвокультурной ситуации нам необходимо обратиться к понятию «полилингвокультурный феномен». Согласно мнению Г. Ю. Богданович, полилингвокультурный феномен (далее – ПЛКФ) – «особая целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного, понимаемого как национально-лингво-культурное сообщество (В. В. Красных), подавляющее большинство которого говорит на одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками» [1, с. 33]. Отметим, что формирование ПЛКФ возможно не посредством «сложения» этносов, а в результате выявления признаков полилингвокультурной ситуации, возникшей в многоэтносном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, культурные концепты, характеризующимся особым взаимодействием культур и их интеграцией.

Обратимся к данным Переписи населения, опубликованным на сайте «Крымстат» в 2014 г., что позволяет нам оценить взаимодействие функционирования славянских языков в Крыму. Национальный состав Республики Крым и г. Севастополя разнообразен, среди 175 этносов, здесь проживающих, зафиксировано 10 славянских народов: самые многочисленные – это русские (1188978 – по РК, и 303, 1 тыс. – по г. Севастополю) и украинцы (298603, по г. Севастополю – 52, 9 тыс.), затем – белорусы (17919), далее достаточно малочисленные поляки (2435), болгары (1506), чехи (478), сербы (44), словаки (24), македонцы (10) и хорваты (5). Заметим, что, по данным Переписи населения от 2014 г., «Национальный состав и владение языками» имеем следующие показатели: русский язык – 1836651 (русский жестовый, русский глухих – 1590), украинский – 411445, белорусский – 4620; другими славянскими языками владеет меньшее количество населения: болгарский (959), чешский (510), сербохорватский (179), словацкий (39), словенский (16), македонский (12). Таким образом, видим, что наиболее используемым языком является русский язык (1812394), затем украинский – 407331 и белорусский – 4588. Приходим к выводу, что в Крыму консолидирующую функцию выполняет русский язык как язык межкультурного общения и взаимодействия. Так, мы можем сказать, что на основе русского языка строится региональная идентичность и русских, и представителей

других национальностей, создаются универсальные коммуникативные модели, которые приводят к дальнейшему межкультурному взаимодействию, обмену информацией.

В связи с переходом Республики Крым в состав Российской Федерации в марте 2014 г. был предпринят ряд реорганизаций, связанных с обеспечением и определением государственных языков Республики Крым и иных языков. В ходе этих процессов был принят законопроект о правовом статусе языков на территории Крыма. Так, Законом Республики Крым «О функционировании государственных языков и иных языков в Республике Крым» предусматривается обеспечение равноправного развития государственных языков (русский, украинский и крымскотатарский языки), усиление консолидирующей функции государственных языков Республики Крым и укрепление правовой основы их использования, на создание условий их сохранения, изучения и самобытного развития иных языков в Республике Крым [8, с. 1]. Соответственно, государственные языки, два из которых являются славянскими, имеют в Республике Крым равные права на сохранение, развитие и совершенствование. Языком межнационального общения является русский язык, а языки представителей других этносов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Крым, всесторонне поддерживаются государством. Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что языковая политика Крыма широко ориентирована на сохранение и развитие не только государственных, но и иных языков, распространенных на территории полуострова. Для крымской языковой политики характерно, согласно Закону «О функционировании государственных языков и иных языков...»: языковое равенство каждого человека независимо от его национальной, социальной и религиозной принадлежности, уровня образования, имущественного положения и места проживания, предусматривается право на свободный выбор языка общения, образования и интеллектуального творчества, создание условий сохранения, развития и совершенствования языков, распространенных на территории Республики Крым, недопустимо противопоставление языков, ограничений языковых прав, установления преимуществ и привилегий в использовании одного языка по

отношению к другим, предусмотрены гарантии защиты и равноправия языков [8, с. 2–8]. Так, например, согласно Статье 7. «Программа по сохранению, изучению и развитию языков в Республике Крым» разрабатывается программа, в рамках которой государство оказывает содействие изданию литературы, осуществляет финансирование научных исследований в этой области, содействие соответствующим научно-исследовательским и экспертным учреждениям, ведущим исследования, создание условий для использования различных языков в средствах массовой информации, подготовка специалистов, развитие системы народного образования с целью совершенствования языковой культуры [8, с. 9].

В ведении Совета министров Республики Крым находится Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым, в обязанности которого входит поддержание языковой политики иных языков России, межнациональных отношений и коммуникации, создание условий сохранения и развития языков, распространенных на территории Республики Крым, регистрация общественных организаций в сфере межнационального общения. Так, согласно последним поправкам от 01. 04. 2019 г., в ведении Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым находится свыше 20 общественных организаций, среди которых: *Республиканское объединение депортированных болгар Крыма им. Братьев Стояновых* (г. Симферополь, руководитель – Дучева М. К.), *Общественная организация «Крымское культурно-просветительское общество чехов «Влтава»* (г. Симферополь, руководитель – Непраш Н.С.), *Крымская Республиканская общественная организация «Общество поляков Крыма»* (г. Симферополь, руководитель – Мышковская Ю. И.), *Общественный союз «Ассоциация крымских репатриантов» армян, болгар, греков и немцев* (г. Симферополь, руководитель – Мелконян В. М.), *Региональная общественная организация «Русская община Крыма»* (г. Симферополь, руководитель – Цеков С. П.), *Общественная организация «Украинская община Крыма»* (г. Симферополь, руководитель – Гридчина А. С.) [9]. Также в г. Симферополе зарегистрированы и другие общественные организации, которые не были опубликованы

Государственным комитетом по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым, а именно: *Региональная болгарская национально-культурная автономия Республики Крым «Паисия Хилендарского»*, которая была зарегистрирована 12 февраля 2015 года, до этого времени имевшая название *«Крымское республиканское общество болгар им. Паисия Хилендарского»* (от 21. 02. 1995 г.), возглавляемая И.Абажером; *«Союз белорусов Крыма»* (г. Симферополь, руководитель – Жуковский Г. Ф.); *Крымская республиканская организация «Белорусская диаспора Крыма»* (г. Симферополь, руководитель – Шушкевич Н. И.); *Общественная Организация «Белорусская община Крыма»* (Симферопольский район, пгт. Гвардейское, руководитель – Чегринец Р. В.); в г. Севастополе – *Региональная общественная организация Севастопольское национально-культурное общество «Белорусь»* (ранее (2000 г.) – *Севастопольское отделение Всеукраинского общественного объединения «Беларусь»*, вошедшее в состав Ассоциации национально-культурных обществ г. Севастополя), руководитель – Казьянин В. М.

Этнокультурологические особенности лингвокультурной ситуации чаще всего связаны с экстралингвистическими факторами. Актуализирование интралингвистической специфики региона неизменно обусловлено и так называемой языковой компетенцией.

Термин «языковая компетенция» рассматривается учёными в разных значениях. Под языковой компетенцией понимается владение языком и использование этих знаний в процессе общения. В. И. Карасик рассматривал языковую компетенцию как один из показателей социального статуса человека. Он называет несколько измерений этого феномена: степень владения языком; нормативное употребление языка; языковое богатство [11, с. 64]. По нашему мнению, речь идёт о межэтническом общении, а в полиэтническом общении языковая компетенция дополняется другими измерениями: «дифференцирование сфер общения, владение интегрированной (общей для всех) зоной языка, наличие общего фонда знаний для адекватности коммуникации, клиширование речи под влиянием общего информационного пространства, степень осознания того, как воспринимаются связанные с

национальной культурой специфические формы речевого поведения представителями другой культуры» [1, с. 93].

Выведение уровня языковой компетенции связано с проблемой языковой личности, т.е. индивидом, представляющим тот или иной этнос, с её способностью к внутренней репрезентации внешнего мира. Уровень языковой компетенции носителей языка определяет уровень понимания другого человека, другой культуры, без которого невозможно успешное общение и адекватное пребывание в информационной межкультурной среде, которой является Крым.

Нами был проведён сощопрос, в котором приняли участие 150 респондентов в возрасте 16-25 лет из разных учебных заведений Крыма. Суть этого эксперимента заключается в том, что студенты записывают первые 3-5 слов, которые приходят на ум, когда упоминают о русском языке в Крыму, об украинском языке в Крыму и о польском языке в Крыму.

Относительно русского языка в Крыму по частотности употребления ассоциаты представлены следующим образом:

1. Родной – 42%
2. Государственный – 14%
3. Официальный – 8%
4. Норма – 7,33%
5. Основной, национальный – 6%;
6. Главный – 4,67%
7. Межнациональный 3,33%;
8. Большинство, распространённый – 3,33%
9. Понятный, общеупотребительный – 2,67%
10. Сложный, любимый – 2%
11. Повсюду, Россия – 1,33%

Несомненно, данная картина подтверждает сделанный нами ранее вывод, о том, что русский язык является родным для большого количества молодёжи, это обусловлено исторически, а также преобладанием численности населения, говорящего на русском языке не только в регионе, но и в сравнении со

статистическими данными переписи населения 2001 года. Увеличился процент населения, которое считает русский язык родным.

Также респонденты обозначили такие ассоциации, которые следует расценивать как будущее русского языка в Крыму: *восстановление, развитие, перспективный, стандарт, востребованность, свобода, учёба, богатый, единый, привычный, могучий, радость*. Как мы видим, негативных ассоциаций русский язык в Крыму не вызывает, это обусловлено прежде тем, что полуостров являлся и является русскоязычной территорией.

Относительно украинского языка в Крыму респонденты выразились следующим образом. По частотности употребления первые восемь мест представлены словами:

1. Родной – 22,67%
2. Суржик – 8,67%
3. Школа – 6%
4. Второй государственный, понятный – 5,33%
5. Братский – 4%
6. Официальный, национальный, второй по численности говорящих, мало употребляемый, милозвучный – 3,33%
7. Красивый, недостаточно изучаемый – 2,67%
8. Лёгкий, любимый – 1,33%

Мы видим, процент населения, для которого украинский язык является родным, достаточно высок, что обусловлено русско-украинским билингвизмом. Также респонденты отметили ряд негативных изменений, происходящих с употреблением украинского языка: *упадок, исчезновение, вытеснение языка, деморализация, навязывание чужого мнения, изгой, формальный, боль*. Вместе с тем, в сознании крымской молодёжи украинский язык – *мова солов'їна, изменения, имеет место существовать, детство, норма, уважаемый, гордость*.

Польский язык в Крыму не столь распространен и известен, нежели русский и украинский. Так, по частотности употребления польский язык вербализован следующими словами:

1. Интересный – 10,67%

2. Университет – 7,33%
3. Неизвестный – 6,67%
4. Иностранцы, туристы – 4,67%
5. Мало распространён, Маринченко Г.В. (преподаватель), Щербачук Л. Ф. (преподаватель), польская диаспора, странный – 2,67%
6. Непонятный, славянский, язык меньшинства, не слышал (-а), понятный – 1,33%.

Таким образом, респонденты затруднялись подобрать какую-либо ассоциацию относительно польского языка в Крыму, а те, кто всё же это сделал, объясняют почему: польский язык распространён лишь среди поляков, проживающих на территории Крыма, его изучают лишь в некоторых учебных заведениях.

Также нами был проведён опрос, целью которого было выявление уровня знания польского языка студентами профессионально-технических и высших учебных заведений Республики Крым. В социальном опросе приняли участие 145 респондентов. Каждый из участников ответил на такие вопросы:

1. Изучаете ли Вы польский язык?

Нами были предложены следующие варианты ответов: да / нет. Те респонденты, которые ответили на вопрос отрицательно, должны были перейти к следующему вопросу:

2. Хотели бы Вы изучать польский язык?

В качестве вариантов ответа также были предложены следующие: да / нет.

С помощью анализа полученных данных мы выявили показатели, которые характеризуют языковую компетенцию крымской молодёжи, а также польский язык как славянский язык.

Респонденты, которые ответили на первый вопрос положительно, составляют 42,07%, отрицательно – 57,93%.

Анализируя ответы на второй вопрос, мы получили следующие результаты: да – 45,24%, нет – 54,76%.

Таким образом, можно утверждать, что в Республике Крым в студенческой среде польский язык стабильно закреплён. Многие изучают польский язык в учебных

заведениях, но чаще всего потому, что этот язык входит в учебную программу того или иного учебного заведения. Большинство студентов всё-таки польский не изучают. При анализе ответов на второй вопрос тенденция сохраняется. Хотя большинство респондентов и ответило отрицательно, т.е. не хотело бы изучать этот язык, однако определённое количество положительных ответов дают надежду на развитие и распространение польского языка не только среди поляков Крыма, но и среди других этносов в полилингвокультурной ситуации. Несомненно, диалог между этносами существует, как и взаимный интерес к языкам соседних народностей.

Отображение картины мира сквозь призму языкового сознания крымской молодёжи репрезентируется через ассоциативный эксперимент, тем самым позволяет выявить особенности таких языковых сущностей, как символ и стереотип, которые наиболее ярко выражены в данном регионе, характеристики концептов и обратить внимание на проявление языковой личности в них.

Для данных славянских этносов указанные категории играют важную роль в самосознании и самопознании, в этноидентификации. Важно отметить то, насколько переплетены в сознании крымской молодёжи русская и украинская действительность, что подтверждается региональной идентичностью. От степени понимания того или иного концепта зависит понимание другого этноса в данном регионе, однако, в связи с двойной и тройной идентификацией концептуализация мира для крымчан представляется особой.

С проблемой языковой личности, её способностью к внутренней репрезентации внешнего мира связано также выведение уровня языковой компетенции. Уровень языковой компетенции носителей языка определяет уровень понимания другого человека, другой культуры, без которого невозможно успешное общение и адекватное пребывание в информационной межкультурной среде.

Несомненно, диалог между этносами существует, как и взаимный интерес к языкам соседних народностей. Это в очередной раз доказывает гармоничное существование и переплетение языков и этносов в Республике Крым.

ВЫВОДЫ

Согласимся с точкой зрения В. М. Шаклеина о том, что лингвокультурная ситуация признается как «совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования и в рамках определенного временного среза» [7]. Языковая ситуация характеризуется при помощи качественного, количественного и оценочного компонентов. Рассмотрев количественные данные о национальном составе и о владении языками, приходим к выводу, что лингвокультурная ситуация в Крыму является многокомпонентной, так как в регионе функционирует большое количество языков, среди которых языки, относящиеся к славянской группе индоевропейских языков: русский, украинский, белорусский (восточная ветвь), польский, чешский, словацкий (западная ветвь), болгарский, македонский, словенский, сербский (южная ветвь). При этом понимаем, что число говорящих на этих языках не соотносится равномерно с числом национальной принадлежности. Но не можем не признать, что все эти языки оказывают существенное влияние друг на друга в границах одного региона, находясь бок о бок, они реагируют друга на друга, взаимодействуют между собой, что находит отклик в межнациональной и межкультурной коммуникации, проявляется в СМИ. Отметим, что межэтнические отношения, а значит, и коммуникация, на территории Республики Крым обуславливаются рядом экстралингвистических факторов: языковая политика, развитие науки, структура образования, социально-политические условия, экономические реалии. Правовое поле Республики Крым позитивно «настроено» на создание условий сохранения, развития и совершенствования не только государственных языков, но и иных языковых меньшинств, о чем свидетельствует создание и регистрация общественных языковых организаций, разрешение использования этих языков в СМИ (некоторые телеканалы, печатные и электронные СМИ, где сохраняется возможность ознакомления информацией на искомом языке); поддержание равенства государственных и иных языков Республики Крым посредством проведения

различных акций, мероприятий, фестивалей, посвященных межэтническим отношениям и межкультурному взаимодействию [8].

Таким образом, приходим к выводу, что языковая политика должна соотносить желаемое с возможным, находя некий баланс между тем, что есть, и тем, что должно быть, тем самым создавая определенный языковой и культурный опыт, надстраивая его на уже имеющемся фундаменте, но не заменяя его собой.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: Оджакъ, 2015. – 296 с.
2. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики...: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
7. Шаклеин, В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В. М. Шаклеин. – М.: Об-во любителей рос. Словесности, 1997. – 184 с.
8. Конституция Республики Крым [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20140412/271132606.htm
1. Проверено 19.04.19.
9. Сайт Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым <https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/32>
[Дата проверки: 20. 04. 2019]
10. Итоги переписи населения 2014 года в Крымском федеральном регионе [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/census_and_researching/census/crimea_census_2014. Проверено 19.04.19.

11. Карасик, В. И. Язык социального статуса: монография / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

References

1. Bogdanovich G. Yu. *Russkii Yazyk v Aspekte Problem Lingvokul'turologii* [Russian Language in the Aspect of Linguistic Cultural Studies]. – 2nd ed., revised and supplemented. Simferopol': Odzhak Publ., 2015, 296 p.
2. Bromlei Yu. V. *Etnos i Etnografiya* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka Publ., 1983, 412 p.
3. Gudkov D. B. *Teoriya i Praktika Mezhekul'turnoi Kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Moscow Publishing and Trading House of the Humanitarian book *Gnosis*, 2003, 288 p.
4. Humboldt W. von. *Izbrannye Trudy po Yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1984, 397 p.
5. Ter-Minasova S.G. *Voina i Mir Yazykov i Kul'tur: Voprosy Teorii i Praktiki* [War and Peace of Languages and Cultures: Theory and Practice]. Manual. Moscow: AST: Astrel': Hranitel' Publ., 2007, 286 p.
6. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i Mezhekul'turnaya Kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Manual. Moscow: Slovo Publ., 2000, 624 p.
7. Shaklein V. M. *Lingvokul'turnaya Situatsiya i Issledovanie Teksta* [Linguocultural Situation and Text Analysis]. Moscow: Society of Russian Literature Lovers Publ., 1997. 184 p.
8. *Konstitutsiya Respubliki Krym* [Constitution of the Republic of Crimea]. Available at: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20140412/271132606.html. (Accessed 19.04.19).
9. Site of the State Committee on Interethnic Relations and Deported Citizens of the Republic of Crimea. Available at: <https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/32> (Accessed 20.04.2019).

10. Results of the 2014 Census in the Crimean Federal Region. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/census_and_researching/census/crimea_census_2014. (Accessed 19.04.19).
11. Karasik V.I. *Yazyk Sotsial'nogo Statusa* [Social status language]. Monograph. Moscow: Moscow Publishing and Trading House of the Humanitarian book *Gnosis*, 2002. 333 p.

LINGUOCULTURAL SITUATION IN THE CRIMEA: INTERCULTURAL INTERACTION OF SLAVIC LANGUAGES

Bogdanovich G. Yu., Dimitrova V. I.

The article deals with issues of intercultural Slavic language interaction on the territory of the Republic of Crimea. It describes the linguocultural situation in the Crimea and the real conditions for a dialogue of cultures in this polyethnic space. The success of intercultural communication is determined by the consolidating function of the Russian language, helping to ensure the balance of the multicultural environment. It is the language that conveys the treasures of each culture, reflecting them in its lexical units.

Keywords: linguocultural situation, intercultural interaction, legal status of a language, consolidating function, multilingual cultural phenomenon.

УДК 070:316.77(292.471)

АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Егорова Л. Г.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: legora@list.ru

В статье представлен современный региональный медиадискурс как динамичная коммуникация с обществом с разнообразным набором стратегий и тактик воздействия на адресата, обладающая специфическими признаками, которые отражают особенности территории. Газета как один из важных для региона видов печатных СМИ концентрирует признаки регионального дискурса средств массовой информации. Эти особенности системно проявляются в повестке дня СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов. Региональные газеты – носители разнообразной информации, они доступны и удобны прежде всего для привыкшего к ним читателя. Эти характеристики дают основание для того, чтобы рассматривать газеты в качестве ядра информационного пространства региона. Материальность бумажного газетного листа многими людьми (по большей части представителями старшего поколения) воспринимается положительно. Региональная газета имеет неоспоримое преимущество – реализовывать в своём контенте принцип близости к читателю, живущему в данном регионе.

Ключевые слова: региональный дискурс, масс-медиа, адресант, адресат, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование текстов местных СМИ вызывает интерес в силу ряда причин, в числе которых – их способность отражать географическую, социально-экономическую, культурно-историческую специфику региона, характер адресата, значение в процессе структурирования информационного пространства и пр. [8]. «В осмыслении природы текста, маркированного медиа (медийного текста, медиатекста), методологически важно иметь в виду, что среди важнейших социальных потребностей человека находятся потребность в информации и потребность в ресурсообразующем взаимодействии с другими людьми. Совокупность этих потребностей мотивирована особенностями сознания человека, которое, как известно, всегда настроено на диалоговые механизмы постижения закономерностей бытия (как объектного, так и субъектного) и, следовательно, на непрерывное оперирование информацией – ее извлечение, усвоение и обмен» [5, с. 18]. Современный региональный медиадискурс представляет собой

динамичную коммуникацию с разнообразным набором стратегий и тактик воздействия на адресата, обладающую специфическими признаками, которые отражают особенности территории и проявляются в повестке дня СМИ, приоритетных темах, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Удовлетворение информационных запросов адресата – одна из основных задач СМИ, ее выполнение может поддержать жизнеспособность любого издания. Построение диалога в журналистском материале – это возможность обозначить пространство *адресата*, который оказывается объектом в журналистском монологе и субъектом в диалоге. Соотношение монологов и диалогов характеризует специфику социальных отношений, взаимодействие власти и граждан. Асимметрия в отношениях между автором медиатекста и адресатом, маркированность недовольства, враждебности, подозрения и т.д. плохо воспринимаются читателем. Позитивные или негативные отношения акторов медийного текста дают установку на коммуникативное согласие или, напротив, конфронтацию. Обратная связь, таким образом, фиксирует уровень отношений между собеседниками и имеет динамичный, процессуальный характер. Она представляет собой сложную структуру, составленную из набора признаков с сеткой отношений; речемыслительный процесс, который проявлен по большей части в языковых формах и иллюстрирует отношения «стимул – реакция» [1]. Обратная связь создаёт единство коммуникативного пространства субъектов речи, рождает новую информацию, добавленную к исходному тексту (коррекция сказанного, сжатие или расширение содержания): «...понимая чужую речь, человек также обладает собственными планами (понимание не менее целенаправленно, чем говорение), и изменения планов, их конкуренция, а также сознание ошибочности планов могут сказаться на ходе истолкования чужих речей» [2, с. 26]. Если обратная связь отсутствует, происходит некое «накопление недоумений» со стороны читателей, что не способствует повышению рейтинга издания. Особенности восприятия текстов региональных СМИ представителями

различных целевых аудиторий, речевое взаимодействие адресанта и адресата в дискурсе региональных СМИ, отмечает Л. Л. Черепанова, является одной из значимых проблем описания особенностей последних. Анализ медиасообщений с целью выяснения того, как выстраиваются в тексте региональных СМИ отношения с адресатом, позволяет определить уровень эффективности коммуникации в СМИ и тем самым «установить меру соответствия образа адресата в сознании автора ожиданиям целевой аудитории» [7, с. 4].

Укажем, что дискурс крымских СМИ ориентирует на разные виды идентификации адресата: с помощью комплекса тем и проблем, поднимаемых в разных изданиях и разных жанровых манифестациях; стилистических средств, отсылающих к языковой картине мира адресата; выбора и компоновки оценочных средств и др. Представим наиболее востребованные медийные векторы идентификации адресата, выраженные в заголовках публикаций крымских региональных изданий «Крымский телеграфЪ», «Новый Крым», «Парламентская газета (Крым)», «Крымские известия», «Крымская правда» и «Крымская газета» за 2016 год, поскольку именно заголовки – «быстрый, компактный и действенный способ привлечь внимание читателя» [3, с. 14], а значит, они призваны максимально действенно акцентировать внимание аудитории на актуальном спектре региональных тем.

Связь с территорией присутствует во всех проанализированных изданиях (идентификация по признаку локальности): *Освободим улицы от машин* (как решить проблему парковок в столице Крыма); *Скоро в школу!* (как в Симферополе готовятся к началу учебного года) («Крымская правда», 4 августа 2016); *«Обнуленные садоводы»* (как под Евпаторией дачников лишили совместного имущества) («Крымский ТелеграфЪ», 29 июля 2016); *Феодосийский территориальный отдел Роспотребнадзора закрыл один из пляжей Коктебеля вследствие выявления факта слива сточных вод в море* («Новый Крым», 26 июля 2016); *Госкомветеринарии РК выявил фальсификат молочной продукции в детских дошкольных учреждениях Симферопольского района* («Крымский ТелеграфЪ», 4 августа 2016).

Связь с большой родиной – Россией. Это не просто фактор новой территории, а подчёркивание нового вида идентификации: *Новый взгляд на историю России* (анонс первого молодежного историко-культурного фестиваля «Истории достоинства. От Владимира до Владимира» в Евпатории) («Крымские известия», 11 августа 2016); *Путин поручил проанализировать соучастия* («Крымская правда», 03 августа 2016); *Названы самые коррумпированные регионы РФ* («Крымская правда», 3 августа 2016); *За нас возьмется Устинов* (сообщение полномочного представителя президента России в ЮФО Владимира Устинова о том, что преобразование Южного и Крымского федеральных округов в единый Южный федеральный округ будет способствовать более действенному управлению регионом и ускорению интеграции полуострова в РФ) («Крымская правда», 28 июля 2016); *Девять кругов Ибраима Ширина* (интервью с одним из создателей крымской организации «Опоры России») («Новый Крым», 8 августа 2016); *«Культура России для Крыма»* (с 15 по 29 июля в Крыму проходил VI Музыкальный фестиваль имени Ирины Архиповой) («Новый Крым», 8 августа 2016); *То, что необходимо видеть!* (Петербургский Эрмитаж и московская Красная площадь попали в список «30 мест, которые стоит посетить, пока вы живы» по версии The Telegraph) («Крымская правда», 2 августа 2016); *Севастопольская «Коммуна»* (старейшее судно ВМФ продолжает служить России) («Крымская правда», 16 июля 2016); *«Крымская весна – не всплеск эмоций»* (итоги Всероссийской научной конференции «История Крыма: актуальные проблемы», которая состоялась в Симферополе) («Новый Крым», 5 августа 2016).

Забора властей обо всех сферах жизнедеятельности полуострова: Взятка сотруднику ГИБДД? Звучит опасно! (возбуждением уголовного дела обернулась передача взятки сотруднику ГИБДД за перерегистрацию личного автомобиля на незаконном основании) («Новый Крым», 8 июля 2016); *Размах уездного масштаба – 2* (Сколько зарабатывают районные чиновники? Где и сколько предпочитают иметь земли? В каких домах живут и на каких машинах ездят?) («Крымский телеграфЪ», 25 июля 2016); *Крышевание в законе?* (на Тарханкуте собирают деньги с предпринимателей без заключения договоров) («Крымский телеграфЪ», 28 июля

2016); *Самостройи снесут* («Крымская правда», 29 июля 2016); *Оптимизация маршрутов грядет?* (Совмин предлагает пересмотреть транспортную логистику Симферополя) («Крымский телеграфЪ», 29 июля 2016); *Перелёт с приключениями* (о неудобствах, с которыми столкнулись туристы в аэропорту «Симферополь») («Крымская правда», 2 августа 2016); *ТЭЦ заработала в полную мощь* («Крымские известия», 3 августа 2016); *Крым подготовит бездефицитный бюджет* («Новый Крым», 3 августа 2016); *Платим по-новому* (до 10 августа надо оплатить коммунальные услуги по повышенным тарифам, подробное разъяснение об измененных тарифах по каждой из коммунальных услуг) («Крымская правда», 4 августа 2016).

Региональная пресса активно формирует положительный образ представителей власти полуострова, адресаты медиасообщений при этом выступают в роли объекта заботы властей: *В Симферополе построят социальное жильё* («Крымские известия», 18 февраля 2016); *В онкологическом диспансере начал работать новый рентген-комплекс* («Крымские известия», 24 марта 2016); *Полезный и щедрый подарок, даже два* («Крымские известия», 17 августа 2016); *Великолепная двадцатка: красные ленты в ФАПах перерезают по всему полуострову* («Крымские известия», 15 апреля 2016). Это подтверждает замечание Э. В. Чепкиной о конструировании региональными СМИ пусть не соответствующей действительности, но активно транслируемой изданиями медиаверсии гармоничных внутрисоциумных отношений: «С идентификацией аудитории на основании общей территории оказываются тесно связаны идеологические характеристики. Практики идентификации неизменно включают идеологическое единство региональной власти, коллектива редакции, персонажей конкретных текстов и читательской аудитории. Читатели региональной прессы аналогичным образом конструируются в журналистских текстах как субъекты, предположительно верящие в утверждения газеты, – для публичного слова оказывается важнее конструировать идеальную жизнь социума, чем указывать на его реальные проблемы» [6, с. 64]: *Это вам не вилами махать и лопатой орудовать!* («Крымские известия», 13 января 2016); *Российский регион №1* (Крымская правда, 23 января 2016); *Растет сеть государственных аптек* (Крымская правда, 8 июня 2016);

Нам внушили веру в лекарства, и теперь мы ходим не к врачам, а в аптеку... («Крымские известия», 18 августа 2016).

Советы и информация, ориентированные на удовлетворение соответствующих медиаожиданий аудитории: Ливни, грозы и другие угрозы (предупреждение об изменении погоды в Крыму, как вести себя во время грозы) («Крымская правда», 15 июня 2016); *ТОП-10 продуктов, которые не стоит есть на завтрак* («Новый Крым», 7 марта 2016); *Летнее меню* (рецепты) («Крымская газета», 20 июня 2016); *Счастливого пути!* (российская сборная отправляется на Олимпиаду в Бразилию) («Крымский телеграфЪ», 30 июля 2016); *Неофициальный старт дан!* (информация о предстоящих Олимпийских играх и прогноз для сборной России) («Крымская правда», 4 августа 2016); *В 25-й раз* (5-го августа отправляется в путь юбилейный, 25 чемпионат России среди клубов премьер-лиги) («Крымская правда», 5 августа 2016).

Немаловажно отметить, что зачастую адресат, потребитель медиаинформации регионального издания, воспринимается последним как некий пассивный объект «политико-идеологического и административного воздействия» [6, с. 65], которому предписывается необходимость выполнения конкретных действий: *Обратитесь в службу судебных приставов* («Крымская газета», 11 марта 2016); *Принял наследство – принимай и долг* («Крымская газета», 11 марта 2016); *Вы нам – землю, мы вам – дом* («Крымские известия», 14 сентября 2016). Субъект такого воздействия – первые лица региона – и формирует актуальную повестку дня, создает информационные поводы, направляя внимание общественности и СМИ на избранных спикеров ситуации: *Награды для крымчан отливали в Москве* («Крымская газета», 16 марта 2016); *Политики и общественники рассказали, как видят отношения Крыма и Беларуси* («Крымская газета», 31 марта 2016); *Щепки летят: Совещание Аксёнова с главами муниципалитетов прошло на повышенных тонах* («Крымская газета», 3 ноября 2016).

ВЫВОДЫ

В настоящее время одним из наиболее важных аспектов описания региональных масс-медиа является характеристика взаимодействия адресанта и адресата. В большинстве случаев адресант компоует текст с акцентом на значимых для

медиаповода признаках описываемых явлений / событий, адресат же соотносит выделенные признаки с индивидуальной картиной мира, то есть со своим пониманием положения вещей в регионе. Таким образом, медиатекст, с одной стороны, продукт деятельности адресанта, с другой – адресата [4]. К структурным компонентам, формирующим местную повестку дня, можно отнести политическую ситуацию, социальный и экономический сегменты, артикулирование общих ценностей и рассмотрение общих проблем. Наиболее востребованными медийными векторами идентификации адресата в крымских СМИ оказываются связь с территорией – Крымом и большой родиной – Россией, а также преобразовательная деятельность представителей власти.

Список литературы

1. Буданов В. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В. Буданов. – М., 2009. – 240 с.
2. Демьянков В. З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике / В. З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 87 с.
3. Дрога М. А. Составные слова-заглавия в современной российской газете / М. А. Дрога // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин. – Белгород, 2013. – С. 13–18.
4. Егорова Л. Г. Медиатекст – имиджевый текст: специфика функционирования в пространстве массовых коммуникаций / Л. Г. Егорова // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. Том 26 (65). № 1. – С. 358–360.
5. Полонский А. В. Медиа и их текстовая реальность / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 18 (215). Вып. 27. – С. 17–23.
6. Чепкина Э. В. Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность / Э. В. Чепкина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т.156, 1. № 22 (4). – С 61–68.

7. Черепанова Л. Л. Дискурс региональных СМИ: автореф. дисс. ... к.ф.н. / Л. Л. Черепанова. – Пермь, 2007. – 20 с. – С. 4.
8. Чиркова О. Н. Влияние имиджевой политики и этнокультурного брендинга региона на формирование и развитие региональной идентичности / О. Н. Чиркова // Регионология. – 2016. – № 3 (96). – С. 88–105.

References

1. Budanov V. *Metodologiya Sinergetiki v Postneklassicheskoi Nauke i v Obrazovanii* [Synergy Methodology in Postnonclassical Science and in Education]. Moscow, 2009. 240 p.
2. Dem'yankov V. Z. *Spetsial'nye Teorii Interpretatsii v Vychislitel'noi Lingvistike* [Special Theories of Interpretation in Computational Linguistics]. Moscow, 1988. 87 p.
3. Droga M. A. *Sostavnye Slova-Zaglaviya v Sovremennoi Rossiiskoi Gazete* [The Compound Words-Headlines in Modern Russian Newspaper]. *Mass-media i Massovye Kommunikatsii: Status Nauchnykh i Uchebnykh Disstiplin* [Mass Media and Mass Communications: Scientific and Educational Disciplines Status]. Belgorod, 2013. Pp. 13–18.
4. Yegorova L. G. *Mediatekst – Imidzhevyi Tekst: Spetsifika Funktsionirovaniya v Prostranstve Massovykh Kommunikatsii* [Media Text – Image Text: Functioning Features in Mass Communication Space]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye Kommunikatsii»*. 2013. Vol. 26 (65). No 1. Pp. 358–360.
5. Polonskii A. V. *Media i ikh Tekstovaya Real'nost'* [Media and Their Text Reality]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2015. No 18 (215). Issue 27. Pp. 17–23.
6. Chepkina Ye. V. *Diskursivnye Praktiki Konstruirovaniya Adresata Regional'noi Pressy: Natsional'no-Grazhdanskaya Identichnost'* [Discourse Practices of Addressee Regional Press Constructing: National and Civil Identity]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 1: Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kul'tury*. 2016. Vol.156, 1. No 22 (4). Pp. 61–68.

7. Cherepanova L. L. *Diskurs Regional'nykh SMI: Psikholingvisticheskiy Aspekt: Dis. ... Rfnd. Filol. Nauk* [Regional Mass Media Discourse: the Psycholinguistic Aspect. Thesis]. Perm, 2007. 219 p.
8. Chirkova O. N. *Vliyanie Imidzhevoi Politiki i Etnokul'turnogo Brendinga Regiona na Formirovanie i Razvitie Regional'noi Identichnosti* [Region Image Policy and Ethnic and Cultural Branding Influence upon Regional Identity Forming and Development]. *Regionologiya*. 2016. No 3 (96). Pp. 88–105.

THE AUTHOR AND READER INTERACTION IN REGIONAL MEDIA DISCOURSE

Egorova L. G.

Modern regional media discourse is viewed in the article as the dynamic communication with the society possessing diverse strategies and influence upon the addressee tactics. This communication attributes features that reflect the territory specifics. Being one of the important printed mass media types for the region, a newspaper concentrates regional mass media discourse attributes. These features are systematically displayed by mass media agenda, the ways of information presentation, socially significant events interpretation, the priority themes and genres, the dialog with audience organization, media texts compositional and stylistic design. Regional newspapers are diverse information media, they are obtainable and convenient first of all for the accustomed reader. These characteristics afford ground for regarding a newspaper as a region's informational space core. The newspaper sheet corporality many people (for the most part older generation representatives) perceive positively. Regional newspaper has undeniable advantage: it realizes in its content principle of closeness to the reader living in the particular region.

Keywords: regional media discourse, mass media, addresser, addressee, media text,.

УДК 811.166.1'42

СТЕРЖНЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ¹

Забашта Р. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: zabrv@yandex.ru

Статья посвящена характеристике стержневого элемента в системе других сильных позиций поэтического текста и иллюстрации действенности функционального подхода к проблеме интерпретации поэтического текста. Обосновывается мысль о том, что основным критерием определения композиционной организации поэтического текста может быть признан принцип разграничения элементов обыденной (массовой, общенародной) и индивидуально-авторской картин мира, т.е. функционально-семантическое описание текста предполагает выявление языковых средств, вербализирующих различные когнитивные модели действительности.

Сильными позициями текста выступают заголовок, позиция предмета изображения, позиция семантической аномалии и доминантная позиция; слабыми позициями текста выступают отсутствие заголовка (нуль-знак), позиция атрибуции предмета изображения.

На материале интерпретаций трёх стихотворений (Ю. Друниной, В. Набокова, Д. Быкова) проиллюстрирован принцип выявления элементов массовой (общенародной) и индивидуально-авторской картин мира; такая соотносительность языковых средств образует стержневой элемент текста. Представляется перспективным лингвопоэтическое описание художественных текстов, объединённых общностью предмета изображения и проблематикой; такого рода сравнительный анализ содержания стержневого элемента текстов позволит не только описать индивидуальный стиль каждого автора, но и дополнить его уникальную ценностную картину мира.

Ключевые слова: поэтический текст, лингвистическая инструментология, функция, сильная позиция текста, стержневой элемент текста, интерпретация.

ВВЕДЕНИЕ

Общим местом в языковедческих работах, посвящённых анализу и интерпретации художественного текста, стало утверждение о том, что процесс его понимания происходит на нескольких уровнях восприятия информации. Структура отображаемой в содержании текста ситуации отражается в сознании воспринимающего текст в некотором трансформированном, изменённом виде: происходит «перецентрировка – перемещение мысленного центра ситуации от одного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Функциональная теория текста» № 18-012-00271 (2018).

элемента к другому, вследствие чего из сопоставления появляются какие-то новые смыслы» [1, с. 297–298], формирующие основной концепт текста.

А. А. Брудный отмечает, что концепт всегда носит внетекстовый характер, «он формируется в сознании читающего, отнюдь не всегда получая достаточно точное речевое выражение» [2, с. 140]. Поэтому понимание текста может быть одновременно и пониманием того, что в тексте непосредственно не указано.

Исследователи указывают на вторичность языковых структур в художественном тексте по отношению к системе общенародного языка, их «метаморфность»: «К настоящему времени становится очевидным тот факт, что поэтический текст – это сложно организованная система, уникальность которой заключается прежде всего в том, что ее функционирование обусловлено одновременно внешними факторами (антропологичность, культурность, духовность и эстетичность поэтического текста) и внутренними факторами собственно языковой природы. Однородность и однотипность системы языка и системы поэтического текста не вызывают сомнения, если рассматривать систему поэтического текста по отношению к системе языка как феномен вторичного, метаморфного, характера» [3, с. 3]. В этом смысле сложность понимания содержания художественного текста заключается в его ориентированности на получение новой, необщепризнанной, немассовой информации о мире и о человеке в нем. Таким образом, «подлинное понимание текста – это всегда выход за пределы того, что в нем непосредственно сказано, функция светильника в том, что свет выходит за стенки лампы» [4, с. 245].

Цель предлагаемой статьи – характеристика стержневого элемента в системе других сильных позиций поэтического текста и иллюстрация действенности функционального подхода к проблеме интерпретации поэтического текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

На сегодняшний день в русистике предложено достаточное количество подходов к решению проблемы анализа и интерпретации художественного текста (И. В. Арнольд, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, И. И. Заика, Ю. В. Казарин, В. А. Кухаренко, Ю. М. Лотман, Н. А. Рудяков, В. Н. Черемисина и

др.). Среди них выделяются такие, в которых предлагается герменевтическая методология исследования, т.е. речь идет о работах, ориентированных прежде всего на выработку стратегии понимания.

В основу развиваемой нами функциональной теории текста («лингвистической инструментологии», термин А. Н. Рудякова) положены следующие принципы:

«1) системообразующим фактором художественного текста является его идейно-образное содержание;

2) функция текста – регуляция, т.е. воздействие на картину мира читателя с целью приобщить его к сознанию автора, сделать явной для него элемент индивидуальной системы ценностей;

3) художественная ценность текста в отношении его устройства заключается в особой соотнесённости языковых единиц – результата осознанной и целенаправленной деятельности автора; эта деятельность обусловлена стремлением представить предмет изображения с позиции авторского идеала, т.е. путём противопоставления общенародного и индивидуального; следовательно, развитие идеи произведения объясняется осознанным автором и выраженном им в языковых средствах текста противоречием между «данным» и «желаемым» (т.е. с позиции авторского идеала) [5];

4) соотнесённость единиц обусловлена композиционно, поскольку текст, как и всякий инструмент, состоит из двух функциональных частей: подсистемы, которая непосредственно воздействует на картину мира читателя («острие», по А. Н. Рудякову ([6]), и подсистемы, которая обеспечивает функциональность первой («рукоять», по А. Н. Рудякову)» [7].

В исследованиях, посвященных анализу и интерпретации поэтического языка (работы И. В. Арнольд, Н. С. Болотновой, Н. В. Черемисиной и др.), используется термин «сильная позиция», позволяющий определить значимость элементов текста в речевой системе; процедура выявления таких позиций связана с «установлением иерархии смыслов, фокусированием внимания на самом важном, усилением эмоциональности и эстетического эффекта, установлением значащих связей между элементами смежными и дистантными, принадлежащими одному и разным уровням,

обеспечением связности текста и его запоминаемости» [8, с. 23]. К компонентам сильных позиций текста авторы относят заголовки, начало и конец текста, ключевые слова, цитаты, реминисценции, аллюзии, прецедентные знаки и т.п. Считается, что данные компоненты обладают различной значимостью, т.е. нетождественными системными качествами в тексте. В данном ряду, с нашей точки зрения, именно ключевые слова (в терминологии функциональной теории текста – стержневой элемент текста, его «регулятема») обладают теми функциональными качествами, с помощью которых реализуется авторский замысел, поскольку в значениях номинативных единиц, входящих в структуру стержневого элемента, происходят процессы, связанные с выражением индивидуально-авторского взгляда на предмет изображения.

Таким образом, новизна нашего исследования заключается в применении позиционного видения поэтического текста к основным понятиям, используемым в методике лингвистической инструментологии – концепции, построенной на регулятивном понимании текста и его позиции. Процедура интерпретации поэтических текстов Ю. Друниной, В. Набокова и Д. Быкова с применением сравнительного анализа стержневых элементов этих текстов выполнена впервые.

Обратим внимание на то обстоятельство, что выделение в художественном тексте репертуара сильных позиций, в том числе ключевых слов, стало необходимой практикой, тем не менее «ключевой знак не может быть самопонятен: он как таковой не встречается нигде, кроме своего текста» [9, с. 35]. Выявление ключевых слов не может быть произвольной операцией: выбор составных частей стержневого элемента текста подчинен результатам сопоставления двух когнитивных моделей, отражающих обыденный и индивидуально-авторский взгляд на предмет изображения. Противоречие, лежащее в основе произведения, выражается в том числе в развитии отношения героев к чему-либо (в том числе героя-автора, лирического героя). Одним из способов типологизации функциональных частей в структурах поэтических текстов может быть избран позиционный подход.

Как отмечает Л. В. Чернец, «...понятие «сильная позиция» применяется не только в стиховедении – оно может считаться универсальным инструментом анализа

любого произведения как целостного высказывания, как текста, имеющего начало и конец (т. е. как бы заключенного в «рамку»). Здесь, как и в стихе, в фокусе внимания исследователей – границы, только это границы между единствами гораздо большего масштаба, чем стиховой ряд. Это, во-первых, границы самого произведения как текста, отделяющие его от других текстов; во-вторых, границы частей произведения» [10]. Следовательно, анализ поэтического текста на первом этапе подчинён задаче определения композиционно-смысловых частей, критерии выделения которых не всегда ясны и требуют опоры на вполне конкретные методологические принципы описания.

Начало и концовка поэтического текста могут частично не совпадать с экспозиционной и основной частями. Например, авторы уже в экспозиции используют языковые единицы, необходимые как для экспликации фактуальной информации текста, так и для последующего утверждения его идейного содержания в результате соотнесённости этих единиц с другими. Одна из функций позиции предмета изображения может быть определена как образно-конститутивная, т.е. она обеспечивает предметно-логическое построение художественной модели мира (что именно познаёт герой и в каких образах это воплощено), но данная позиция не способна раскрыть сущность такой модели, тот признак, который автором переосмыслен. В данном контексте справедливо следующее мнение Л. М. Кольцовой и О. А. Луниной: «Организация начала текста в виде многоступенчатого построения, где каждая следующая «ступенька», введённая дополнительная позиция поддерживает предшествующую, что в целом образует приступ, необходимый для экспликации авторской идеи, мировоззренческой установки, может быть определена как суммирующая позиция абсолютного начала текста. Сумма компонентов, выстроенных в определённом порядке, представляет собой свёрнутый текст со сложным рематическим комплексом. Весь этот комплекс может быть развёрнут в связный текст, что, по сути дела, и происходит в ходе повествования, но уже в преобразованном, расширенном, образном предьявлении» [11, с. 32]. Образная система поэтического текста выступает как необходимое конститутивное начало, тем не менее образность в поэтическом тексте, по нашему мнению, является особой

системой не потому, что повышает художественную выразительность стихотворения, а именно по причине обеспечения многоплановости в восприятии предмета изображения, оценки этого ресурса как инструмента выражения субъективного отношения к действительности; ресурса, который позволяет автору находить смысловые закономерности в ранее не сопоставлявшихся явлениях.

Мы используем следующее понимание термина «позиция»: *позиция* (в лингвопоэтике) – это функциональная характеристика языкового понятия-инварианта, вербально реализуемого в определенном окружении для экспликации содержания, обусловленного как значением данной единицы-понятия, так и другими функциональными единицами (компонентами) текста. В результате использования системы особых позиций, речевая структура текста может быть рассмотрена как модель, позволяющая автору транслировать определенное содержание, используя ограниченный набор языковых приемов.

Как представляется, необходимо различать понятия *линейная часть текста* (начало, развитие, кульминация, развязка) и *функциональная часть текста* (экспозиция и «приступ», т.е. основная часть). В результате проведенного исследования мы выделили следующие типичные функциональные позиции поэтического текста:

- позиция предмета изображения, выполняющая образно-конститутивную функцию: та часть действительности, которая находится в фокусе авторского познания;
- позиция атрибуции предмета изображения: характеризуется как слабая позиция, поскольку в содержательном плане соотносится исключительно с компонентами обыденной картины мира (количество иллюстраций относительно произвольно и зависит от интенций автора в экспликации смысловых признаков предмета изображения, достаточных для актуализации у читателя фоновых знаний и представлений);
- позиция семантической аномалии («семантической заусеницы», по А. Н. Рудякову), выполняющая функцию первичного средства соотнесённости элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира;

- доминантная позиция: дальнейшее развитие мысли автора обеспечивается семантической доминантой – экспликацией компонентов стержневого элемента текста.

Сильными позициями текста выступают заголовок, позиция предмета изображения, позиция семантической аномалии и доминантная позиция; слабыми позициями текста выступают отсутствие заголовка (нуль-знак), позиция атрибуции предмета изображения.

Обратимся к иллюстрации применения функциональной методики, т.е. к выявлению стержневого элемента текста на конкретном языковом материале.

Первое, с чем сталкивается читающий текст субъект, это потребность в вычленении предмета изображения, т.е. того фрагмента действительности, на котором сфокусирован автор. Именно понятие, лежащее в основе предмета изображения, становится почвой для смены релевантного для системы текста смыслового признака. Рассмотрим данный тезис на примере разбора стихотворения Юлии Друниной «Не встречайтесь с первой любовью...»

*«Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой –
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкнувшей за рекой.*

*Не тянитесь к прошлому, не стоит –
Все иным покажется сейчас...
Пусть хотя бы самое святое
Неизменным остается в нас» [12].*

Имя Юлии Друниной в сознании русского человека прочно ассоциируется со стихами о войне. Однако есть у поэтессы и прекрасные стихи о любви. Это – одно из них.

В первой строфе лирический герой даёт совет читателю: «Не встречайтесь с первой любовью». Этот совет пока не подкреплён аргументом. Здесь «первая любовь» – метонимия, имеется в виду конкретный человек, т.е. не надо искать встречи с человеком, к которому впервые испытываешь настоящее чувство. По

мнению лирического героя, следует сохранить это чувство в первозданном виде. Каким? «Острым счастьем» – безмерной радостью, или «острой болью» – безответным чувством, мучением, или «песней, смолкшей за рекой» – тем, что само прошло со временем... По сути, Друнина в двух строчках изображает три возможные варианта развития событий в отношениях между людьми. Помимо указанных словосочетаний, вербализирующих понятие 'первая любовь', в тексте также представлены глагольные формы повелительного наклонения, эксплицирующие понятие 'способ сохранения первой любви', а именно: «Не встречайтесь...» и «Не тянитесь...». Здесь обращает на себя внимание форма с отрицательной частицей *не*, позволяющая вычленив представления о типичном способе сохранения первой любви (элементы массовой картины мира): люди свойственно «встречаться», «тянуться», т.е. читатель формулирует обыденный взгляд на предмет изображения – в попытках сохранить первую любовь, люди ищут ее продолжение в реальных отношениях с объектом своей любви.

Совет усиливается во второй строфе: «Не тянитесь к прошлому...». А далее следует тот самый аргумент, т.е. указание на причину, почему не стоит этого делать: всё меняется, и человек не может через некоторое время пережить то же, что переживал раньше. В этом стихотворении есть важная оппозиция 'изменяющееся' / 'постоянное', позволяющая определить «приступ» текста.

Итак, предметом изображения в этом стихотворении выступает 'способ сохранения («сбережения») первой любви'. В юном возрасте людям свойственно идеализировать жизнь, многие действительно хотели бы, чтобы первое чувство к противоположному полу всегда было с нами, как и сам объект нашей любви. Но, увы, это невозможно. Люди обычно готовы бежать за своей первой любовью на край света... Это обыденный взгляд на предмет изображения. Друнина же считает, что есть способ сохранения первой любви: её можно сохранить в своём сердце, т.е. нужно разделить её не с реальным человеком, которого вы любите, а разделить её только с самим собой! Следовательно, соотнесенность языковых средств обеспечивает выражение следующего содержания: в меняющемся мире обстоятельств есть один верный способ сохранения первой любви – сделать это чувство только частью себя.

Оказывается, можно всю жизнь наслаждаться своей первой любовью, и источник этого наслаждения заключён совсем не в объекте этой любви, он заключён в любящем человеке.

Стержневой элемент данного текста – языковые единицы, эксплицирующие признаки концепта ‘первая любовь’: «первая любовь», «острое счастье», «острая боль», «песня, смолкшая за рекой», «самое святое», «неизменное <...> в нас».

Таким образом, первая любовь становится «самым святым» и «неизменным» тогда, когда мы ищем её не в реальной жизни (т.е. не в отношениях с человеком), а в своём внутреннем мире (т.е. в своей чувственной памяти). Это и есть источник, противодействующий времени и обстоятельствам. Именно поэтому, по Друниной, «не встречайтесь с первою любовью...» Именно понимание предмета изображения в поэтическом тексте закладывает основу для выявления элементов массовой, обыденной картины мира, без которых невозможна дальнейшая интерпретация, формализация нового, авторского видения действительности.

Второй пример – разбор стихотворения Владимира Набокова «Первая любовь».

*«В листве березовой, осиновой,
в конце аллеи у мостка,
вдруг падал свет от платья синего,
от василькового венка.*

*Твой образ легкий и блистающий
как на ладони я держу
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу.*

*И много лет прошло, и счастливо
я прожил без тебя, а все ж
порой я думаю опасно:
жива ли ты и где живешь.*

*Но если встретиться нежданная
судьба заставила бы нас,
меня бы, как уродство странное,
твой образ нынешний потряс.*

*Обиды нет неизъяснимее:
ты чуждой жизнью обросла.
Ни платья синего, ни имени
ты для меня не сберегла.*

*И все давным-давно просрочено,
и я молюсь, и ты молись,
чтоб на утоптанной обочине
мы в тусклый вечер не сошлись» [13].*

Мы взяли это стихотворение для анализа потому, что оно содержит тот же предмет изображения, что и предыдущий текст Юлии Друниной «Не встречайтесь с первую любовью...». Обратимся к выяснению того, сходятся ли поэты в своём понимании первой любви; в сущности, это будет ответ на вопрос: «Универсальна ли, надындивидуальна ли мудрость поэта, какова авторская оценка концепта ‘первая любовь’?»

Стихотворение называется «Первая любовь». Названием автор обычно фокусирует наше внимание на предмете его поэтического исследования мира.

Начинается текст с образа-воспоминания о женщине («...падал свет от платья синего, / от василькового венка»), причём для лирического героя образ этой женщины связан с определённым местом («В листве березовой, осиновой, / в конце аллеи у мостка»). Наречие «вдруг» указывает на то, что именно неожиданный свет возродил в памяти героя воспоминания о женщине.

Во второй строфе образ любимой герой сравнивает с образом сидящей на ладони и не улетающей бабочки. Отношение к этому воспоминанию выражено с помощью слов «лёгкий», «блистающий» (образ женщины), а также с помощью словосочетания «благоговейно дорожить», т.е. в высшей степени ценить, придавать особое значение, преклоняясь и уважая. Таким образом, в первых двух строфах изображён образ женщины, ставшей предметом первой любви, и выражено отношение героя к этому образу – крайняя степень теплоты, наполненность красотой, выразительность, значимость... Действительно, когда отношения между людьми давно закончились,

воспоминания о том, что ты дарил любимому человеку счастье, согревают как ничто другое.

В третьей строфе герой сообщает о том, что он пережил первую любовь много лет назад («И много лет прошло...»), что с тех самых пор герой не встречался с этим человеком, что жизнь после его первой любви была удачной («...и счастливо / я прожил без тебя»). Но иногда («порой») к нему приходят тревожные мысли о том, жива ли эта женщина и что с ней происходит («порой я думаю опасливо: / жива ли ты и где живешь»). Здесь заканчивается первая часть стихотворения, т.е. его экспозиция. В этой части произведения изображён типичный герой – человек, переживший первую любовь и с особыми чувством вспоминающий изредка об объекте своей страсти. В исходной части текста всегда выражен обыденный взгляд на что-либо. Предмет изображения в нашем стихотворении прост: отношение к первой любви человека, который давно испытал это чувство. Последние три строфы составляют основную часть текста, поскольку в них выражен взгляд героя Набокова на первую любовь.

Последние три четверостишья изобилуют индивидуально-авторскими образами. Например, герой предполагает, что если бы он встретил свою первую любовь сейчас, то этот человек вызвал бы у него значительные волнения, душевные переживания («меня бы, как уродство странное, / твой образ нынешний потряс»). Образ любимой некогда женщины назван «уродством странным»! Наверное, такое возможно только в поэзии... Далее герой сообщает, что «обида нет неизъяснимее...» встретить свою первую любовь через много лет. Слово «обида» в русском языке имеет значение ‘несправедливо причиненное огорчение, оскорбление’. Следовательно, то, какой эта женщина стала, является неприемлемым для героя, способно доставить ему неприятные переживания и даже личное оскорбление! Отчего же? Ответ дан прямой: «Ты чуждой жизнью обросла». Слово «чуждый» имеет несколько значений, например, ‘принадлежащий другому или другим; не собственный’, ‘такой, с которым нет подлинной близости’ и т.п. Но все значения имеют общий компонент ‘не моё’ в каком бы смысле мы ни пытались понять это слово.

Итак, Набоков сопоставляет два образа женщины (а единицы, выражающие эти два образа, являются стержневым элементом текста): первый – тогда, когда её любили как первую любовь, и второй – сейчас, через много счастливых лет, прожитых героем. Что с ней не так теперь, почему этот образ через годы назван «уродством»? В стихотворении есть строчки: «Ни платья синего, ни имени / ты для меня не сберегла». Ключевой момент тут даже не в том платье, что связано с образом любимой девушки, не в том, что у неё другое имя, фамилия... ключевой момент – как я его понимаю – заключается в том, что женщина «ДЛЯ МЕНЯ НЕ СБЕРЕГЛА». Это и есть «острие» нашего текста: человек не может вечно любить и сохранять свои чувства неизменными, если для предмета его первой любви всё то, что было дорого для него, просто обесценилось.

Таким образом, реальная встреча с человеком, который за все годы потерял всё то, что герой ценил, всё, что связано с образом первой любви, представляется крайне нежелательным, поскольку всё, что питало любовь героя, исчезло, стало прошлым («И все давным-давно просрочено...»). Встретить свою первую любовь, по Набокову, есть ужасное обстоятельство, наносящее оскорбление, смертельную обиду, потому что вся последующая жизнь человека была «не для меня». Именно поэтому герой стихотворения молится и мысленно просит молиться свою первую любовь о том, чтобы на «утоптанной обочине», т.е. на том месте, где уже побывало много людей, они никогда не повстречались.

Как видим, идея Набокова совпадает с идеей Друниной, но в стихотворении «Первая любовь» более подробно раскрыты психологические причины того, почему встреча с любимым некогда человеком способна лишь нанести вред нам сегодняшним.

Ярким примером организации стержневого элемента поэтического текста может послужить стихотворение современного автора Дмитрия Быкова «Хотя за гробом нету ничего...»: в нём нарисован образ человека, проблема которого переосмыслена с позиции чувственно-волевого отношения к жизни.

*«Хотя за гробом нету ничего,
Мир без меня я видел, и его
Представить проще мне, чем мир со мною:
Зачем я тут – не знаю и сейчас.
А чтобы погрузиться в мир без нас,
Довольно встречи с первою женою
Или с любой, с кем мы делили кров,
На счет лупили дачных комаров,
В осенней Ялте лето догоняли,
Глотали незаслуженный упрек,
Бродили вдоль, лежали поперек
И разбежались по диагонали.*

*Все изменилось, вплоть до цвета глаз.
Какой-то муж, ничем не хуже нас,
И все, что полагается при муже, –
Привычка, тапки, тачка, огород,
Сначала дочь, потом наоборот, –
А если мужа нет, так даже хуже.
На той стене теперь висит Мане.
Вот этой чашки не было при мне.
Из этой вазы я вкушал повидло.
Где стол был яств — не гроб, но гардероб.
На месте сквера строят небоскреб.
Фонтана слез в окрестностях не видно.*

*Да, спору нет, в иные времена
Я завопил бы: прежняя жена,
Любовница, рубашка, дом с трубою!
Как смеешь ты, как не взорвешься ты
От ширящейся, ватной пустоты,
Что заполнял я некогда собою!
Зато теперь я думаю: и пусть.
Лелея ностальгическую грусть,
Не рву волос и не впадаю в траур.
Вот эта баба с табором семьи
И эта жизнь – могли бы быть мои.
Не знаю, есть ли Бог, но он не фраер.*

*Любя их не такими, как теперь,
Я взял, что мог. Любовь моя, поверь –
Я мучаюсь мучением особым
И все еще мусолю каждый час.*

*Коль вы без нас – как эта жизнь без нас,
То мы без вас – как ваша жизнь за гробом.
Во мне ты за троллейбусом бежишь,
При месячных от радости визжишь,
Швыряешь морю мелкую монету,
Читаешь, ноешь, гробишь жизнь мою, –
Такой ты, верно, будешь и в раю.
Тем более, что рая тоже нету» [14].*

В первой строфе мы знакомимся с принципом деления пространства и времени лирическим героем, рассказывающем о «мире без меня» и о «мире со мною». Им высказана мысль о том, что, невзирая на его неверие в загробную жизнь, мир, в котором он отсутствует, вообразить ему легче, чем мир, в котором он присутствует. Причём причиной этого обстоятельства является непонимание его сегодняшней роли, жизненного предназначения («Зачем я тут – не знаю и сейчас»). Здесь автор переходит от «мира со мною» к «миру без меня»: предметом изображения становится понятие о расставании с женщиной. Описание совместной деятельности некогда влюблённых людей выписано Быковым с помощью ряда образов обыденной жизни (например, «...с кем мы делили кров», «На счет лупили дачных комаров», «В осенней Ялте лето догоняли», «Глотали незаслуженный упрек», «Бродили вдоль, лежали поперёк»), но образ расставания выражен фразой «И разбежались по диагонали», т.е. уже в первой строфе герой даёт имплицитную оценку любому расставанию с любимым человеком: это обыденное, естественное, ничем не примечательное событие.

Следующая строфа посвящена описанию атрибутов жизни женщины, которую герой некогда любил, но давно расстался. Всё, что он увидел, не похоже на былую «жизнь со мною»: другая внешность женщины («Все изменилось, вплоть до цвета глаз»), другие атрибуты дома этой женщины («На той стене теперь висит Мане», «Вот этой чашки не было при мне»), те же предметы, но уже «без меня» («Из этой вазы я вкушал повидло»). Фраза «Где стол был яств – не гроб, но гардероб» отсылает нас к державинской строке «Где стол был яств, там гроб стоит» (‘иносказательно о тесном соседстве трагического и радостного, о хрупкой, тонкой грани между жизнью и смертью’ [15]). Образ смены сквера на небоскрёб (‘воздвижение чего-л. более

значительного противовеса предшествующему») и образ фонтана слёз (символ скорби по утраченной любви (см. [16, с. 475–486]) использованы автором для того, чтобы показать отсутствие героя в нынешней жизни женщины.

В третьей строфе представлен внутренний монолог героя, в котором заключено противоречие между тем, что он желал увидеть в мире «без него», и тем, что он на самом деле увидел (его более нет в жизни женщины). Вместе с тем самолюбивое возмущение («Как смеешь ты, как не взорвешься ты / От ширящейся, ватной пустоты, / Что заполнял я некогда собою!») сменяется «мудрым равнодушием» («Зато теперь я думаю: и пусть. / Лелея ностальгическую грусть, / Не рву волос и не впадаю в траур»). В этой части текста образ возлюбленной выписан с помощью словосочетания «баба с табором семьи»: баба1 – ‘женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения)’ [17]. Следовательно, в прямой речи героя выражена его негативная оценка некогда любимой женщины, и он (в рамках данного фрагмента) обретает внутреннее успокоение, понимая, что такая, какой эта женщина стала, то, как она преобразилась за прошедшие годы, не может возродить в нём настоящие чувства («И эта жизнь – могли бы быть мои. / Не знаю, есть ли Бог, но он не фраер»).

На наш взгляд, первая часть текста заканчивается на следующих словах: «Любя их не такими, как теперь, / Я взял, что мог». В первой части представлен образ мужчины, находящего рациональное объяснение сложившимся через много лет после его расставания с любимой обстоятельствам и радующегося тому, что он не живёт в этих обстоятельствах. Данный фрагмент выражает обиденный взгляд на предмет изображения, т.е. на «жизнь без меня». Мысль эта подтверждается распространённым в нашей жизни «зеркальным мнением отверженных»: «Если я для тебя не существую, то и ты для меня умерла». Именно он, как представляется, стал смысловой основой для развития индивидуально-авторского замысла.

Далее в данной строфе разворачивается основная часть текста: «Любовь моя, поверь – / Я мучаюсь мучением особым / И все еще мусолю каждый час», – т.е. что-то в герое не может отпустить ситуацию, когда он не существует более для женщины, которая названа уже не «бабой», как в исходной части, а «любовью моей». Таким

образом, в основе данного стихотворения лежит противоречие между личным чувством к женщине и отношением женщины к герою (личная, однонаправленная любовь мужчины к конкретной женщине vs. отсутствие этого мужчины в мире женщины). «Острием» произведения выступают такие строчки: «Коль вы без нас – как эта жизнь без нас, / То мы без вас – как ваша жизнь за гробом». Следовательно, любимая женщина приравнивается к жизни вообще, а сам герой приравнивает себя к жизни любимой женщины. Правда, уже не к той жизни, в которой люди живут полноценно, а к той, которая бывает после обычной, «мирской», совместной жизни. Языковые единицы, выражающие образ гроба, выполняют функцию стержневого элемента стихотворения.

Мы попытались типологизировать хронотоп стихотворения «Хотя за гробом нету ничего...», в результате чего получили следующие компоненты: 1) «Я без тебя сейчас»; 2) «Я с тобой тогда»; 3) «Твой мир без меня»; 4) «Я – твоя жизнь». Последнее измерение как раз и представлено в ряде иллюстраций в заключительных строчках текста: «Во мне ты за троллейбусом бежишь», т.е. не желаешь расставаться, «При месячных от радости визжишь», т.е. радуешься отсутствию беременности, «Швыряешь морю мелкую монету», т.е. предаёшься беззаботности, «Читаешь, ноешь, гробишь жизнь мою», – «загробная» жизнь героя, которой он теперь живет, оказывается единственным средоточием минувшей поры в жизни, когда женщина любила героя. Именно языковые единицы, выражающие идею предельности, пограничья, являются стержневым элементом данного текста: «гроб», «гробить». Глагольная форма «гробить» (жизнь) в результате семантического сдвига становится носителем нового, индивидуально-авторского признака: ‘мучить человека его отсутствием в своей теперешней жизни’. Причем это «отсутствие» переосмыслено и отражено в тексте с помощью концепта ‘загробная жизнь’.

Итак, идею данного текста можно сформулировать следующим образом: именно в переживаниях человека, осознавшего отсутствие собственного существования в жизни некогда любимой женщины, заключено то сокровенное, чему не суждено осуществиться.

Сравнительный анализ стречневых элементов трех интерпретированных нами текстов позволяет сделать важный вывод. В стихотворении Юлии Друниной «Не встречайтесь с первою любовью...» авторское отношение к предмету изображения выражено с позиции принятия тот факта, что первая любовь может остаться неизменной, но только в том случае, если человек оставляет ее себе, не ищет ее продолжения в реальной жизни; в стихотворении Владимира Набокова «Первая любовь» отношение к предмету изображения выражено с позиции признания тот факта, что объект любви является нежелательным фигурантом жизни человека, имевшего некогда чувства к женщине, т.е. по прошествии многих лет мужчина оценивает женщину как представителя чужого для него мира; в стихотворении Дмитрия Быкова «Хотя за гробом нету ничего...» отношение к предмету изображения выражено с позиции непреодолимого конфликта между отношением героя к прежней, но сейчас изменившейся женщине и пониманием его полного отсутствия в нынешнем мире героини.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Лингвистическая инструментология – герменевтическая теория, предложенная в работах крымских функционалистов (научная школа функциональной лингвистики А. Н. Рудякова). В лингвистической инструментологии художественный текст понимается как инструмент воздействия на ценностные фрагменты индивидуальной картины мира.

2. Выделение стратифицированной типологии позиций поэтического текста позволяет интерпретатору очертить круг характерных для текста способов соотнесённости языковых средств.

3. Основным критерием определения композиционной организации поэтического текста может быть признан принцип разграничения элементов обыденной (массовой, общенародной) и индивидуально-авторской картин мира.

4. Сильными позициями текста выступают заголовок, позиция предмета изображения, позиция семантической аномалии и доминантная позиция; слабыми позициями текста выступают отсутствие заголовка (нуль-знак), позиция атрибуции предмета изображения.

5. Выявление ключевых слов не может быть произвольной лингвостилистической операцией: выбор составных частей стержневого элемента текста подчинен результатам сопоставления элементов двух когнитивных моделей, отражающих обыденный и индивидуально-авторский взгляд на предмет изображения.

6. Выявление групп соотносительных единиц из исходной и основной частей стихотворения, т.е. определение стержневого элемента текста, позволяет перейти от анализа содержательной стороны текста к его синтезу, т.е. к учету системных особенностей в организации текста как средства трансляции определенного субъективного содержания.

7. Представляется перспективным лингвопоэтическое описание художественных текстов, объединенных общностью предмета изображения и проблематикой; такого рода сравнительный анализ содержания стержневого элемента текстов позволит не только описать индивидуальный стиль каждого автора, но и дополнить его уникальную ценностную картину мира.

Перспектива данного исследования видится в обращении к функциональному описанию других текстов русских авторов с целью дальнейшей типологизации текстовых структур, а также создания наглядных моделей организации стержневого элемента.

Список литературы

1. Романова, Т. В. О содержании понятия концепт текста [Текст] / Т. В. Романова // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество—II. – Симферополь : CLC, 2000. – С. 296–300.

2. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика [Текст] / А. А. Брудный. – Москва : Лабиринт, 1998. – 336 с.
3. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система [Текст] : автореферат дис. ... докт. филол. наук. : 10.02.01 / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2001. – 34 с.
4. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика [Текст] / А. А. Брудный. – Москва : Лабиринт, 1998. – 336 с.
5. Рудяков, Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения [Текст] / Н. А. Рудяков. – Симферополь: Таврия, 1993. – 146 с.
6. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология [Текст] / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта, 2013. – 312 с.
7. Забашта, Р. В. Функциональное описание текста как инструмента регуляции (на примере стихотворения С. Поделкова «Есть в памяти мгновения войны...») [Электронный ресурс] / Р. В. Забашта // Электронный научный журнал «SCI-ARTICLE.RU», 2013. – С. 156–162. – Режим доступа: http://sci-article.ru/number/11_2013.pdf – (Дата обращения: 10.03.2017).
8. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. 1978. №4. С. 23–31.
9. Кольцова, Л. М., Лунина, О. А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме [Текст] / Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж, 2007. – 51 с.
10. Чернец, Л. В. Композиция литературного текста [Электронный ресурс] / Л. В. Чернец // Материалы международной конференции «Языковая семантика и образ мира». – 2008. – Режим доступа: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n159.htm – (Дата обращения: 09.03.2016).
11. Кольцова, Л. М., Лунина, О. А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме [Текст] / Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж, 2007. – 51 с.
12. Друнина, Ю. В. Избранное [Текст] / Ю. В. Друнина. – Москва : Художественная литература, 1979. – 397 с.

13. Набоков, В. В. Первая любовь [Электронный ресурс] / В. В. Набоков // Набоков.лит.ру. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/378.htm> – (Дата обращения: 19.09.2017).
14. Быков, Д. Хотя за гробом нету ничего... [Электронный ресурс] / Д. Быков // Аскбука литературы. – Режим доступа: <https://www.askbooka.ru/stihi/dmitrii-bykov/khotya-za-grobom-netu-nichego.html> – (Дата обращения: 19.01.2019).
15. Где стол был яств, там гроб стоит [Электронный ресурс] // Словарь крылатых слов и выражений // Академик. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3329/Где – (Дата обращения: 15.03.2015).
16. Бронштейн, А. И. Трансформация легенды Фонтана Слез [Текст] / А. И. Бронштейн // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып.1. – С. 475–486.
17. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х томах [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 2310 с.

References

1. Romanova T. V. *O Soderzhanii Ponyatiya Kontsept Teksta* [About the Meaning of Text Concept]. *Functional linguistics. Language. Culture Society II*. Simferopol: CLC, 2000, pp. 296–300.
2. Brudny A. A. *Psikhologicheskaya Germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. Moscow: Labirint Publ., 1998. 336 p.
3. Kazarin Yu. V. *Poeticheskiy Tekst kak Unikal'naya Funktsional'no-Esteticheskaya Sistema: Avtoref. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [Poetic Text as a Unique Functional and Aesthetic System]. Ekaterinburg, 2001.
4. Brudny A. A. *Psikhologicheskaya Germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. Moscow: Labirint Publ., 1998. 336 p.
5. Rudyakov N. A. *Poetika, Stilistika Khudozhestvennogo Proizvedeniya* [Poetics, the style of artwork]. Simferopol: Tavrya Publ., 1993. 146 p.

6. Rudyakov A. N. *Topory i Teksty. Lingvisticheskaya Instrumentologiya* [Axes and texts. Linguistic Instrumentology]. Moscow: Flinta Publ., 2013. 312 p.
7. Zabashta R. V. *Funktsional'noye Opisaniye Teksta kak Instrumenta Regulyatsii (na Primere Stikhotvoreniya S. Podelkova «Yest' v Pamyati Mgnoveniya Voyny...»)* [Functional Description of the Text as a Tool of Regulation (on the Example of Sergey Selikov's Poem "There are moments of war in memory ...")]. Electronic scientific journal "SCI-ARTICLE.RU", 2013, pp. 156–162. Available at: http://www.sci-article.ru/number/11_2013.pdf (accessed: 03 March 2017).
8. Arnold I. V. *Znachenie Sil'noy Pozitsii Dlya Interpretatsii Teksta* [The Value of a Strong Position for the Interpretation of Text]. Foreign languages in school. 1978. №4, pp. 23–31.
9. Koltsova L. M., Lunina O. A. *Khudozhestvennyy Tekst v Sovremennoy Lingvisticheskoi Paradigme* [The Artistic Text in the Modern Linguistic Paradigm]. Voronezh, 2007. 51 p.
10. Chernets L. V. *Kompozitsiya Literaturnogo Teksta* [Composition of Literary Text] Proceedings of the International Conference "Language Semantics and the Image of the World". Available at: http://www.old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n159.htm (accessed: 03 September 2016).
11. Koltsova L. M., Lunina O. A. *Khudozhestvennyy Tekst v Sovremennoy Lingvisticheskoi Paradigme* [The Artistic Text in the Modern Linguistic Paradigm]. Voronezh, 2007. 51 p.
12. Drunina Yu. V. *Izbrannoye* [Selected]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1979. 397 p.
13. Nabokov V. V. *Pervaya Lyubov'* [First Love]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/378.htm> (accessed: 09 September 2017).
14. Bykov D. *Khotya za grobom netu nichego...* [Although There is Nothing Behind the Coffin]. Askbuka literatury, 2006. Available at: <https://www.askbooka.ru/stihi/dmitrii-bykov/khotya-za-grobom-netu-nichego.html> (accessed: 01.01.2019).
15. *Gde Stol Byl Yastv, Tam Grob Stoit* [Where Was the Table of Food, There is a Coffin Now...]. Dictionary of winged words and expressions. Akademik. Available at:

http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3329/Где (accessed: 15 March 2015).

16. Bronshtein A. I. *Transformatsiya Legendy Fontana Slez* [Transformation of the Legend of the Fountain of Tears]. Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection. Simferopol, 1997. Vol. 1, pp. 475–486.
17. Efremova T. F. *Novyy Slovar' Russkogo Yazyka*. *Tolkovo-Slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Interpretive Word-building]. In 2 volumes. Moscow: Russkiy yazik Publ., 2000. 2310 p.

CORE ELEMENT OF POETIC TEXT AS A STRONG POSITION

Zabashta R. V.

Linguistic instrumentology is the original hermeneutic theory and practice proposed in the works of the Crimean functionalists (A. N. Rudyakov's scientific school of functional linguistics). In this area of research, an artistic text is understood as a tool for influencing the value fragments of an individual world picture. The article is devoted to the characterization of the core element in the system of other strong positions of poetic text and the illustration of the effectiveness of the functional approach to the problem of interpreting the poetic text.

The selection of a stratified typology of the positions of a poetic text can outline the range of characteristic ways of correlation of language means.

The main criterion for determining the compositional organization of a poetic text can be the principle of distinguishing elements of an ordinary, mass world picture and individually authoring.

It is necessary to distinguish the concepts of the linear part of a text (beginning, development, culmination, decoupling) and the functional part of a text (exposure and "attack", i.e. the main part). There are also typical positions of poetic text, among which we have identified such as the position of the subject of the image, performing the figurative and constitutive function, the position of attribution of the subject of the image, and the position of the semantic anomaly, performing the function of the primary means of correlating the elements of everyday and individual-author's world pictures. Further development of the author's thought is provided by the dominant position - explication of the core element components of the text.

Keyword discovery cannot be an arbitrary, baseless linguistic-stylistic operation: the choice of the constituent parts of the core element of the text is subordinate to the results of the comparison of two cognitive models reflecting the ordinary and individual author's view of the subject image.

The material of the interpretations is three poems (authors are Yu. Drunina, V. Nabokov, D. Bykov), and it illustrates the principle of identifying the elements of the mass (nationwide) and individual-author's world pictures; this correlation of language means forms the core element of a text.

It seems promising linguistic poetical description of artistic texts, united by a common subject image and issues. Such comparative analysis of the core element of the texts will allow not only to describe the individual style of each author, but also to supplement his unique value picture of the world. The prospect of this study is seen in the appeal to the functional description of other texts of Russian authors for the purpose of further typologization of textual structures, as well as the creation of visual models of the core element organization.

Keywords: poetic text, linguistic instrumentology, function, strong text position, core element of text, interpretation.

УДК 81'42

КОНЦЕПТЫ «ДОМ» И «ЛЕС» В КРЫМСКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ

Шаколо А. В.

УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
Витебск, Республика Беларусь
e-mail: aleksasch-94@yandex.by

В статье рассматриваются ключевые концепты крымских и немецких сказок, – «дом» и «лес», – с учетом как национальной специфики, так и общего, универсального в сказочных текстах. Подчеркивается фундаментальная роль концептов «дом» и «лес» в крымском и немецком сказочном дискурсе. Вместе с этим выявляется их равноценная важность для персонажей сказок, – несмотря на то, что «дом» и «лес» в сказочных текстах представляют два довольно разных мира, которые, хотя и могут пересекаться, на подсознательном уровне представляют у героев несовместимые противоположности, образующие тем не менее единство по умолчанию. Помимо прочего, делается вывод о космогонической составляющей в крымских сказках, равно как и об особой магической функции леса у немцев. Подтверждается необходимость дальнейших исследований в области сказочного дискурса, – с целью выявления как национальной специфики, так и общих элементов. Анализируются примеры волшебных, бытовых сказок, сказок-притч, приняты во внимание их особенности. Концептуальная оппозиция «дом – лес» изучается как основополагающая для дискурса крымских и немецких сказок, что нашло отражение в их текстах.

Ключевые слова: дом, лес, сказочный дискурс, крымские и немецкие сказки, концепт.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области дискурсивного анализа текста в последнее десятилетие становятся все более актуальными. Именно поэтому, следует полагать, во введении к своей монографии «Основы теории дискурса» М. Л. Макаров отмечает, что категория дискурса для социальных наук столь же значима на сегодня, как евро для экономики Старого Света [8, с. 11].

Важно учитывать следующий факт: дискурс не может уподобляться ни фразе, ни языку, ни тексту, ни высказыванию, несмотря на то, что между всеми этими понятиями существует неразрывная связь. Идентифицироваться с фразой дискурс не может, будучи единством сверхфразового уровня, в случае с текстом наблюдается та же ситуация: «...Несмотря на то, что дискурс нередко определяется через текст, данные понятия не идентичны. Дискурс – важнейший момент жизни в языке, то, что Б. М. Гаспаров назвал „языковым существованием“...» [9, с. 43].

В случае с таким видом дискурса, как сказочный, нельзя утверждать, что он может быть полностью истолкован посредством «коллективного бессознательного», роль которого все же не стоит недооценивать: «Разграничивая уровни социального, регулярного надсознания и личностного, „импровизационного“ сверхсознания, не следует жестко привязывать мыслительную деятельность индивида к импровизации, а коллективное сознание только к уровню регулятивной игры» [1, с. 261]. В нашем исследовании дискурс крымских и немецких сказок изучается с позиции как общих, универсальных характерных черт, так и национальной специфики.

Целью предлагаемой статьи является изучение ключевых концептов крымского и немецкого сказочного дискурса на материале сказок, записанных на территории Крыма и Германии соответственно.

В качестве методов исследования послужили описательный, сравнительно-сопоставительный, метод дискурсивного анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Важнейшими элементами любой сказки являются завязка и развитие действия. Если завязка происходит, как правило, дома, то приключения, опасность и все необычное ожидает героев чаще всего в лесу. Именно «дом» и «лес» мы считаем ключевыми и основополагающими концептами большинства сказок, по причине чего и будем рассматривать их раскрытие в крымском и немецком сказочном дискурсе на конкретных примерах.

Перед тем как рассмотреть оба концепта в сказочных текстах, сравним лес и дом как универсальные символы сказочного дискурса.

В «Словаре символов» Х. Э. Керлот описывает лес следующим образом: «Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой матери. <...> Лес также рассматривается как символ бессознательного. Циммер подчеркивает, что в противоположность городу, дому и обрабатываемой земле <...>, лес дает приют всевозможным опасностям... Поэтому леса в первую очередь были местом культов богов, а умиляющие жертвы подвешивались на деревьях (дерево в этом случае – эквивалент жертвенного столба)» [5, с. 289].

На основе подобного толкования леса можно сделать вывод о том, что лес – воплощение хаоса. Он может символизировать женское начало, а также бессознательное. В сказках важен принцип «все или ничего», и вся сюжетная канва пронизана упорной борьбой за первое, во имя восстановления нарушенного миропорядка.

Теперь обратимся к описанию Х. Э. Керлотом архетипа «дом»: «Мистики традиционно представляли женский аспект мироздания в виде груди, дома, стены, огражденного сада. Другая символическая связь существует между домом (а также вышеупомянутыми формами) и хранилищем мудрости, т. е. традиции самой по себе. <...> ...Прежде всего дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью (т. е. жизнью) человека... А. Тейяр поясняет это тем, что образ дома во снах представляет собой различные уровни (души)» [5, с. 179–180].

На основе двух толкований леса и дома можно сделать вывод об их тесной взаимосвязи при абсолютно разных функциях. Если дом – модель самого человека, хорошо знакомая ему и вызывающая, как правило, устойчивые ассоциации с понятием космоса в значении, которое вкладывали в него еще древние греки, то лес – воплощение хаоса. Он может символизировать, как было отмечено выше, женское начало, бессознательное, хаотичное. Если же обратиться к древнекитайской натурфилософии, одним из постулатов ее является обозначение женского начала Инь как тождественного земле, Луне, покою. Несмотря на то, что субстанция Инь – холодная, темная, негативная – именно она вносит гармонию в наш мир, дополняя Ян: противоположные начала уравнивают друг друга [3, с. 64]. Этим и объясняется множество сказочных сюжетов, сочетающих житейское понимание мира с древнейшими знаниями наших предков: герой переходит из одного состояния в другое, преображается, проходя испытания.

Большое число смыслов, связанных с домом, встречаем в «Словаре поэтических образов» Н. Павлович, причем их значительная доля приходится на сравнение дома с человеком, в некоторых случаях дом отождествляется с матерью; есть также метафора, восходящая к Библии и подтверждающая сакральное, спасительное значение дома: дом – ковчег [9, с. 526–529]. У С. А. Есенина: «Низкий дом без меня

ссутулится»; у Н. А. Клюева: «...Улыбается мать-изба»; пословица «Своя хатка – родная матка», «Вот скромный дом, ковчег воспоминаний славных!..» – у П. А. Вяземского. На основе данных примеров делаем следующий вывод: как в индивидуально-авторской, так и в фольклорной картинах мира дом ассоциируется не только с теплом очага и защищенностью, но и с человеком, представителем рода в целом или, что еще существеннее, – с матерью.

В качестве наглядных подтверждений наших рассуждений рассмотрим примеры, взятые непосредственно из сказок, собранных в Германии и в Крыму.

Сказка братьев Гримм «Лесной домик» рассказывает о сестрах, по очереди отправленных матерью в лес: каждая из них должна была принести обед отцу, но ни одной это не удалось – заблудившись в лесу, девушки приходили одна за другой в лесной дом. Старшая и средняя сестры не накормили животных, за что их заперли в погребу, в то время как младшая была добра со всеми, жившими в доме. За свою доброту героиня вознаграждена искренней любовью принца: «Заклятье должно было длиться до тех пор, пока придет к нам девушка, добрая сердцем, и не только к людям, но и к животным ласковая» [2, с. 552]. Лесу здесь уделяется особое внимание: дворец располагался в лесу, жена дровосека туда же отправляет дочерей, в наказание сестры должны работать у угольщика в лесу.

Очевидно, отношение к лесу в немецких сказках довольно мягкое, пусть и допускается его негативное влияние из-за наличия некоторых угроз, что не препятствует поискам и обретению протагонистами там своего счастья; лес может стать домом для положительных героев, в то время как злодеев не спасут даже родные стены. Мы наблюдаем переплетение концептов «дом» и «лес» в одном сюжете.

В немецкой сказке «Король-лягушонок, или Железный Генрих» местом, куда ходила играть главная героиня, был лес: «Близ королевского замка раскинулся большой дремучий лес...» [2, с. 13]. И там же находился колодец, у которого королевская дочь встречает зачарованного королевича в образе лягушонка. То есть лес из зловещего места в данном антураже превращается в исходную точку для приключений, загадочную и притягательную. Замок же, по сути, дом принцессы,

упоминается лишь в качестве места, где она родилась и проживала на момент действия, но существенной роли в данной сказке не играет.

В сказке «Ранец, шапочка и рожок», записанной Я. и В. Гримм, трое братьев попадают в три леса. В первом была гора из серебра, во втором – из золота, в третьем же, самом необъятном, до которого добрался лишь наиболее настойчивый, младший брат, можно было обрести волшебные артефакты: скатерть-самобранку, ранец, шапочку и рожок: «И пошел дальше, и шел целых три дня; тут уж зашел он в лес, который был еще обширнее всех предшествовавших, и не было ему ни конца, ни края...» [2, с. 211]. Как раз найденные или выменянные именно в этом лесу волшебные предметы и помогли протагонисту в итоге сначала жениться на королевской дочери, победить всех врагов и предателей, а впоследствии и самому взойти на престол. Дом же упоминается в основном в связи с возвращением туда того или иного персонажа: «Он набрал серебра столько, сколько мог снести, затем свернул с дороги и воротился домой» [2, с. 210]. Разумеется, в данном случае возникают ассоциации с уютом и материальным благополучием, а также дает о себе знать связь человека с родным ему местом, хотя все это, скорее, подразумевается, нежели открыто подается читателю в немецких сказках. Действие здесь развивается по большей части за пределами дома.

Местом, полным удивительных чудес, в противовес обыденному, пусть и заведомо уютному и комфортному дому, предстает лес и в сказке «Певчий попрыгун-жаворонок», в которой младшая дочь попросила отца привезти ей в качестве подарка одноименную птицу: «Дорога его шла лесом, и среди того леса стоял прекрасный замок; а около замка росло дерево, и на самой его верхушке пел и попрыгивал львиный жаворонок» [2, с. 322]. Если жемчуга и бриллианты для старшей и средней дочерей главный герой приобрел без затруднений, то диковинного жаворонка он смог отыскать, уже отчаявшись, лишь в лесу.

У немцев, как видим, отношение к лесу не столь негативное, объяснение чему можно найти в историко-культурных предпосылках, веками оказывавших влияние на формирование немецкого менталитета. В трудах Тацита отмечается следующее: «Германские племена живут не в привычных для римлян поселениях городского

типа, а, напротив, в небольших деревнях с окружающим их свободным пространством» [15]. Становление германцев было сопряжено с лесной местностью, отсюда, вероятно, и отсутствие явно негативных коннотаций в случае с концептом «лес»: он в некоторой степени является вторым домом для будущих воинов либо их верных спутниц.

В сказках, записанных на территории Крыма, дом (в разных ипостасях) упоминается в качестве уютного очага либо места развития событий. Так, в «Сказке о блудливом кадии» о доме говорится при попытке соблазнения замужней женщины антигероем: «Отчего ты не позовешь меня к себе, когда муж твой уезжает из дому?» [6]. И далее, когда протагонистка мнимо сокрушается, желая привести в отчаяние незадачливого «любовника»: «Он застанет чужого мужчину в своем доме!» [6].

Несмотря на то, что данная сказка бытовая, а не волшебная, и в ней преобладает сатирическая составляющая, можно с уверенностью сказать: роль дома в данном случае очень важна, так как отрицательный персонаж проявляет смелость, только когда дома нет супруга главной героини, а затем по ее восклицанию можно понять, каков ужас столкновения «своего» с «чужим» (контраст «свой дом – чужой мужчина»), а также оппозиция «свой – чужой» как таковая в целом).

Отметим, что важно учитывать влияние русского фольклора на сказки крымских татар, о котором справедливо замечает в своей книге «Крымскотатарская литература» Л. С. Юнусова: «Сопоставление крымскотатарских сказок с русскими показывает, что немалая их часть совпадает не только по сюжету, но и по содержанию. Их сходство во многих случаях объясняется взаимовлиянием и взаимообогащением» [14, с. 15]. Далее исследователь приводит цитату В. Г. Белинского о двух «родах» русских сказок с точки зрения этимологии – богатырских и сатирических; причем, что касается первого, великий русский критик относит данный вид сказок к заимствованным у Востока или Запада. Более того, все восточные сказки, по его мнению, отличны своим чисто татарским происхождением, а русский человек впоследствии пересказывал услышанную от татарина сказку по-своему, с «русскими понятиями, русским взглядом на вещи и русскими выражениями» [14, с. 15–16]. В то же время Л. С. Юнусова говорит и о

заимствовании татарами русских сюжетов, примером чему могут послужить такие татарские сказки, как «Похороны козла», «Мужик и барин», которые можно отнести к творческим переводам русских аналогов. Подтверждением тому служит наличие в татарских сказочных текстах русских слов, равно как и бытового фона, не свойственного жизни крымских татар [14, с. 16].

В крымской волшебной сказке «О лисе и Беш-Салкым-бее» уже лес выступает полноценным местом действия: «На пути домой пришлось мудрому лису бежать по лесу, и напали на него охотники с собаками. Спасаясь от погони, попал Тильки в страшную чащу и увидел там в камнях пещеру» [6]. Далее мудрый лис оказывается в подземном царстве, вход в которое находился, как видим, в лесу, – более того, именно там, в пещере, лис увидел Аждагу: «огромное чудовище ужасного вида с семью головами, в пастях которых могло поместиться по сорок барашков, <...> это был Аждага – страшный властелин подземного мира, гроза земных царей» [6].

Следовательно, по сравнению с лесом в немецком сказочном дискурсе, лес в крымской сказке намного опаснее, вместе с тем он идеально подходит для инициации, составной частью которой является змеборчество, то есть в данном случае победа над подземным чудовищем. Примечательно прохождение инициации в данной сказке не человеком, а лисом, своей мудростью и смекалкой не уступающим не только древнерусским молодцам или героям немецкого фольклора, но и древнегреческому Одиссею.

Иной важный аспект, который обращает на себя внимание в тексте данной сказки, заключается в преобразении дома: по мере развития событий сакля превращается в роскошный дворец. Затем антигерой вновь остается ни с чем, так как, вопреки своему обещанию, не проявляет должного почтения к лису (ср. сказку, записанную братьями Гримм «О рыбаке и его жене», и тот же сюжет, но уже в художественной обработке А. С. Пушкина – «Сказка о рыбаке и рыбке»): «И не успел Беш-Салкым-бей опомниться, как Тильки исчез, а роскошный дворец на глазах изумленного чабана превратился в ветхую саклю с полузасохшей лозой над дверью» [6]. Следовательно, концепт «дом» здесь представлен в двух ипостасях – ветхая сакля и прекрасный дворец, и хозяин дома сам виноват в том, что его жилище из

роскошного дворца вновь превратилось в неприглядную саклю – вполне типичный для всего мирового фольклора мотив.

Более того, по словам С. Д. Коцюбинского, крымского ученого-этнографа, научного сотрудника Алушкинского дворца-музея в 1932–37 гг., образ лиса вовсе не случаен в сказках крымских татар: «В сказках о Хаджи Тильки и правоверных пилигримах главный персонаж напоминает нам Рейнеке-Лиса романских фавль» [12, с. 14]. Далее исследователь отмечает, что данный персонаж мог быть занесен в Крым генуэзскими купцами, но с оговоркой: «...Прочтите сказку, и Вы увидите, что Лис приобрел местные черты, и сказка сделалась памфлетом на специфически мусульманский институт хаджи, имевший широкое распространение в Крыму» [12, с. 14]. Вероятно, ироническая составляющая сказки свидетельствует о плавном переходе от фантастических сюжетов к социально-бытовым.

В другой сказке, записанной в Крыму («Сказка о грозном хане и Лухман-Хекиме»), мудрый целитель Лухман-Хеким после долгих лет заточения не желает сразу же возвращаться в город, во дворец хана: «”Но прежде чем явиться к хану, – сказал он, – должен я провести сорок дней в уединении, вдали от городского шума”» [6]. Как видим, имеет место явное противопоставление дома деревне, хижине – дворцу (далее): «И удалился Лухман-Хеким в хижину одного бедняка и провел там сорок дней в размышлении. Когда же наступил сорок первый день, пришли от хана посланцы и повели мудреца во дворец» [6].

Судя по всему, хижина, по логике сказки, дарует мудрость и уют, в то время как дворец, несмотря на роскошь убранства и очевидное, неоспоримое величие, выступает лишь как место испытания для главного героя, но никак не поиска им гармонии в мире и самом себе. В итоге, именно во дворце впоследствии происходит сцена исцеления хана и его изменение в духовно-нравственном плане, что характерно не столько для волшебных сказок, сколько для притч, но тем не менее подчеркивает роль дома в крымском сказочном дискурсе довольно однозначно.

В сказке «О хаджи Тильки и правоверных пилигримах» лес становится местом встречи животных, отправившихся в паломничество в Мекку (петух, курица, индюк, гусь и утка) с упомянутым выше лисом Тильки в одежде хаджи. Лес предстает в

качестве места обитания этого хитрого, плутоватого персонажа крымских сказок: «Обрадованный лис тотчас же присоединился к путешественникам и начал обдумывать, какую бы хитростью заманить их в свою нору» [6]. Так, в данной сказке он является явным антагонистом, хитростью заманившим животных в свое жилище. В дальнейшем он съедает всех, кроме мнительного петуха, который спасся, оставшись на ночь во дворе, на дереве. Следовательно, дом в данной сказке не спасает пилигримов от коварного лиса, так как это его пространство, которое он и выбрал для расправы. Лес также является его большим домом, – только там чувствует он себя в безопасности, в своей стихии, укрываясь от охотников: «И, не дожидаясь ответа петуха, добродетельный хаджи с такой быстротой устремился в чащу леса, что только его там и видели» [6]. Очевидна также тонкая ирония сказочного текста, именуемая лиса добродетельным, – отсылка на тот факт, что антагонист сам убедил своих жертв в том, что иного выхода, кроме как быть съеденными им же, у них не остается по причине отсутствия документов: «”Так как документов у вас нет и вас все равно повесят, то не лучше ли будет, о, правоверные, если я вас, да продлит Аллах ваши дни, съем и, тем самым, спасу от неугодной Богу смерти”» [6]. Лис, таким образом, вызывает противоречивые чувства, будучи одновременно и красноречивым оратором с даром убеждения, и хитроумным злодеем.

В «Сказке о сорока плешивых и одном косом» главный герой, трикстер Косой, находит в лесу свою зарезанную корову после того, как сорок плешивых пастухов заподозрили его в обмане: «Рассердились плешивцы еще больше, да и прирезали эту корову. Когда Косой обнаружил пропажу, пустился он на поиски и к вечеру нашел свою корову в лесу зарезанной» [6]. То есть лес служит местом для расправы или сокрытия следов злодеяний в данной сказке. Общеизвестен факт принесения жертвоприношений в лесах в дохристианские времена, что, возможно, могло найти отражение в данной крымскотатарской сказке. Далее пастухи после очередной уловки главного героя желают расправиться уже с ним, но, чтобы отложить час возмездия, персонаж советует им сходить в лес за дубинками (якобы с целью ужесточения наказания для себя самого): «Сорок глупцов нашли совет косого столь благоразумным, что тотчас же отправились в лес за дубинками, оставив хитреца

лежать в мешке» [6]. В данном фрагменте лес используется уже Косым – для обмана и спасения собственной жизни. В итоге он действительно выигрывает время и меняется с купцом местами, пообещав тому, что сейчас придут люди и сделают его падишахом. Как видим, лес может выполнять и спасительную функцию в некоторых случаях, что, однако, является, скорее, исключением, так как и главный герой данной сказки далек от положительного образа – больше он напоминает лиса Тильки в человеческом облике.

В рамках дискурса крымских и немецких волшебных сказок уместно провести параллель между крымскотатарским лисом Тильки и Рейнеке-Лисом, о сходстве и преемственности между которыми справедливо упоминал процитированный нами выше С. Д. Коцюбинский. Лис Тильки выступает в образе хаджи («О хаджи Тильки и правоверных пилигримах»), обманом погубившего невинных животных-пилигримов, либо дарителя («О лисе и Беш-Салкым-бее»), который помог чабану стать знатным беем, а затем отнял у него все, так как тот не сдержал своего обещания и допустил nepозволительную дерзость по отношению к своему покровителю. Что касается Рейнеке-Лиса, впервые он встречается в произведениях т. н. животного эпоса Средневековья. Имеют место нидерландские, верхненемецкие, французские, латинские версии, – «все они объединены хитрецом, обманщиком и лицемером Рейнеке-Лисом» [11]. Следовательно, Рейнеке-Лис в рамках дискурса средневековой городской литературы – целиком и полностью отрицательный персонаж, олицетворение людских пороков, способный примерять множество масок, оставаясь при этом подлым и коварным, но хитроумным злодеем. В дискурсе же крымских сказок лис Тильки – не всегда злодей; он может быть и справедливым дарителем, наказывающим лишь при необходимости. На основе вышесказанного можем утверждать о проявлении национальной специфики посредством образа лиса в крымскотатарском фольклоре при сохранении общих, универсальных черт, свойственных также и славянским сказкам (ср. хитрую антагонистку лису в русских сказках о животных).

В волшебной «Сказке о Кичкинэ» вновь появляется чудовище Аждага, с которым борется протагонист, крымский аналог мальчика-с-пальчика, само

появление которого происходит благодаря тому, что главный герой с женой из жалости к многодетной цыганке оставляют ее с детьми у себя дома на ночлег: «Забрал он нищенку вместе с ее выводком и повел к себе в саклю... Хоть и испугалась жена этой оравы, но была она с добрым сердцем и оставила семью цыганки в своем доме» [6]. Та, узнав, что семейная пара мечтает хотя бы об одном ребенке, там же благодарит их необычным образом, – так, что в результате волшебства у главных героев появляется сразу сорок маленьких детей. От них радушные хозяева по причине большого количества сразу же отказываются, но одному из сыновей, Кичкинэ, удается спрятаться от цыганки и остаться в доме своих фактических родителей. Итак, дом в данной сказке выступает местом, в котором человек может проявлять как милосердие, так и малодушие, а также местом волшебства.

Примечательно, что сорок маленьких человечков цыганка заколдовала с помощью яйца: «Выпроси у соседки куриное яйцо и дай мне сделать над ним заклинания. А когда муж твой вернется домой, брось это яйцо правее его в стенку. И ты увидишь, что желание его будет исполнено». Хозяйка так и сделала. Едва только муж переступил порог, она бросила в стенку заколдованное яйцо, и, – о чудо! – из яйца, как из решета, высыпались один за другим сорок маленьких, как зерна, человечков» [6].

Данный фрагмент несколько напоминает мифы о Пань-гу – ключевом персонаже древнекитайской мифологии, появившемся из яйца и отделившего Инь от Ян, то есть, по сути, сотворившего мир, в связи с чем М. В. Пименова упоминает этого демиурга, анализируя русскую сказку «Курочка Ряба»: «Китайский первопредок Пань-гу, зародившийся в космическом яйце, рассек его на две части: Землю и Небо. Чистейшая космогония – наша сказка о Курочке...» [10, с. 48]. Более того, там же [10, с. 48] исследователь отмечает связь данной космогонии с «Калевалой», финским эпосом, и приводит отрывок из первой руны: «Из яйца, из нижней части, / Вышла мать земля сырая; / Из яйца, из верхней части, / Встал высокий свод небесный...» [4, с. 40]. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что сюжет вышеназванной крымской сказки перекликается с космогонией не только «Курочки Рябы», но и древнекитайских мифов, а также финского эпоса. Не менее важно, что именно дом

выступает непосредственным местом действий подобной космогонии, что не может являться случайностью и лишь в очередной раз подчеркивает важность данного концепта в сказочном дискурсе Крыма.

Необходимо также отметить, что, помимо сказок крымских татар, а также элементов русского сказочного дискурса, на территории крымского полуострова как уникального, мультикультурного пространства имеют место также сказки местных цыган, исследованию которых посвящен труд В. Г. Торопова «История и фольклор крымских цыган». Так, по мнению автора, в основе цыганской сказки «Три брата» – сюжет множества русских сказок о Слепом и Безногом: «слуга помогает царевичу жениться, но жена-богатырша отрубает ноги слуге, узнав об обмане; Безногий находит Слепого, они помогают друг другу, затем их исцеляет колдунья, и они выручают царевича, укрощая царевну» [13, с. 30]. При этом исследователь обращает внимание на изменение сюжета в цыганском варианте данной сказки: отрубание ног подстроил молодой царевич (мстительный соперник Безногого, который приехал свататься к царевне, но опоздал). В дальнейшем Безногий получает от Царя в подарок сапоги-скороходы, тот в лесу встречает братьев – Чешущегося и Слепого. Там же, в лесу, трое героев находят ведьму, которая их исцеляет, после чего ее убивают в наказание за злодеяния [13, с. 30]. В итоге царевну укрощают, – как и в русском варианте. Роль концепта «лес» в данном контексте неоднозначна – это и убежище, место отшельничества, где герои встречаются друг друга, находят ведьму, заставляют ее исцелить их, а после убивают (место встречи и расправы). В развитии сюжета лес играет решающую роль, так как именно здесь традиционно происходит инициация персонажей, и сказочный дискурс крымских цыган не является исключением в данном отношении.

В. Г. Торопов также утверждает следующее: учитывая тот факт, что культурные и духовные связи между татарами Крыма и цыганами Крыма в 1944 г. были прерваны, цыганский фольклор, находившийся тогда под влиянием татарского и мусульманского в целом мира, попадает под влияние русского, и восточнославянского фольклора соответственно; при этом происходит дополнение старых татарских сказок сюжетными линиями русского фольклора, что не исключает

возможности «оцыганивания» сказочных текстов [13, с. 30]. В уже упомянутой нами сказке «Три брата» главные герои получают цыганские имена-прозвища, – свидетельство выражения национальной специфики того или иного этноса посредством сказочного дискурса, выделяя его среди других. Поликультурная среда Крыма служит хорошим подспорьем как для универсальных черт, так и присущих лишь конкретному народу, что отчетливо проявляется в текстах сказок.

ВЫВОДЫ

Таким образом, концепты «дом» и «лес» являются основополагающими составляющими крымского и немецкого сказочного дискурса. Несмотря на локальную специфику, они подчеркивают одинаковую важность для героя как дома, где он родился и вырос, так и леса, полного опасностей, угроз и неизвестности, но необходимого для прохождения инициации в крымских и немецких сказках. Важна также космогоническая составляющая, которая реализуется непосредственно в доме, – месте действия крымских сказок, как и особая магическая функция леса у немцев.

На основе всего вышесказанного, можем с уверенностью утверждать о необходимости и особой важности дальнейших исследований в области сказочного дискурса, – для выявления как национальной специфики, так и общих черт в сказках народов мира, являющихся кладезем народной мудрости, дошедшей до нас спустя многие века человеческой истории и не утратившей своей актуальности в по сей день.

Список литературы

1. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
2. Гримм, Я., Гримм В. Полное собрание сказок и легенд в одном томе. / Отв. ред. Е. Назарова. – М.: Издательство «Э», 2018. – 832 с.
3. Древний мир. / Под ред. К. В. Купченко. – Смоленск: Русич, 2002. – 128 с.
4. Калевала. / Под ред. И. Щербаковой. – М.: Художественная литература, 1977. – 586 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 12).
5. Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

6. Легенды и сказки Крыма. // <http://allskazki.ru/world/krim> (дата обращения: 15.03.2019).
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
9. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – Т. 2. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 869 с.
10. Пименова М. В. Языковая картина мира. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 106 с.
11. Рейнеке-Лис. // <https://gufo.me/dict/litheroes/РЕЙНЕКЕ-ЛИС> (дата обращения: 18.03.2019).
12. Сказки и легенды татар Крыма. / Под ред. Я. П. Бирзгала. – Симферополь: ГОСИЗДАТ КРЫМ. АССР, 1936. – 376 с.
13. Торопов В. Г. История и фольклор крымских цыган. – М.: Ин-т наследия, 2004. – 88 с.
14. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 349 с.
15. Die Germanen – die Erben Roms // <http://www.ahlbacher.info/germanena.htm> (дата обращения: 15.03.2019).

References

1. Borbot'ko V. G. *Principy Formirovaniya Diskursa: Ot Psiholingvistiki k Lingvosinergetike* [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguistic Synergetics]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 288 p.
2. Grimm, J., Grimm W. *Polnoe Sobranie Skazok i Legend v Odnom Tome* [Complete Collection of Fairy Tales and Legends in One Volume]. Edited by Ye. Nazarova. Moscow: E Publ., 2018. 832 p.
3. *Drevnij Mir* [Ancient World]. Edited by K. V. Kupchenko. Smolensk: Rusich Publ., 2002. 128 p.

4. *Kalevala* [Kalevala]. Edited by I. Shcherbakova. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1977. 586 p. (Library of World Literature. Series 1. Volume 12.)
5. Cirlot J. E. *Slovar' Simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: REFL-book Publ., 1994. 608 p.
6. *Legendy i Skazki Kryma* [Legends and Fairy Tales of Crimea]. Available at: <http://allskazki.ru/world/krim> (accessed 15 March 2019).
7. Makarov M. L. *Osnovy Teorii Diskursa* [Theoretical Framework of Discourse]. Moscow: Gnozis Publ, 2003. 280 p.
8. Maslova V. A. *Sovremennye Napravlenija v Lingvistike: uceb. posobie* [Modern Trends in Linguistics: study book]. Moscow: Akademija Publ., 2008. 272 p.
9. Pavlovich N. V. *Slovar' Poeticheskikh Obrazov: v 2 t.* [Dictionary of Poetic Images: in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow: Editorial URSS Publ, 2007. 869 p.
10. Pimenova M. V. *Jazykovaja Kartina Mira* [Linguistic World Image]. Saint Petersburg: SPbU Publ., 2011. 106 p.
11. *Rejneke-Lis* [Reynard the Fox]. Available at: <https://gufo.me/dict/litheroes/РЕЙНЕКЕ-ЛИС> (accessed 15 March 2019).
12. *Skazki i Legendy Tatar Kryma* [Fairy Tales and Legends of the Crimean Tatars]. Edited by J. P. Birzgal. Simferopol: GOSIZDAT KRYM. ASSR Publ., 1936. 376 p.
13. Toropov V. G. *Istorija i Fol'klor Krymskih Tsygan* [History and Folklore of the Crimean Gypsies]. Moscow: Heritage Institute Publ., 2004. 88 p.
14. Junusova L. S. *Krymskotatarskaja Literatura* [Crimean Tatar Literature]. Simferopol: DOLJA Publ., 2002. 349 p.
15. *Germans – the Heirs of Rome*. Available at: <http://www.ahlbacher.info/germanena.htm> (accessed 15 March 2019).

**CONCEPTS “HOUSE” AND “FOREST”
IN CRIMEAN AND GERMAN FAIRY TALES**

A. V. Shakola

The article deals with key concepts of Crimean and German fairy tales, “house” and “forest”, taking into account both national specifics, and the general, universal in fairy-tale texts. The fundamental role of concepts “house”

КОНЦЕПТЫ «ДОМ» И «ЛЕС» В КРЫМСКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ...

and “forest” in Crimean and German fairy-tale discourse is emphasized. Besides, their equivalent importance for characters of fairy tales comes to light, – in spite of the fact that “house” and “forest” present in fairy-tale texts two extremely different worlds, which, though can be crossed, represent the incompatible contrasts in character’s minds at the subconscious level forming nevertheless unity by default. In addition, the conclusion about a cosmogonic component in the Crimean fairy tales, as well as about special magic function of the forest in German ones is drawn. Need of further researches in the field of fairy-tale discourse – for the purpose of identification of both national specifics, and the general elements – is confirmed. Examples of wonder stories, domestic tales, parables are analyzed, their features are taken into account. The conceptual opposition “house – forest” is studied as fundamental for a discourse of Crimean and German fairy tales that was reflected in their texts.

Keywords: house, forest, fairy-tale discourse, Crimean and German fairy tales, concept.

4. РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.512.31:81'373.21

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ЖАМСАРАНОВА Р. Г. ОЙКОНИМЫ ХОРИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ:

МОНОГРАФИЯ. – ЧИТА: ИЗД-ВО ЗАБГУ, 2017. – 274 С.)

Супрун В. И.

**ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»,
Волгоград, Россия
e-mail: suprun@vspu.ru**

В статье рецензируется книга профессора Забайкальского государственного университета Р.Г. Жамсарановой, посвящённая анализу топонимов из архивного документа «Ведомость об инородческом населении Хоринской степной думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 года. Автор делает вывод, что буряты вобрали в свой состав самоедоязычные, угроязычные, тюркоязычные и тунгусо-маньчжуроязычные народности, в результате был сформирован бурятский язык, в лексическом фонде которого присутствует заимствованная лексика. Исследуя топонимический материал, Р.Г. Жамсаранова делает вывод, что хори-буряты жили на территории современной Бурятии и Забайкальского края испокон веков. В рецензии высоко оценивается труд забайкальского ономастолога, при этом особо определяется, что рассмотренный материал может быть использован для глоттохронологических выводов. В рецензии уточняется этимология топонимов Брянь, Брянка.

Ключевые слова: Забайкалье, монография, топоним, этимология, буряты, Степная дума, улус, архивный документ, глоттогенез, заимствования.

Доктор филологических наук, профессор Раиса Гандыбаловна Жамсаранова, член редколлегии журнала «Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки», является известным специалистом в области монгольской, бурятской и тунгусо-маньчжурской ономастики. В 2011 году она защитила докторскую диссертацию «Концептосфера средневековой монгольской этнонимии» [10], ею

опубликовано 5 монографий и более 200 научных статей по проблемам региональной ономастики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа текста. Рецензируемая монография продолжает исследование топонимии Забайкалья, начатое в предшествующих изданиях [7; 8; 9]. В основу исследования положен архивный документ «Ведомость об инородческом населении Хоринской степной думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 года, хранящийся в Государственном архиве Забайкальского края (ф. 19, оп. 1, д. 86). Впервые автор обратился к этому документу в 2001 году при написании кандидатской диссертации «Топонимия Восточного Забайкалья» [6]. В новой книге Р.Г. Жамсаранова осуществляется комплексное изучение системы местной географической терминологии бурятского языкового ареала в списке названий улусов Хоринской степной думы. По мнению автора, «изучение терминологии в топонимике является ключевым при установлении семантического значения термина и поисков возможной этимологии топонима» (с. 4; здесь и далее в круглых скобках приводится номер страницы монографии).

Документ отражает топонимическое освоение территории Забайкалья Российской империей в XVII–XIX веках. Инородческое население Хоринской степной думы в документе включено в крестьянское сословие, улусы определены переписчиками как крестьянские селения. Всего в 596 селениях проживало 51385 жителей крестьянского сословия обоего пола. Кроме того, в селениях, станицах и посёлках Грязнухинском, Вершиноудинской, Анинском, Онинском, Карымском, Кульском, Тынгырболдотском и Новоспасском проживало 333 человека (в документе – 334 души), не относящихся к крестьянскому сословию. Автор предполагает, что это были разного рода приказчики, торговые люди, почтовые и станционные служащие, учителя приходских школ, а также священнослужители. В крупных селениях-улусах действовали экономические хлебные магазины, почтовые станции, почтовые и телеграфные отделения, училища, церковно-приходские школы, церкви и дацаны (с. 4).

В монографии делается попытка соотнести названия 1897 года с современными топонимами, что оказалось трудоёмким и сложным видом работы. Помощь своему

руководителю оказала аспирант Е.Ч. Дыжитова, которая участвовала в оформлении таблицы, представленной в первой главе, и соотнесла терминологическую лексику из архивного документа с данными словаря старописьменного монгольского языка К. Ф. Голстунского [3].

Первая глава получила названия по исследуемому архивному документу – «Ведомость об инородческом населении Хоринской степной думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся». Первая её часть оформлена в виде таблицы, в которой приведены количественные данные о народонаселении в каждом поселении, численности дворов, наличии государственных учреждений, заведений и управлений местного значения, а также указан современный топоним и приведена этимологическая справка о языковом происхождении и значении названия. Такое расположение позволяет проследить взаимоотношения названия улуса или поселения XIX века и современного топонима, проанализировать возможные этимологии географических названий. После таблицы автор даёт обстоятельные комментарии к топонимам с неоднозначным семантическим значением. Из таблицы выписывается в отдельную часть апеллятивная лексика терминологического происхождения, которая позволяет сделать серьёзные глоттогенетические выводы.

В современной лингвистике наиболее общепринятой считается европейская концепция прародины уральцев, по которой она располагалась между средней Волгой и Уралом [18, с. 146-148; 13, с. 712, 715]. Венгерский уралист и самодолог Петер Хайду (1923-2002) на основании анализа прауральских и прафинноугорских названий деревьев локализовал уральскую прародину в Западной Сибири [18, с.155–164]. В монографии Р. Г. Жамсарановой обнаруживаются этимоны топонимов Восточного Забайкалья в финно-угорском (2 единицы), финском (3), бесермянском (2), хантыйском (16), ненецком (22), селькупском (15) языках. И хотя некоторые из них относятся лишь к одной из этимологических версий наименования, в целом их количество и языковое разнообразие заставляет задуматься о возврате к гипотезе учёных XIX века (Ф. И. Видемана, М. А. Кастрена и др.), искавших прародину уральцев в Саянах и на Алтае (см.: [4, с. 31]), где у них могли быть

контакты с народами алтайской семьи. Возможно, прародину уральцев следует искать ещё далее на востоке – за Байкальским озером. Достаточно убедительна в монографии, например, этимология гидронимов в Восточном Забайкалье *Сулхора*, *Солхорон-гол*, *Зун-Сулхора*, *Барун-Сулхара*, в которых обнаруживается финский этимон *suulhaaga* ‘рукав (реки)’ (с. 169). О наименованиях Восточного Забайкалья с угро-самодийскими топоформантами говорит Т. В. Федотова [17, с. 21].

К числу явно русских названий Восточного Забайкалья исследовательница относит, наряду с Беклемишевым, Новоспасским, Новоандреевским, Грязнухинским, топоним *Брянь* (с. 6), который в топонимиконе представлен в формах *Брянка*, *Усть-Брянь*, *Старая Брянь*, *Новая Брянь*. Видимо, впервые связал этот топоним с названием русского города Николай Гаврилович Спафарий, который 23 сентября 1675 года записал в своём дневнике: «На той же стороне деревня Брянских селенгинских казаков от проток 6 вёрст, и под деревней речка. И в тех же заимках во всех хлеб пашут много и рыболов много ж» [16, с. 124]. Впрочем, из этого контекста нельзя понять, что казаки были из города Брянска, скорее всего, топонимическое созвучие было воспринято народным сознанием местных жителей позже. Ныне оно распространено в топонимических преданиях о Брянке. Появилась упоминания о казачьем атамане Ивашке Брянском – то ли легенда, то ли сведения о реальной личности, прозвание которому было дано по деревне на реке Брянке [12, с. 117-118; 19].

Брянские казаки не могли основать в Сибири поселение в связи с тем, что городские казаки Севска, Брянска и Стародуба, поддержавшие Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, после избрания на московский престол Михаила Федоровича потеряли свой статус, растворились в среде мещан и крестьян, а «новоявленные казаки», нанятые поляками на охрану Стародуба, Мглина и Почепа, после присоединения в 1618 году этих городов по Деулинскому перемирию к Польше, не могли отправиться в Сибирь из-за своей иной государственной принадлежности [11].

Брянские казаки не обнаруживаются в истории Сибири и Забайкалья. Селенгинские казаки, о которых упоминал Н. Г. Спафарий, проживали в одноимённом остроге и его окрестностях. Их острог был построен в 1665 году

казаками под руководством Гаврилы Ловцова, который был «пятидесятником», а ранее числился как «Енисейского острогу десятник казачий». Енисейский острог был заложен сибирскими казаками из Тобольска Петром Албычевым и Черкасом Рукиным. Сибирское войско ведёт своё начало с 6 (16) декабря 1582 года, когда, по летописному преданию, царь Иван IV Грозный своим указом за взятие Сибирского ханства повелел именовать дружину Ермака «царской служилой ратью». Реально ядро Сибирского казачьего войска составили городовые казаки Западной Сибири XVII века [14; 15; 2].

По-бурятски река Брянка называется *Бүрэн*. В Интернете упоминается указ Селенгинской воеводской канцелярии от 1744 года, в котором перечисляются местности Бурен и Курба, а в документах 1816 года рядом с Курбой пишут уже Брянь (<http://asiarussia.ru/articles/528/>). Вероятно, бурятское *Бүрэн* превратилось в *Брянь*, а затем деривационным путём – в *Брянку*. Сходное преобразование бурятского инициального *бур-* в русское *бр-* отмечено в топониме *Братск* [12, с. 117]. В бурятском языке имеется ономатопоэтическое междометие *бур*, которое в составе фраземы *бур-бур гэхэ* означает ‘бурлить, пузыриться (о кипящей воде или молоке)’ [1, с. 49], от него образовано несколько лексем: *буржагар* ‘кудрявый, вьющийся’, *буржыха* ‘витья, завиваться’, *буршаганаха* ‘клокотать, кипеть’, *бурьялха* ‘бурлить, клокотать’, *бурьяма* ‘бурливый, клокочущий’, *бурьяха* ‘подниматься кверху, взвиваться, клубиться’ [там же, с. 49-51]. От этой же основы могло быть образовано название реки с бурным течением или извилистым руслом.

Во второй главе Р. Г. Жамсаранова представила обзорный историко-этнографический материал по истории Хоринской степной думы. Первая часть посвящена административному управлению инородцев в России. Отмечается, что степные думы создавались в целях административного управления инородческим населением Сибири и Забайкалья в частности. Они вели подушевой учёт населения, составляли разного рода отчёты. Исследовательница отмечает, что, в архивах имеется множество документов, содержащих статистические сведения о количестве скота, посевах, сенокосения, урожая хлебов, производстве денежных сборов у населения и пр. Степные думы занимались также вопросами землепользования, культуры и

религии, рассматривали дела о калыме, долговых взысканиях, потравах посевов и покосов, мелких кражах и др. (с. 225).

Степная дума состояла из нескольких родовых управ. В степную думу входили тайши (главный родоначальник), заседатели (зайсанги и шуленги), головы инородных управ. Делопроизводство велось на старомонгольской письменности. Вся территория, входившая в пределы думы, называлась ведомством. Система инородных управ строилась на сложившихся традиционных особенностях землепользования автохтонных этносов (с. 243). В монографии отмечается огромная роль религиозного верования населения Хоринской степной думы – ламаизма, способствовавшего консолидации бурят как автохтонного населения Забайкалья и их духовных связей с монголами. Возведённые на народные средства дацаны являлись центрами духовной жизни и самосознания народности (с. 267).

Хоринская степная дума была образована в 1824 году на месте Хоринской братской степной конторы. Первоначально она объединяла 11 родов. С 1745 года центр Хоринского ведомства располагался в небольшом зимовье на южном склоне небольшой горы Худаг вверх от низовьев реки Ана, позже оно переносилось в другие места, а в 1806 году переехало в Анинское селение (ныне улус Анинск Хоринского района Республики Бурятия).

Автор анализирует причины, по которым некоторые названия бурятских улусов отсутствуют в исследуемом документе при сопоставлении его данных с материалами монографии «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» [5], и приводит в таблице №2 анализ архивного документа «Хоацайская волость Верхнеудинского уезда Забайкальской области», датированного примерно 1912 годом (ГАЗК, ф. 19, оп. 1, д. 269, л. 80–82). Из материалов таблицы видно, что буряты осуществляли сезонные перекочёвки зимой, весной, летом и осенью, исходя из травостоя и состояния климата в отдельные сезоны, при этом в одном урочище могло находиться несколько улусов (с. 251-253).

В монографии заявляется, что языковая адаптация самоедоязычного и обско-угорского субстрата монгольскими языками привела к появлению в регионе немотивированных, трудно объяснимых названий. По предположению

Р. Г. Жамсарановой, буряты вобрали в свой состав самоедоязычные, угроязычные, тюркоязычные и тунгусо-маньчжуроязычные народности, в результате был сформирован бурятский язык, в лексическом фонде которого присутствует заимствованная лексика. Исследуя топонимические материалы, автор делает вывод, что родная земля далёких предков хори-бурят – это территория современной Бурятии и Забайкальского края, где они жили испокон веков. В разные исторические периоды их предки были известны под разными именами, возможно, они говорили на иных языках, о чём свидетельствуют субстратные названия, широко представленные в региональных топонимических системах (с. 268).

Завершает монографию библиографический список, состоящий из 66 позиций на русском, бурятском и немецком языках, а также словари древнетюркского, кетского, монгольского, негидальского, ненецкого, селькупского, тунгусо-маньчжурского, тюркских, финского, хантыйского, эвенкийского и эвенского языков.

Исследование было выполнено в рамках внутривузовского гранта Забайкальского государственного университета № ГР 221 «Заимствования из монгольских языков в русские говоры Восточного Забайкалья: адаптация и функционирование».

Следует согласиться с Раисой Гандыбаловной, что подготовленная ею монография предназначена для людей, проявляющих непосредственный интерес к региональной топонимии, языковой культуре и ментальности монгольских бурят, а также к истории Циркумбайкалья, краеведению и языкам. Думается, что и для других народов монгольской языковой семьи она будет полезной.

Список литературы

1. Бабушкин С. М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь. Изд. 14-е, стереот. Улан-Удэ: Республик. типогр., 2011. 568 с.
2. Высотина Е. А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 226 с.
3. Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь: в 3-х т. СПб.: Фак-т вост. языков С.-Петербур. ун-та, 1893-1901. 1289 с.

4. Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. С. 28-42.
5. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.: монография / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
6. Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2002. 24 с.
7. Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003. 128 с.
8. Жамсаранова Р. Г. Географические имена собственные Восточного Забайкалья. Чита, 2005. 208 с.
9. Жамсаранова Р. Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во РИО ЗабГУ, 2011. 237 с.
10. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: автореф. дис. <...> д-ра филол. наук. Томск, 2011. 49 с.
11. Крашенинников В.В. Взгляд через столетия: [Очерки истории Брянского края]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 271 с.
12. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 185 с.
13. Норманская Ю. В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинно-угорского, прафинно-пермского, праугорского, прафинно-волжского) // Аспекты компаративистики. Т. 3 / Под ред. Г. С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 679-734.
14. Порхунов Г. А., Воложанина Е. Е., Воложанин К. Ю. История Сибири: Хрестоматия/ под общ. ред. Г. А. Порхунова, Е. Е. Воложаниной. - 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 296 с.
15. Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск: Тип. окр. штаба, 1891. 256 + VIII с.

16. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.
17. Федотова Т. В. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 309. С. 18-22.
18. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
19. Элиасов Л. Е. Байкальские легенды и предания : Фольклор. записи Л. Е. Элиасова . 2-е изд., доп. и перераб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 255 с.

References

1. Babushkin S. M. *Buryatsko-Russkii i Russko-Buryatskii slovar'* [Buryat-Russian and Russian-Buryat dictionary]. 14th ed., stereo. Ulan-Ude: Republican typography, 2011. 568 p.
2. Vysotina E. A. *Kazachestvo Buryatii v proshlom i nastoyashchem* [Cossacks of Buryatia in the past and present]. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing House, 2007. 226 p.
3. Golstunskii K. F. *Mongol'sko-Russkii slovar'* [The Mongolian-Russian Dictionary]: in 3 vol. Saint-Petersburg: Oriental Languages Faculty of Saint-Petersburg University, 1893-1901. 1289 p.
4. Guya Ya. *Prarodina finno-ugrov i razdelenie finno-ugorskoj etnicheskoj obshchnosti* [The ancestral homeland of the Finno-Ugrians and the separation of the Finno-Ugric ethnic community] // *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija*. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 28-42.
5. Dameshek L. M., Zhalsanova B. C., Kuras L. V. *Istoriya Organov Mestnogo Samoupravleniya Buryat v XIX – nachale XX v.* [The History of Local Government of the Buryats in the 19th - early 20th c.]: monograph. Edited by B.V. Bazarov. Irkutsk: IGU Publ., 2013. 503 p.
6. Zhamsaranova R. G. *Toponimiya Vostochnogo Zabajkal'ya* [Toponymy of Eastern Transbaikalia]: Ph.D Thesis abstract. Ulan-Ude, 2002. 24 p.

7. Zhamsaranova R. G., Shulunova L. V. *Toponimiya Vostochnogo Zabajkal'ya* [Toponymy of Eastern Transbaikalia]. Chita, 2003. 128 p.
8. Zhamsaranova R. G. *Geograficheskie Imena Sobstvennye Vostochnogo Zabajkal'ya* [Geographic Proper Names of Eastern Transbaikalia]. Chita, 2005. 208 p.
9. Zhamsaranova R. G. *Substrat v Toponimii Vostochnogo Zabajkal'ya* [Substrate in the Toponymy of Eastern Transbaikalia]. Chita: RIO ZabGU Publ., 2011. 237 p.
10. Zhamsaranova R. G. *Kontseptosfera Srednevekovoi Mongol'skoi Etnonimii* [The Conceptual Sphere of Medieval Mongolian Ethnonymy]: Abstract of Dissertation of the Doctor of Philological Sciences. Tomsk, 2011. 49 p.
11. Krasheninnikov V. V. *Vzglyad cherez stoletiya: Ocherki istorii Bryanskogo kraja* [A look through the centuries: Essays on the history of the Bryansk region]. Tula: Priok. Publ. House, 1990. 271 p.
12. Mel'kheev M. N. *Toponimika Buryatii: Istoriya, Sistema i Proiskhozhdenie Geograficheskikh Nazvanii* [Toponymy of Buryatia: History, system and origin of geographical names]. Ulan-Ude: Buryat. Publ. House, 1969. 185 p.
13. Normanskaya Yu. V. *Rekonstrukciya Nazvanii Rastenii v Ural'skih Yazykah i Verifikatsiya Lokalizatsii Prarodin Ural'skih Yazykov (Praural'skogo, Prasamodiiskogo, Prafinno-Ugorskogo, Prafinno-Permskogo, Praugorskogo, Prafinno-volzhsckogo)* [Reconstruction of Plant Names in the Ural Languages and Verification of the Localization of the Ancestral Homelands of the Ural languages (Pra-Ural, Prasamodian, Pra-Finno-Ugric, Pra-finno-Permian, Pra-Ugori, Pra-Finno-Volga)] // *Aspekty Komparativistiki*. V. 3. Edited by G.S. Starostin. Moscow: RGGU Publ., 2008. Pp. 679-734.
14. Porkhunov G. A., Volozhanina E. E., Volozhanin K. Yu. *Istoriya Sibiri: Hrestomatiya* [History of Siberia: Reader]. Edited by G. A. Porhunov, E. E. Volozhanina. 2nd Ed., stereo. Moscow: Flinta Publ., 2011. 296 p.
15. Putintsev N. G. *Hronologicheskii Perechen' Sobytii iz Istorii Sibirskogo Kazach'ego Voiska so Vremeni Vodvoreniya Zapadnosibirskih Kazakov na Zanimaemoi imi Nyne Territorii* [Chronological List of Events from the History of the Siberian Cossack Army

- since the Establishment of the West Siberian Cossacks on the Territory They Now Occupy]. Omsk: District Headquarters Typography, 1891. 256 + VIII p.
16. Spafarii N. G. *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i Granits Kitaya Russkogo Poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 Godu: Dorozhnyj Dnevnik Spafariya s vved. i primech. Yu. V. Arsen'eva* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China of the Russian Envoy Nikolay Spafari in 1675: Spafari's Travel Diary with the Introduction and notes of Yu. V. Arsen'ev.]. Saint-Petersburg, V. Kirshbaum Typography, 1882. 214 p.
17. Fedotova T. V. *Substrat v Toponimii Vostochnogo Zabajkal'ya* [Substrate in the Toponymy of Eastern Transbaikalia] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 309. Pp. 18-22.
18. Haidu P. *Ural'skie Yazyki i Narody* [Uralic Languages and Peoples]. Moscow: Progress, 1985. 430 p.
19. Eliasov L. E. *Baikal'skie legendy i predaniya : Fol'klor. zapisi L. E. Eliasova* [Baikal legends: Folklore records by L. E. Eliasov]. 2nd ed., Supplemented and revised. Ulan-Ude: Buryat. Publ., 1984. 255 p.

**TOPONYMIC RIDDLES OF EASTERN TRANSBAIKALIA (BOOK REVIEW:
R. G. ZHAMSARANOVA. THE NAMES OF SETTLEMENTS OF KHORINSK
STEPPE DUMA: MONOGRAPH. – CHITA: PUBLISHING HOUSE OF TRANS-
BAIKAL STATE UNIVERSITY, 2017. – 274 P.)**

Suprun V. I.

The article reviews the book of professor of Transbaikal State University R. G. Zhamsaranova, devoted to the analysis of place names from the archival document "Statement of the foreign population of the Khorin steppe Duma of the Verkhneudinsky district with the indication of the population and institutions in them" from 1897. The author concludes that throughout the history the Buryats have mixed with different nations (the Samoyed, Ugro-Finns, Turks, Tungus, Manchus), and their language got assimilated as well. Exploring the toponymic material, R. G. Zhamsaranova concludes that the Hori-Buryats lived on the territory of modern Buryatia and Trans-Baikal territory since the beginning of time. The work of the Trans-Baikal onomatologist is highly appreciated in the review, and it is stressed that the considered material can be used for glottochronological conclusions. The review clarifies the etymology of place names Bryan, Bryanka.

Keywords: Transbaikalia, monograph, toponym, etymology, Buryats, Steppe Duma, ulus, archival document, glottogenesis, borrowings.

АВТОРЫ

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Горелова Ольга Олеговна – аспирантка кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Ерохина Татьяна Александровна – преподаватель кафедры русского и латинского языков ГООВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького», г. Донецк, ДНР

Забашта Роман Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение)

АВТОРЫ

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Кравченко Елена Витальевна – ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Курьянов Сергей Олегович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лосинец Дарья Юрьевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лушникова Галина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Остапенко Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Прайд Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград, Россия

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чжан Менцзя – аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шаколо Александр Вячеславович – аспирант УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Александрова И. В., Кравченко Е. В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО
«БОЯРЩИНА» КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ.....3

Иванова Н. П.

МОТИВЫ СНА И УВЯДАНИЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ТЕКСТЕ
РУССКИХ ПОЭТОВ XIX-XX ВВ.....25

Курьянов С. О., Лосинец Д. Ю.

НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА А. С. ГРИНА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «НОЧЬЮ И ДНЕМ»).....38

Лушникова Г. И., Горелова О. О.

КОНТАМИНАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
НАРРАТИВОВ В ТРАВЕЛОГЕ ПОЛА ТЕРУ «ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛБЫ:
БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ».....51

Орехов В. В., Чжан Менцзя

«ВОКРУГ СВЕТА НА “КОРШУНЕ”»: «ВЗРОСЛАЯ» ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....67

Остапенко И. В.

СТРАТЕГИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В КНИГЕ М. ВОЛОШИНА
«ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ».....94

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ

ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Ерохина Т. А.

ПОЭТОНИМ И КОНТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. А. ВОЛОШИНА)...111

Прайд О. Ю.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ:
АНАЛИТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....124

Чабаненко Т. С.

«МОДНЫЕ» СЛОВА НЕ В МОДЕ, ИЛИ ОБ ОСВОЕНИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА».....142

Чепурина И. В.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ
ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА).....161

**3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ
ЗНАНИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ**

Богданович Г. Ю., Димитрова В. И.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ
СЛАВЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ.....178

Егорова Л. Г.

АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....192

Забашта Р. В.

СТЕРЖНЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ...201

Шаколо А. В.

КОНЦЕПТЫ «ДОМ» И «ЛЕС» В КРЫМСКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ.....223

4. РЕЦЕНЗИИ**Супрун В. И.**

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА
КНИГУ: ЖАМСАРАНОВА Р.Г. ОЙКОНИМЫ ХОРИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ:
МОНОГРАФИЯ. – ЧИТА: ИЗД-ВО ЗАБГУ, 2017. – 274 С.).....239

АВТОРЫ.....251